

Всеволод РЕЧИЦКИЙ

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ. УКРАИНСКИЙ ОПЫТ

6(38)

В специальном выпуске информационно-аналитического бюллетеня Харьковской правозащитной группы "Права людини" (38 излагаются отдельные политико-правовые аспекты современного конституционализма. В книге анализируются феномены органической нормативности и так называемого конституционного "предправа". Особое место в работе уделено органическим истокам и интеллектуальным предпосылкам украинского конституционализма. В работе также приводится альтернативный модельный проект Конституции Украины.

Всеволод Речицкий - докторант Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого (г.Харьков), стипендиат фондов IREX, FULBRIGHT, лауреат премии журнала "Сучасність" за лучшие публикации на социально-политическую тематику.

Книга будет полезна специалистам в области политических наук и конституционного права, а также всем, кто интересуется историческими аспектами украинского конституционализма.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[ОРГАНИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ПОЛИТИКЕ](#)

[КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ](#)

[Предконституционное нормирование](#)

[Конституционное регулирование политики](#)

[Конституция в ее отношении к свободе](#)

[Конституционные гарантии политической активности](#)

[УКРАИНСКИЕ ПРЕДКОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕИ](#)

[Политико-правовые предпосылки украинского конституционализма](#)

[Конституционное регулирование политической активности в советской Украине](#)

[СУДЬБА УСРЕДНЕННОСТИ](#)

[КОНСТИТУЦИЯ УКРАИНЫ \(МОДЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ\)](#)

[Глава I. Основы общественного развития](#)

[Глава II. Гарантии свободы](#)

[Глава III. Гражданское общество](#)

[Глава IV. Гражданские обязанности](#)

[Глава V. Экологическая безопасность](#)

[Глава VI. Референдум](#)

[Глава VII. Национальное собрание](#)

[Глава VIII. Президент](#)

[Глава IX. Кабинет министров \(правительство\)](#)

[Глава X. Судебная власть](#)

[Глава XI. Прокуратура, служба безопасности, вооруженные силы, полиция](#)

[Глава XII. Государственное устройство](#)

[Глава XIII. Чрезвычайное положение](#)

[Глава XIV. Военное положение](#)

[Глава XV. Государственные символы](#)

[Глава XVI. Изменения и дополнения к конституции](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта небольшая книга посвящена проблеме конституционализма и некоторым вопросам интерпретации этой широкой политической, философской и правовой концепции применительно к опыту Украины.

В работе выясняются такие вопросы, как явление органической (предконституционной) нормативности, предназначение конституции, соотношение конституции и свободы, роль конституции в обеспечении социального прогресса и защите прав человека.

В работе излагается либерально-демократическое понимание роли и места основных законов в жизни посттоталитарных стран. Автор книги убежден, что главным предназначением конституции является защита гражданской свободы, обеспечение гражданскому обществу пространства для нескованной и спонтанной инициативы, создание так называемых "зон, свободных от регулирования".

В книге собрано значительное количество конституционных определений и иного теоретического материала, позволяющего с позиций современной юридической и

политической науки переосмыслить некоторые традиционные государственно-правовые ценности. Например, такие, как демократия, свобода, прогресс, права человека. Однако сделано это здесь, главным образом, применительно к праву, современным конституционным доктринам и конкретным конституциям в частности.

Особое внимание в книге уделено выяснению органических предпосылок украинского конституционализма. Автор считает, что украинский политический опыт свидетельствует о глубоких традициях свободы украинского народа и доказывает, что именно ценность свободы должна быть, как и в США, определяющей категорией украинского конституционализма. В книге рассматривается эволюция украинских конституционных идей и связанных с конституционным правом более широких политических представлений. Завершает работу модельный проект Конституции Украины, в котором на нормативном уровне отражены основные идеи книги. По мнению автора, модельный проект показывает важные тенденции и перспективы будущего развития украинской конституционной теории и практики.

Книга написана на основе опыта работы ее автора на кафедре конституционного права Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого, а также стажировок в Библиотеке Конгресса США (1994-1995 гг.), на кафедре политических наук (проф. Russell Keat) и в центре социальных проблем права (проф. Zenon Bankowski) Университета Эдинбурга (1996-1997 гг.). Работа автора книги в научных центрах США и Великобритании финансировалась фондами IREX и FULBRIGHT, Институтом открытого общества (OSI, New-York), украинским благотворительным фондом "Відродження" и Министерством иностранных дел Великобритании.

Книга издается по инициативе и при финансовой, а также организационной поддержке Харьковской правозащитной группы. Особую признательность за организацию процесса подготовки рукописи к печати автор хотел бы высказать сопредседателю ХПГ г-ну Евгению Захарову.

Всеволод Речицкий

ОРГАНИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ПОЛИТИКЕ

Явление органических норм в политической сфере отрицать вряд ли возможно. Интерес к ним предопределен множеством обстоятельств, в том числе и соображениями пользы, которую можно было бы извлечь, приблизив конституционные нормы политической активности к естественным, органическим нормам политического поведения. Ведь, как считал Фома Аквинский, писанный закон является законом лишь в той степени, в какой он близок природе. Г.Бергсон, в свою очередь, думал, что явление органической нормативности не только существует, но и предопределено всей логикой самосохранения общества. Так, начиная с языка, человек постепенно усваивает основные требования органической нормативности. Главной органической нормой Г.Бергсон считал саму потребность общества в нормативности.[1] Говоря о феномене естественной нормативности в протекании общественных процессов, С.Лем подчеркивал в нем особую роль наследственной передачи информации, а также действия мозга, основанные на обучении и создании "проблемных модельных ситуаций".

По мнению С.Франка, многие социальные бедствия можно было бы предотвратить, если бы реальная политика научилась считаться с "призраками" справедливости.[2] Он верил, что в сфере духовных основ жизни царит строгая закономерность, не менее точная, чем в мире физическом, которую Паскаль некогда называл *orde du coeur* или *logique du coeur* -

логикой сердца. У Д.Ролза первой добродетелью политических институтов является справедливость, а первой органической добродетелью мышления - правдивость. Именно поэтому, как он считал, даже наиболее результативные законы и политические институты должны быть реформированы или запрещены, если они несправедливы.[3] Будучи главными добродетелями человеческой активности, писал Д.Ролз, правда и справедливость уникальны в том смысле, что не могут быть предметом компромисса. Характерно, что и А.Фергюсон сетовал на законы, более похожие на команды, чем на моральные правила.[4] А.Сахаров также считал органические критерии нравственности более обязательными, чем "абстрактная арифметика истории".[5]

Органическая нормативность присуща множеству человеческих проявлений. К.Юнг думал, что людям в современном мире в большинстве своем посильна лишь роль статистов. Их коллективное бессознательное лежит в основе того, что древние называли "связью всего со всем".[6] В свою очередь, А.Фергюсон верил, что разуму присущи некоторые изначальные законы, которые становятся заметными лишь после того, как наглядные примеры докажут их наличие.[7] На самом деле никакая конституция не создается по договору, ни одно правительство не является копией предначертанного, говорил он.

Д.Сартори как-то заметил, что может привести множество примеров политических выводов и следствий, которые остаются неизменными в самых переменчивых обстоятельствах.[8] Соглашаясь с этим, Б.Рассел писал, что существование органических норм в человеческих отношениях предполагает ограничение власти людей над внешней средой, равно как и ограничение власти человека над человеком. В свою очередь Г.Моска думал, что политические события весьма часто происходят под влиянием инстинктов и предубеждений, которые либо бессознательны, либо не предполагают своих последствий. Соппротивление же им в большинстве случаев неэффективно и бесполезно. Кроме того, подавленные инстинкты могут подмять под себя человека и даже уничтожить его.[9] Человек справляется с природой, лишь следуя ее великим постоянным законам ("great constant laws") и адаптируя себя к ее путям, говорил А.Яффе. Недаром у Д.Талмона грандиозный феномен политического мессианизма порожден органической антиномией индивидуального самовыражения и социального принуждения.[10]

Только средние по сложности переживания относятся к сознательному "Я" человека, а самые простые и самые сложные принадлежат миру "не-Я", - думал Н.Лосский. Именно поэтому не всем политическим законам присущ волевой момент, не все они находятся во власти субстанциональных деятелей.[11] Существуют изначальные законы, которые позволяют осмысливать мир исключительно в силу того, что это законы иерархии ценностей. Именно такие законы открывают человеку простор для бесконечно разнообразных деятельностей. Интересно, что у Аристотеля политика не создает людей, а берет их такими, какими их ранее создала природа. И у Б.Паскаля "природное право", как кодекс конкретных максим поведения, придуманных человеком, есть иллюзия. На самом же деле правовая система представляет собой лишь отдельные составные части того "конфликта очевидностей", которым выступает "человеческая природа".[12] Как считал М.Вебер, даже рациональная политическая активность следует определенным естественным законам.[13] Временно человек может взять верх над средой. Однако затем, как писал Р.Джонстон, "законы природы возьмут свое", потребовав значительной контрибуции от людей.

По мнению А.Селигмана, "право природы" возникло из сочетания христианской идеи Божественного провидения и здравого смысла, впервые проявившись у греческих стоиков еще во время упадка полиса.[14] С другой стороны, как писал И.Берлин, "человеческая

предсказуемость" вообще есть не более, чем конечный продукт факторов, которые обычно неисчислимы, неизвестны, неконтролируемы и нераспознаваемы. Действия людей подобны природе, писал В.фон Гумбольдт, которая следует единообразным законам, и человек не может выйти за пределы своей колеи. Получая от сходных предметов сходные впечатления, он сходным же образом на них реагирует.

У Ф.Хайека органические политические нормы представлены в свехобобщениях ("generalizations"), которых люди обычно четко не распознают, но которые фактически управляют работой их разума.[15] Для П.Готфрида умственная активность человека и вытекающие из нее социальные институты не являются бесконечно пластичными: они укоренены в структуре разума и предопределены органическим развитием мозга.[16] В свою очередь, как считал Д.Бейнс, законы природы постоянны и вечны, и стоят вне добра и зла.[17] У Ж.де Местра люди повинуются неоспоримым и властным обычаям, нравам, предрассудкам и господствующим идеям, которые темны и загадочны. Для П.Юркевича же природа обычно следует логике, в которой последнее по времени есть первое по сущности.

Известно, что Ч.Беккариа источниками нормативности считал Божественное откровение, естественные законы и добровольные гражданские соглашения.[18] Для Ж.-Ж.Руссо нормы политической культуры определялись моралью, обычаями и мнениями. Такие нормы он считал "выгравированными в сердце".[19] У А.Токвиля привычки души ("habits of the heart") выступают главными причинами американской политической ситуации.

Как известно, у И.Канта действительность есть познаваемая разумом *natura archetypa*, которая лишь затем отражается в человеческой воле и становится *natura estypa*. У Д.Вико Божественное право опережает героическое право силы, которое, в свою очередь, предшествует человеческому праву разума. Возможно, что именно поэтому конституции обычно терпят поражение, если оказываются неспособными восстановить "общественный дух", витающий над ее создателями. Они проигрывают, если не могут произвести эффект, о котором Ю.Хабермас говорил как о трансформации руссоистского "духа общности" в тот "конституционный патриотизм", о котором писали Х.Кэрилл и А.Скотт.[20]

Как утверждают современные источники, политогенезу изначально сопутствовал спектр индискретных норм социальной регуляции (мононорм), не обладавших какими-либо признаками морали и права. Позднее право впитало в себя мононормы, санкционированные предполитической властью.[21] Что же касается первичного содержания мононорм, то оно определялось структурой человеческого сознания, иерархией ценностей, колебаниями природных циклов, общим динамическим стереотипом поведения человека и др.

Интересно, что В.Кавелин рассматривал политическую жизнь покоящейся как бы на балансе органических общественных отправлениях. Как только в этом балансе одна политическая функция начинает брать верх над другими, органическое равновесие нарушается и общественный организм заболевает. Примечательно, что и у П.Чаадаева сохранение общественной жизни обеспечивается балансом органических свойств каждого из ее составляющих.

По мнению К.-А.Гельвеция, в государственных делах обычно не существует изолированных проблем, из чего следует, что регуляторами человеческого поведения выступают философские и научные идеи, правовые и религиозные системы, направления и стили в изобразительном искусстве и литературе вместе взятые. Характерно, однако, что

всем этим сферам также присуща органическая нормативность. В самом деле, как писал Ж.Базен, "никто не рисует так, как ему хочется. Художник может лишь стремиться изо всех своих сил к живописи, на которую способен его век".[22] При этом большинство эффектов органической нормативности следует динамическому стереотипу, в соответствии с которым общество вначале программирует собственные законы, а затем эти же законы с помощью целого ряда политических механизмов программируют себя. Как считает Ю.Хабермас, примерно так происходит диалектическое взаимодействие права и политической власти.

По мнению Д.Истона и Р.Хесса, нормативность политического поведения человека закладывается также опытом семьи и детства. Когда мы говорим о политических правилах игры, писал Д.Истон, то обычно подразумеваем правила, которые воплощены в конституциях и кодексах. Однако на самом деле политические нормы в огромной степени основываются на обычаях.[23] Недаром, как свидетельствует Е.Вятр, многие стандартные политические ориентации складываются у людей уже между тремя и тринадцатью годами их жизни.

Изучая особенности разнообразных правовых систем, Р.Давид заметил, что все они, так или иначе, связаны с органическими предправовыми феноменами, содержание которых, в свою очередь, определяется жизненным укладом представителей той или иной цивилизации и преобладающим в этой цивилизации образом мыслей. Именно поэтому законодатель может воздействовать на данные элементы не в большей степени, чем на язык или способы общения.[24] По мнению О.Тоффлера, каждая цивилизация имеет свой органический нормативный код - сеть правил и принципов, которые пронизывают ее активность, как некий повторяющийся дизайн.[25] Примечательно, что и Г.Моска верил, будто каждая страна и эпоха имеет органический "набор идей и верований", которые влияют на ее политический механизм.[26] Как известно, А.Смит считал органически нормативной саму природу человека, которой у него выступает "естественная система свободы". Презумпция органической нормативности содержится также в известном постулате Л.Мэмфорда о связи чрезмерной власти и производительности с чрезмерным насилием и разрушением. Она присутствует также и в предположении Ф.Хайека о том, что цивилизация движется в сторону признания легитимности всемирного права.[27]

Понятие органической нормативности во многом близко понятию традиции. В этом смысле органически нормативной является вся человеческая культура как традиция усвоенных правил поведения, которые никем не были изобретены. Так что и сегодня нам не до конца известно их предназначение. Как писал Д.Вико, природа вещей определяется их возникновением в определенное время и при определенных условиях. Когда последние таковы, именно такими возникают и вещи.[28] Органическая нормативность основывается также на генетически наследуемых и определяемых физиологической структурой человека инстинктах. Ее последовательно формируют все типы социальных структур, через которые человеку в процессе его эволюции довелось пройти. Лишь на самом верху обнаруживается тонкий слой правил, сознательно отобранных и модифицированных человеком ради конкретных и сознательно поставленных целей. В остальном же люди, в отличие от законов, имеют память и устоявшиеся образцы (шаблоны) поведения, которые могут быть изменены лишь постепенно (если это вообще возможно), писал И.Погани.[29]

М.Восленский называл политические структуры каркасом общества, созданным отношениями, взглядами и привычками человеческих масс.[30] По мнению Ю.Липы, естественная нормативность формируется будничным историческим опытом и традициями. Ее первичными формами может быть честное слово, раз данное обещание, обычай предков и предание старины.[31] Политические идеи, считал В.Кавелин,

воспроизводят не единичный факт, а формулу фактов, которые в практике отдельных людей превратились в обязательный закон, идеальную норму. Обычай похож на царя, писал Д.Вико, закон же напоминает тирана. Иначе говоря, писанный закон и обычай весьма по-разному нормативны.

Не вызывает сомнений, что органически нормативным является сам принцип политической активности. Суть природы заключается в том, чтобы действовать, писал П.-А.Гольбах. Если мы внимательно посмотрим на ее части, то увидим, что среди них нет ни одной, которая бы находилась в абсолютном покое. Быть животным означает быть борцом, писал Х.Плеснер, а эксцентричность - это лишь характерная форма фронтальной направленности человека к окружающей среде. Полемизируя с представителями философского идеализма, Н.Лосский упрекал последних в том, что они не допускают в мире активности, не включают в состав природы свободу. Между тем, активность удовлетворяет потребности мыслящего человеческого существа, обретающего свою определенность лишь в утверждении и осуществлении свободы.[32]

Считая принцип активности универсальным социальным законом, М.Шаповал писал, что любую историческую эпоху характеризует, прежде всего, масштаб антагонистических и солидаристских политических усилий в обществе.[33] У В.Вернадского политическая активность становится органическим императивом человека после того, как он осознает свою обязанность действия в планетном масштабе. По мнению М.Борна, позицию человека в мире характеризует, возможно, уникальное сочетание животных инстинктов и интеллектуальной мощи. Однако, продолжает он, "эти рассуждения вполне могут оказаться и неверными. Именно на это я надеюсь. Когда-нибудь человек сможет стать более способным и мудрым, чем кто-либо из людей нашего времени. Тогда человечество выйдет из тупика".[34]

Не вызывает сомнений, что универсальным императивом политической активности является интерес. Абстракции обычно мало интересуют людей, если они очевидным образом не связаны с их самочувствием. Как выгодно было бы, писал Ф.Хайек, использовать интерес человека к тому, что его непосредственно окружает, поощряя его прикладывать в этой сфере свои знания и навыки. Если же человеку предлагают высказаться о делах, которые его совершенно не заботят, идея политической активности оказывается скомпрометированной.[35] В долговременной перспективе миром правят моральные принципы, в которые верит большинство. Однако важнейшим принципом, который сделал возможным развитие передовой цивилизации, остается принцип свободы преследования человеком своего индивидуального интереса.

Как принято считать, индивидуальная свобода гарантируется частной собственностью, обеспечивающей возможность автономного использования ресурсов. Но, независимо от наличия или отсутствия собственности, в основе нормативного поведения человека заложена также и свобода воли. Последняя присутствует в нем не абсолютно, а в форме морального императива, который дан человеку не а priori, а был сформирован естественным путем. Возможно поэтому В.Соловьев верил, что руководящим началом всякой политики следует, в конечном счете, признать не самомнение, а нравственную обязанность.

Судя по всему, то обстоятельство, что моральный императив является проявлением высшего уровня органической нормативности, как раз и делает его столь обязательным. Как средство индивидуальной стратегии он прокладывает свой вектор, не считаясь с сопротивлением внешних обстоятельств. Характерно, что И.Кант понимал роль морального императива, как оружия, используемого в условиях тесной и разнородной

среды, в которой конфликт обычно предполагается. "Нравственная ступень, - писал он, - на которой стоит человек (а по нашему мнению, каждое разумное существо), есть уважение к моральному закону. Убеждение, которое ему надлежит иметь для соблюдения этого закона, состоит в том, чтобы соблюдать его из чувства долга, а не из добровольного расположения и во всяком случае не из непринуждаемого, самостоятельно и охотно осуществляемого стремления соблюдать его, и моральное состояние человека, в котором он всякий раз может находиться, есть добродетель, т.е. моральный образ мыслей в борьбе, а не святость в мнимом обладании полной чистотой намерений воли".[36]

Примечательно, что и Ю.Хабермас предостерегал против упрощенного понимания категорического императива, порывающего с эгоцентризмом золотого правила ("не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе") и призывающего к тому, чтобы на вопрос: "Что я должен делать?" моральный ответ давался в обязательном соотношении с вопросом: "Что должно делать каждому?"[37] Ведь в последнем случае моральный императив становится всеобщим императивом, утрачивающим значение правила, посильного лишь для одиночек. В самом деле, иная ситуация подпадала бы под действие правила, открытого наблюдением Й.Хейзинги: чем больше культурный идеал проникнут чаянием высших добродетелей, тем глубже несоответствие между основанной на нем формальной стороной жизненного уклада и реальной действительностью.[38] Как говорил, к тому же, Д.Брайс, бедность и пуританство идут обычно одной дорогой, а стремление получать от людей слишком многое ведет лишь к тому, что они отдают слишком малое... Недаром Г.Моска писал, что политическая система, допускающая существование сверхчеловеческих или героических добродетелей, обычно находит свой конец в пороке и коррупции.[39]

Возвращаясь к теме, следует согласиться, что косвенное доказательство наличия органических норм присутствует и в признании К.-А.Гельвецием существования истин, которые не лежат на поверхности, однако служат фундаментом других истин. Поскольку же априорное познание иерархии политических истин затруднено, политические нормы вырабатываются на политическом рынке, где они не имеют какой-либо предварительной цены. Фактическая ценность таких норм определяется в своеобразной конкуренции. Создание же условий надлежащей конкуренции политических норм как раз и составляет одно из основных органических требований конституционализма. Выражаясь юридическим языком, данное требование имеет скорее не материальный, а процессуальный характер.

Как писал Х.-Г.Гадамер, одной из серьезных проблем органической нормативности является приведение процедуры формирования политических мнений в согласие с императивом разума, требующим строить общественную жизнь на основе нестесненных суждений свободной критической мысли.[40] По мнению Б.Рассела, обучение тому, как жить, не имея уверенности в будущем, но и не будучи парализованным нерешительностью, является главной задачей современной философии. Данная задача является трудной, если учесть, как медленно политически перестраивается обычно человек, несмотря на все свои разочарования. Уже давно замечено, писал М.Маринович, что людям легче заполнить собой лагерную Сибирь, нежели внести трезвые политические коррективы в вечный полет бабочки на свет ночного фонаря.

Кроме категорического императива для общего понимания концепции органической нормативности в наследии И.Канта важной является интерпретация им идеи самоценной личности: "Теперь я утверждаю, - писал И.Кант: человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как

на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться так же как цель".[41] Вопрос же о том, является ли данная цель высшей, остается открытым. Ибо, как писал З.Фрейд, мы не можем возвышать себя до такой степени, чтобы не обращать никакого внимания на первоначальные животные инстинкты нашей природы, и мы не должны забывать, что счастье каждого индивида должно входить в цели нашей культуры.[42]

Из приведенных установок вытекает незамысловатое, на первый взгляд, правило о том, что органическая политическая нормативность соотнобразуется с природой человека, определяется этой природой и служит ей одновременно. Трудность остается лишь в определении природы последнего. Характерно, что у Т.Гоббса естественное право ("jus naturale") есть свобода человека использовать свои силы по собственному усмотрению для сохранения своего природного естества. Естественный же закон ("lex naturalis") есть для Т.Гоббса обнаруженное разумом общее правило, запрещающее человеку делать то, что пагубно для его жизни, и упускать то, что он считает наилучшим средством для ее сохранения. Данная идея оказалась настолько практичной, что, как писал Г.Редер, вся буржуазная революция в Северной Америке исходила из убеждения, что политические институты будут прогрессировать в направлении все большего их соответствия природе человека.[43] В самом деле, если любая политическая идея сильна своей укорененностью в структуре личности, то из этого следует, что никакая идея не может быть сильнее лежащей в ее основе эмоциональной матрицы.[44] Конституции, писал по этому поводу Л.Ферраджоли, как и право в целом, есть совокупность значений (смыслов). Поэтому они существуют и эффективно функционируют лишь до тех пор, пока их ценности разделяются широким гражданским сообществом.[45]

Неудивительно, писал Ж.-Ф.Ревель, что верить в победу сандинистов на выборах 1990 г. в Никарагуа могли только те, кто не замечал простого факта: режим сандинистов не делал людей счастливее.[46] Если мы хотим достойно ответить коммунизму, подчеркивал Л.Харц, наша задача должна состоять лишь в том, чтобы нравственный дух Декларации независимости США стал достоянием многих народов. Как заметил по иному поводу кардинал Ф.Кьонинг, хотя политики обычно создают далеко идущие планы, последние не воплотить в жизнь без глубоких перемен в сердцах.[47] При этом общество не должно мифологизировать человека, а принимать его таким, каким он есть. В русле подобных рассуждений нетрудно согласиться с идеей М.Крюгера о том, что органические конституции в идеале должны соответствовать "интуитивному праву" Л.Петражицкого, организуя в понятной для всех форме человеческую повседневную жизнь.[48]

По мнению Г.Плеханова, политические утопии XIX в. были первыми попытками сознательного законотворчества, ориентированного на человеческую природу. Драматическим же в этом начинании оказалось лишь то, что утописты ошиблись в определении человеческой природы. Хотя Ш.Фурье искренне пытался анализировать научно политические эмоции человека, а Р.Оуэн даже предложил "принципы науки о человеческой природе", итоги усилий утопистов больше разочаровывают, чем вдохновляют.[49] Нельзя считать удачной и схему человеческой природы у Сен-Симона и его последователей.

Как писал В.Розанов, западничество и славянофильство, несовместимые в книгах, смогли соединиться в живой натуре человека, оказавшейся на деле богаче, могущественнее и правдивее политической логики. И хотя политические реакции русских, как говорил по сходному поводу М.Джилас, по причинам исторического и культурного свойства отличны от реакций французов и британцев, будущее вряд ли сохранит эти различия.[50] Природа человека универсальна, и в этой своей универсальности она такова, писал П.Валери, что

порядок тяготит человека, а беспорядок заставляет его искать полиции или смерти. Иначе говоря, в своем естественном состоянии человек весьма противоречив. Именно поэтому реальное соотношение добра и зла в жизни должно адекватно отражаться в соотношении добра и зла в писаном законе. В противном же случае закон автоматически становится преступным.[51] Как говорил М.Рокар, у законов и декретов есть свои пределы, которые надо знать. Поэтому неудивительно, что демократия зависит не столько от правительственной политики, сколько от культурных образцов, принятых в том или ином обществе.[52] Однородность политических реакций коренится в культурном сходстве людей, которые должны восприниматься типически, с презумпцией, что принятые стимулы и ограничения окажутся эффективными.[53] По мнению Ж.-Ф.Ревеля, демократия становится неотвратимой лишь после ее превращения в общественный культурный императив. Утверждению же последнего должна в первую очередь способствовать сознательная политическая борьба с коррупцией.[54]

Из всего вышеизложенного следует, что проявления органической нормативности могут быть обнаружены, главным образом, в моральной и эмоциональной среде, на уровне политических максим. Последних, надо признать, существует в мире великое множество.

Например, известная политическая максима Ф.Хайека гласит, что в свободном обществе высшие должностные лица не должны располагать позитивной властью командования, ибо высший политический статус предполагает высшую обязанность следовать генеральному принципу.[55] Правило Н.Лосского утверждает, что неоригинальный ум живет по указке прошлого,[56] а Л.Гумилев подтверждает это правило на политическом примере "Бостонского чаепития".

По максиме А.Улыбышева, ординарный гражданин становится героем, защищая субъективно значимые политические ценности,[57] а у Ф.Ницше естественное желание индивида проявить свою силу обычно воплощается в стремлении к власти.[58] По правилу (теореме) Эшби, система управления не может быть менее сложной, чем объект управления,[59] а по максиме М.Мид главной задачей политического сообщества является сотрудничество, ибо политическая вражда для общества фатальна. Максима М.Волсера гласит, что единственным средством против частных привилегий есть стагнация, а единственным спасением от застоя - частные привилегии.[60] По максиме Д.Холла жить "плюралистически" в гражданском обществе так же естественно, как жить в условиях моноидеологического контроля при тоталитаризме.[61] Согласно правилу Д.Брайса, первым требованием политического управления является не равенство, а эффективность,[62] а по максиме Д.Талмона лишение собственности равнозначно лишению человека свободы самовыражения.[63]

Классической можно считать политическую максиму А.Гамильтона: дай всю власть многим, и они подавят немногих; дай всю власть немногим, и они подавят многих. Не менее полезным, хоть и не столь впечатляющим, выглядит правило М.Новака: высшие моральные результаты при капитализме достигаются уменьшением нажима на моральные цели.[64] Ему же принадлежит максима о том, что цензура означает для свободы слова то же самое, что командная экономика - для свободы рынка. Очевидно, что М.Монтень и А.Фергюсон могли бы составить антологии собственных политических максим. По мнению А.Фергюсона, образцовое согласие мнений недостижимо и в наиболее избранном обществе. Случись обратное, и общество тотчас же перестанет существовать.[65] Кроме того, как он считал, благополучием политического статуса люди обязаны своему характеру больше, чем общим теориям. Именно у него частная собственность признается политической основой прогресса.

Важные правила органической политической активности в свое время были предложены (открыты) Д.Дьюи. Как полагал Д.Дьюи, "свобода, равенство и братство" в классической французской формуле являются частью демократического идеала в такой же степени, как и личная инициатива.[66] Ему же принадлежит мысль о том, что теория демократии должна быть изменена в случае, если обнаружится ее несоответствие человеческой природе. Д.Дьюи считал аксиоматической оппозицию политических сил,[67] в которой индивид "вибрирует" между интеллектуально пустым и стабильным прошлым и настоящим, где каждому предстоит искать вектор приложения своих идей и эмоций. Как известно, Д.Дьюи также считал, что политическая ситуация индивида разделена уже внутри самой себя, поэтому баланс индивидуальной и социальной воли для него всегда органичен.

Критикуя формальное право власти действовать против граждан на основе писаного закона ("публичной книги правил"), Р.Дворкин считает органическим право индивида противостоять государству как таковому.[68] В близком к этому смысле В.Соколович писал о влиянии на законотворчество некоторых иррациональных мотивов.[69] Проявлением органической нормативности можно также, по-видимому, считать обязательность выполнения контракта, а также правило Т.Джефферсона и А.Линкольна об ограничении правительственной активности лишь теми задачами, которые граждане решить самостоятельно не в состоянии.[70] Смысл политической максимы присущ замечанию Р.Дала о демократическом большинстве, которое не является ни альтруистическим, ни эгоистическим, но которое обычно всегда некомпетентно в социальных теориях и политической философии,[71] а также тезису М.Джиласа о том, что любой политический строй стремится к устойчивости.

Черты органического присущи правилу М.Фридмана о большей чувствительности человека к лишению свободы слова в условиях, когда он пребывает в меньшинстве, чем когда он представляет большинство. Полезно также знать, что политические реформы уместны лишь тогда, когда они могут опереться на идеи, уже присутствующие в умах людей. Органическим кажется сегодня и правило П.Кропоткина, в соответствии с которым политическая коммуна нравственна лишь тогда, когда она допускает противоречия и столкновения внутри самой себя. Политической максимой является известное утверждение о том, что справедливость есть искусство неравенства, равно как и идея, что справедливость есть удовлетворенность каждого в его притязаниях на продвижение вперед.

Интересно, что С.Милль потребность людей в безопасности считал "самой необходимой из всех необходимостей", которая, однако, сохраняется лишь при условии, что производящая ее машина не останавливается ни на миг.[72] С.Франк органически нормативным считал политическое сокращение "во всей экономии национальной культуры" всевозможных посредников, транспортеров, сторожей, администраторов и распределителей,[73] а С.Хантингтон, в свою очередь, напоминал, что известное правило - нет налогов без представительства - должно дополняться также правилом: нет представительства без налогов.[74]

Присутствие органической политической нормы заметно в признании О.Уайльдом того, что только в добровольных отношениях человеку живется хорошо,[75] а также в замечании Ф.Хайека о том, что принуждение не может быть полностью устранено из политики, поскольку единственным средством против принуждения и сегодня остается угроза принуждения.

Настоящую коллекцию образуют политические максимы Г.Моски: общества всегда управляются меньшинством; быстрая межклассовая циркуляция существенна для прогресса; общества организуются вокруг коллективных иллюзий; уровень цивилизованности связан с уровнем юридической защиты; общества демонстрируют тенденцию движения к более высоким уровням цивилизованности; бюрократизация способствует революциям и др.[76]

Смысл политической максимы присущ словам Д.Дидро о том, что есть лишь одна добродетель - справедливость - и лишь одна обязанность - быть счастливым. Органически политическим является также развернутое правило Т.де Шардена: человек не сделает ни шага в направлении, которое бесперспективно. Но что требуется, чтобы открыть путь? Только одно, но это все. Чтобы нам были обеспечены место и возможности реализации себя, то есть, прямо или косвенно, индивидуально или коллективно, раскрыть до предела самих себя. Элементарный запрос, минимальная плата, за которыми скрыто огромное требование.[77] Кроме того, как писал Т.де Шарден, чем более сознательным делается существо, тем более широким становится поле его активности, передаваемой и сохраняемой через воспитание и подражание. У Д.Уинстенли мы обнаруживаем политическую норму о том, чтобы люди владели землей, не находясь во взаимном подчинении и т.д.[78]

Свойствами политически нормативного обладает "принцип антиципации" Т.Котарбинского, по которому охранительные и предупредительные действия требуют меньше издержек, чем пермутационные (конструктивные или деструктивные) действия. Черты органически нормативного присущи утверждению Д.Стейнбека о том, что любопытство и критицизм есть единственные подлинные стимулы всех научных изысканий,[79] равно как и о том, что в человеке воплощен разум, стремящийся к творчеству без какой-либо заведомо поставленной цели.[80]

Политико-нормативным можно считать христианский догмат о равноценности людей перед Небесным отцом, равно как и тезис Д.Локка о том, что по своим способностям отдельные люди более различаются друг от друга, чем обычно различаются люди и животные. Политической максимой является утверждение о том, что нравственное правительство - это практичное правительство,[81] равно как и утверждение о том, что защищенная свобода мышления есть главная гарантия прогресса. Политический аспект присущ тезису В.фон Гумбольдта о самостоятельности, как о занятости, которая приносит человеку наибольшую радость, равно как и тезису Шань Цзюнь Шу о том, что люди субъективно стремятся к порядку, объективно порождая при этом беспорядок.[82]

В целом политические констатации с элементами органической нормативности могут быть и более широкими. Например, как у С.Франка в его рассуждениях об отдаленных последствиях внедрения доктрины социализма, предписывающей подчинять жизнь строгим принципам социальной справедливости, радеть не о себе, а об общем благе. Итогом такого проекта, как доказывал С.Франк, всегда является лишь то, что человеческое существо из подвижника идеи превращается в зверя, способного не к труду, а к хищническому истреблению жизни. Политически нормативным можно считать и то, что человечество одновременно преследует цель сохранения жизни (избежания смерти) и увеличения интенсивности жизни. Последнее стремление как раз и делает жизнь все более опасной (Ж.Батай). Подобный парадокс подметил и А.Токвиль, говоря, например, что люди хотят быть руководимыми, оставаясь при этом свободными.[83]

В качестве важной политической констатации Г.Моска приводит слова Бокля (Buckle) об общественном прогрессе, который всегда является интеллектуальным и научным, но

никогда не бывает моральным.[84] Возможно, что именно поэтому в энциклике римской католической церкви "Centisimus Annus" от 2 мая 1991 г. содержится напоминание о том, что хотя свободная экономика и должна превалировать, жизнь человека не сводится к потреблению и подчиняется моральным и религиозным ценностям.[85] У Ф.Хайека данный тезис выражен более лапидарно: благосостояние не есть высший закон.[86] У Т.Адорно страх и деструктивность выступают источниками фашизма, творческий же дух эроса имманентно принадлежит демократии.[87]

В сущности, нормативные суждения и политические максимы неисчислимы. Многие из них могут претендовать на включение в конституцию или органический закон. Однако чаще всего они так и остаются приближенными к той или иной политической ситуации тривиальными правилами поведения, в соответствии с которыми строится обычная практика индивида (О.Конт). В этом качестве они не только освобождают последнего от необходимости принимать общие решения, но и помогают сформироваться его последовательной жизненной практике.

Значительно более глубокими, чем политические максимы, проявлениями органических политических норм выступают общецивилизационные или региональные (континентальные) геополитические нормативные коды (наборы принципов и крупномасштабных правил), о которых уже упоминалось выше. В роли сверхкрупной общецивилизационной нормы может выступать также политическая парадигма, одна из которых воплощена, например, в концепции капитализма. Именно в ее рамках А.Уайтхед показал, что правительства (аристократические, демократические или даже абсолютистские), выражающие интересы торговых и промышленных классов, всегда способствуют расширению индивидуальной свободы, утверждают "абсолютизм индивидуальности".[88]

Масштаб общецивилизационного нормативного кода присущ, по-видимому, политической схеме адаптации людей к ценностям мира, свободы и справедливости.[89] Элементом крупной политической парадигмы выглядит правило Л.Эрхарда, гласящее, что если политические усилия будут направлены на избыточное предохранение человека от превратностей жизни, то затем тщетно будет требовать от общества жизненной силы и стремления к производительности.[90] Проявлением глобальной политической нормы признается также обычно связь между демократией и рынком, равно как и антагонизм между демократией и командной экономикой.[91]

Именно нормативный код капитализма повлиял на то, что в Голландии XVII в. интересы государства и частных лиц пошли нога в ногу, так что купцам власть перестала даже приказывать.[92] В свою очередь, из этого феномена выкристаллизовались затем правила о том, каким может и должно быть всякое государство, не противоречащее природе человека.

Следует заметить, что реальное существование крупномасштабных нормативных политических кодов само по себе не гарантирует их беспроблемного и бесконфликтного восприятия людьми. На пути к ясному пониманию органических норм существует немало препятствий. Одним из них, по мнению П.Новгородцева, была "славянофильская фантазия", смысл которой заключался в том, что русскому народу политические права не нужны и не важны. По частному мнению К.Аксакова, русский народ никогда не был "государственным", будучи изначально лишен какого-либо политического честолюбия.

Как правило, уяснение реальных масштабов того или иного нормативного кода, включая выяснение пространственных границ его применения, затруднено. Как писал Д.Сорос,

существенное различие нормативных ориентаций Запада и Востока сегодня очевидно. Но это само по себе не лишает их известной парадоксальности. Так, в США накопление материальных благ продолжается (хотя материальные потребности здесь удовлетворены) просто потому, что оно отвечает органическому стремлению людей этого региона к творчеству. С другой стороны, в Восточной Европе поэзией и философией интересуются намного больше, чем в США.

Следует признать, что к категории общецивилизационного политического нормативного кода можно отнести концепцию правового государства, равно как и идею верховенства права. Ведь, как писал К.Косив, обе эти теории органически возникли на основе практических потребностей и интересов жизни человека.[93]

Органически нормативной является также, по-видимому, антиномичность и флуктуативность политической реальности. П.Кропоткин писал, что для природы человека в равной степени невыносимы как принудительный коллективизм, так и насильственная изоляция, если только они не чередуются попеременно друг с другом. В подобном же смысле можно говорить о противоречии между трудом и капиталом, дополняемом партнерскими отношениями между ними.[94] Ведь, как писал Ш.Фурье, политическому социуму разногласия нужны в той же степени, как и согласия. Политика требует сочетания социальных "антипатий" и "симпатий" в той же степени, в какой музыкальный аккорд нуждается в этом в отношении нот.

Как писали И.Пригожин и И.Стенгерс, социум пребывает в состоянии многочисленных флуктуаций, не переходящих в хаос лишь потому, что параллельно энтропийным процессам в обществе функционируют стабилизирующие связи. Между устойчивостью, обеспечиваемой связями, и неустойчивостью, порождаемой флуктуациями, существует конкуренция, от результатов которой как раз и зависит порог политической устойчивости.[95] Таким образом, общество представляет собой сложную систему, претерпевающую огромное число бифуркаций, порождающих привычное нам культурное многообразие. Чувствительность общества к флуктуациям вселяет одновременно надежду и тревогу. Надежду, ибо даже малые флуктуации могут усиливаться, изменяя структуру сложной системы (это значит, что индивидуальные политические усилия не бессмысленны). Тревогу, ибо сложный мир при этом лишается гарантий непреходящих законов.[96]

У В.Вернадского колебание активности живого вещества проявляет себя в историческом времени по такой же схеме, по какой происходят колебательные процессы неживой материи в геологическом времени. Подобно тому, как в процессах геологического времени атом или химический элемент никогда не возвращается к прежним (исходным) положениям, в историческом времени этот феномен проявляется в личности, в отсутствии в обществе двух тождественных индивидуальностей.[97] Кроме того, как писал Х.Плеснер, незаменимость субстанции индивидуального человека также означает, что его "Я" никогда не переходит в "Мы". Органическая двойственность бросает индивида попеременно то к самоутверждению, то к сдержанности. Закономерно, что именно она выступает одним из основных мотивов социальной организации.

У Ж.Ле Гоффа колебательность политических устремлений человека проявляется в балансировании Запада между христианской доктриной предопределения (Божественного детерминизма) и верховенством свободной воли, грозящей анархией в мире.[98] Хорошо осознавая это, Э.Мунье писал, что политика грозит погубить себя, если не научится прислушиваться к истинам, свидетельствующим в пользу Абсолюта.[99] Возможно, именно поэтому И.Берлин писал, что люди должны следовать принципам, которые не

конфликтуют между собой. В противном случае разумно следовать жизненной модели, в которую мы попросту верим. Если не существует "hard-and-fast" правил для управления людьми, они должны делать лучшее из возможного.[100]

Для Н.Лосского нормативную сущность человека воплощает в себе непосредственно образ Божий. Последний есть для Н.Лосского путеводная звезда всякого данного "Я", которая, тем не менее, не переходит в непосредственную причину или основу индивидуальных человеческих действий. У В.Соловьева протестантский принцип личной совести и свободы есть нормативное начало жизни, равное по значимости преданию и авторитету.[101] По мнению А.Яковлева, в основе органической нормативности всегда лежит справедливость, которая исторически ассоциировалась первоначально со Страшным судом, потом - с христианской совестью, традициями и общественным духом, еще позже - с общественным мнением, разумом, правами человека, коллективизмом, плановой экономикой и социальным равенством.[102] В самом деле, как говорил Р.Арон, ни одному политическому режиму не удержаться лишь на официальных полномочиях.

О роли политических норм, воплощенных в теориях народовластия, правового государства или разделения властей писал П.Новгородцев. Однако любой философский постулат, с помощью которого дурные политические формы превращаются в хорошие, для него всегда есть лишь промежуточный политический принцип, важный, но не безусловный.[103] Недаром Э.Мюррей писал, как трудно разделить в политике символическое и субстанциональное.[104] Из-за их путаницы, например, не сразу удалось установить, что противоречие между демократией и тоталитаризмом является более важным, чем противоречие между социализмом и капитализмом.[105]

Как уже отмечалось, примерами наиболее влиятельных широких нормативных систем, тесно связанных с политической практикой, являются концепции народного суверенитета (Ж.-Ж.Руссо); неотчуждаемых прав (Д.Локк); разделения властей (Ш.Монтескье); свободы, как цели политики (Гегель); ограниченного правления (Т.Джефферсон, Д.Мэдисон). Не совпадают с ними, но как-то к ним примыкают нормативные системы, воплощенные в "Доктрине Д.Монро" (2 декабря 1823 г.), "Четырнадцати пунктах" В.Вильсона (8 января 1918 г.), "Четырех свободах" Д.Рузвельта (6 января 1941 г.), "Атлантической хартии" (14 августа 1941 г.) и др.[106]

Конкретная значимость каждой нормативной системы в той или иной политической обстановке варьирует. В американской версии основных прав и свобод главными (органическими) являются свобода слова и выражения, свобода вероисповедания и совести, свобода собраний и право на равную защиту перед законом.[107] В.Гавел считал важнейшим правом человека возможность его передвижения "в широчайшем значении этого слова", [108] а у Х.Арендт основным правом человека выступает человеческое достоинство.[109] Для Д.Локка императивом служило равенство членов гражданского общества перед законом,[110] а для К.Поппера один человек никогда не был более значим, чем другой. Ж.Кондорсе, в свою очередь, думал, что права человека выводятся из моральных идей, которые человечество должно усвоить, а Г.Мабли гарантом всеобщего счастья считал правительственную заботу.[111] Для Ш.Монтескье же казалось особенно важным считать жилище гражданина его крепостью...

Разумеется, признание тех или иных моделей в качестве органически нормативных не означает, что их воздействие способно проявить себя без субъективных усилий. Зависимость нормы от ее эмоциональной матрицы делает поведенческую модель популярной в обществе не раньше, чем определенная критическая масса людей активно присоединится к ее требованиям. Внешне же все может выглядеть просто как чья-либо

инициатива. Последняя, впрочем, оценивается обычно высоко. Нельзя, например, забыть, что именно Д.Картер ввел идею прав человека в международную политику. Если до Д.Картера текст Декларации 1948 г. висел где-то далеко от политической кухни, то после него на ее статьи стали ссылаться важные политические документы. Когда Д.Картер поставил американскую помощь в зависимость от соблюдения прав человека, многие писали о недопустимости смешивания политики и морали. Между тем, более близкое знакомство с личностью Д.Картера показывает, что его политические акции действительно подкреплялись его субъективными эмоциональными состояниями.

Интересную модель процесса становления органически нормативного приводит Ф.Хайек. По его наблюдениям, удачная комбинация знаний и способностей, формирующих норму успеха, является обычно продуктом активности индивидов, имитирующих тех, кто первым был удачлив и чье поведение, руководимое специальными сигналами и символами (ценами за их продукцию, выражением морального и эстетического удовольствия со стороны окружения) сделало их образцовыми.[112] В политике нормативная модель может первоначально возникнуть из попытки, как у В.Вильсона, убедить мир в необходимости интеграции или, как у Д.Картера, из стремления поддержать права человека. Во всех этих случаях важной является внутренняя эмоциональная поддержка, вера лидера в справедливость определенной нормы. Ведь, как писал Ф.Фукуяма, хотя дефекты социалистических экономик были очевидны уже полвека назад, страны советского блока стали отходить от централизованного планирования лишь после того, как в сознании их элит состоялся выбор в пользу "протестантского" стремления к богатству и риску, против "католического" идеала бедности и стабильности.[113] Позднее в полемике с Ф.Фукуямой Д.Мойнихен настаивал на непоколебимости аргументов поощрения и наказания, как универсальных регуляторов поведения в обществе,[114] однако его подход с трудом воспринимается многими как оправданный.

Для лучшего понимания механизмов проявления естественной нормативности и ее последующей трансформации в юридическую нормативность уместно также вспомнить идею М.Фридмана о том, что свободное использование рынка снимает необходимость подчиняться общему мнению во многих видах человеческой деятельности. Чем шире диапазон рынка, тем меньше остается вопросов, требующих волевого решения. В свою очередь, чем меньше таких вопросов, тем вероятней возможность добиться политического согласия, сохранив свободное общество.[115]

З.Фрейд писал, что замена власти "сильного человека" властью коллектива есть решающий шаг на пути культуры. Сегодня, однако, немногих устраивает и такая власть. Количество индивидуальных поведенческих образцов в современном обществе становится все более значительным. Еще Д.Вико понимал, что неограниченность человеческого разума делает его правилом во всем, чего он до конца не знает.[116] И если этот тезис истинен, то он исчерпывающим образом объясняет множественность политических моделей и индивидуальных поведенческих стратегий. При этом, если политическим предрассудком прошлого считалось священное право королей, то таким же предрассудком настоящего становится сегодня священное право парламентов.[117] По убеждению Г.Спенсера, на индивиде не лежит обязанность принимать участие в политических действиях, чуждых целям, ради которых он вошел в сообщество. Отсюда вытекает, что универсально нормативным может стать для человека лишь правило, в отношении которого существует консенсус. В этом смысле универсально нормативными могут быть признаны сопротивление внешней агрессии, защита собственности и личности, защита жизни и возможности наслаждаться ею. Иными словами, универсально нормативна лишь защита свободы, всякая коллективная интерпретация которой всегда

рано или поздно становится очевидно беспредметной. Поэтому большая опека государства по отношению к индивиду, чем это необходимо для его защиты от вмешательства извне, вовлекает общество в нарушение принципа свободы - наиболее важного из всех. Логично, что у Г.Спенсера любое вмешательство в активность граждан в большей степени, чем это необходимо для обеспечения их свободы, есть "предложение улучшения жизни посредством разрушения фундаментальных условий ее существования".[118]

Данный подход близок Ф.Хайеку, полагавшему, что всемогущий парламент является смертельной угрозой свободе индивида.[119] Грешащих юридическим позитивизмом законодателей он называл "самоволящими машинами" ("self-willed-machine"). В самом деле, писал Ф.Хайек, если те, кто принимает решения, могут издавать любой закон, то очевидно, что сами они не подвластны закону. В результате возникает общество, не отвечающее идеалу справедливости.[120] Впрочем, как полагал Н.Бердяев, государство, как ценность низшего порядка, всегда стремится подчинить себе духовную жизнь общества, как ценность высшего порядка. Подобные же аргументы он применял и для отрицания необходимости подчинения личности социальной группе.

Не связанное конституцией государство из попечителя гражданского общества всегда грозит превратиться в его хозяина - сверхгосударство. При этом правительство из политического менеджера перерастает в тирана, захватывающего все общественные отправления.[121] В этой ситуации даже обычный государственный закон становится регламентом жизни, неизбежно уменьшающим эвристику и сковывающим поведение людей.[122] Именно поэтому потенциал стагнации, всегда заложенный, в той или иной степени, в государственных законах, должен быть ограничен метазаконом или конституцией.

Более же конкретно естественная потребность конституционного гарантирования свободы обеспечивается, например, установлением пределов возможного вмешательства государственной власти в жизнь общества как в обычное время, так и в критические фазы военных и чрезвычайных положений; выявлением сфер социальной и индивидуальной свободы, требующих специальных средств защиты ("маркировка" зон, свободных от законодательного регулирования); определением конкретных прав индивида как органических и неотчуждаемых; разделением властей и установлением процедур защиты народного суверенитета от посягательств суверенитета государственного (право на восстание) и др.

Ощутимая трудность в осуществлении этих требований заключается, однако, в том, что органическими на самом деле являются не только приоритеты свободы гражданского общества и его членов, но и государственные "соблазны" диктатуры, администрирования, избыточного регулирования, злоупотребления охранительными и стабилизирующими функциями, ограничения прав и свобод индивида ради интересов группы, коллектива и общества в целом. Именно поэтому оптимальное конституционное регулирование политической активности предполагает не только прямое конституционное применение "норм свободы", но и перманентную конкуренцию таких норм с текущим "законодательством порядка".

Так или примерно так первичный хаос органически складывающихся поведенческих норм в пользу порядка и свободы "удваивается" в развитой политико-правовой цивилизации. При этом в конституционно охраняемой свободе мы наблюдаем диалектическую рефлексию первичного, вначале никем не охраняемого, органического порядка природы.

На инструментальном же уровне всякая органическая конституция исходит из предположения, что патерналистское правительство, как бы доброжелательно, незаинтересовано и рационально оно не было, имеет тенденцию трактовать большинство людей, как меньшинство.[123] В итоге идея о том, что все правительства стремятся к притеснению свободы и вмешательству в сферу органических норм ("natural laws") стала едва ли не классическим конституционным императивом.[124]

Усвоив данный императив, конституции препятствуют экстраполяции государственного регулирования на те области жизни, которые естественным образом были и остаются доправовыми. В самом деле, различие между обществом свободных людей и тоталитарным обществом в огромной степени заключается в том, что в первом случае правительственные решения затрагивают ресурсы, предназначенные только для правительственных целей, а во втором - применяются ко всем общественным ресурсам, включая сюда и граждан как таковых.[125] Кроме того, как заметил Ж.-Ф.Ревель, именно социалистические общества доказали, что, вовлекаясь в сферы, которые органически ему не принадлежат, государство утрачивает эффективность и там, где оно необходимо.

Альтернатива, однако, состоит не только в том, больше или меньше государства должно быть, но и в различии между хорошим государством и плохим. Не может быть хорошего государства вне свободного рынка, равно как и рынок не может существовать без демократического государства. Поэтому мы обязаны постоянно совершенствовать нормы, ограничивающие право государства на принуждение, не забывая при этом об охране граждан от взаимного принуждения и насилия. В противном случае правительственные задачи могут оказаться в прямом конфликте с целями мудрого законодателя. Подобно тому, как футбольный судья не имеет права сам участвовать в игре, так и государство не должно принимать участия в делах гражданского общества. Очевидно, однако, что в обоих случаях предпосылкой хорошей политики является требование, чтобы все игроки следовали на политическом поле заранее установленным правилам.

Нужно признать, что на протяжении более чем двух столетий конституционного правления в Европе и США был выработан ряд существенных в этом смысле процедур. Как принято считать, главными конституционными препятствиями политическому произволу стали здесь верховенство права, разграничение права на частное и публичное, разделение властей, неотчуждаемые права человека, возвышение юридической процессуальной формы.[126]

Как известно, в своих работах Г.Спенсер не раз задавался риторическим для себя вопросом, для чего существует государственная власть. И отвечал на него обычно так: не для образования людей, не для обучения религии, не для милосердия, не для строительства дорог. Оно существует лишь для защиты личности и собственности, предупреждения насилия сильных над слабыми, то есть, для обеспечения справедливости. Оно не должно стремиться к осуществлению меньшего, ему не должно быть позволено большее.[127] Возможно поэтому, как писал Ж.-Ф.Ревель, мир не станет жизнеспособным до тех пор, пока не примет в той или иной форме демократический капитализм. Последний, однако, должен прежде стать моральным. Иными словами, для обеспечения своего будущего государству необходимо возвратиться на путь нравственных ценностей.

Размышляя о крупномасштабных органических нормах в общем процессе политической трансформации в мире, О.Тоффлер пришел к выводу, что последние должны опираться на права меньшинств, полу-непосредственную демократию и разделенные решения.[128] Думая о сходном, Б.Рассел подчеркивал, что задачей современного политического реформатора является не столько поиск средств социальной безопасности (обычно

отбрасываемой людьми ради авантюры), сколько соединение существенной для человека безопасности с приключением и риском, баланс которых должен быть приемлемым для цивилизованной жизни.[129] Так или иначе, для изготовления будущих демократий пригодятся лишь демократические методы. Только тогда никакой человек или группа лиц не смогут принудить индивида выполнять их приказы.[130]

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Вопрос о конституционном регулировании политической активности в рамках настоящего параграфа рассматривается пока только лишь в общей форме. Речь в нем идет о роли и месте конституций в политической жизни тех посттоталитарных стран, которые стремятся обрести органический конституционный режим.

Как писал Х. Линц, конституционные дебаты в посттоталитарных странах не случайно поглощают много энергии, а политики и ученые закономерно уделяют здесь большое внимание достоинствам и недостаткам принятых конституций.[131] Ведь к моменту наступления общего кризиса марксистской идеологии здесь не оказалось ничего готового для конституционных преобразований в сфере экономической свободы, демократии или самоуправления.[132] Вместе с тем, обновленные политические элиты этих стран хотят, чтобы закрепляющие демократический режим конституции действовали не 15-20, а 50-100-200 лет.[133] Естественно, что для этого необходим принципиально иной правовой механизм, обеспечивающий стратегию политических преобразований в обществе на рыночной и демократической основе.[134] По-видимому, именно в этом заключается ключевая проблема конституционализма посттоталитарных стран.[135]

Вместе с тем, для разработки конституционных способов обеспечения политической активности в посттоталитарных странах вначале необходимо было разобраться в общих закономерностях конституционного регулирования политических отношений. Решить эту задачу в разных странах удалось по-разному и в неодинаковой степени. Многие вопросы в ряде случаев и ситуаций так и остались вопросами, поэтому тема конституционного обеспечения политических отношений в странах Восточной и Центральной Европы и на будущее продолжает оставаться открытой. Разумеется, данное обстоятельство стимулирует дальнейшие теоретические попытки. В данном же случае речь идет о переходе (мостике) от явления органической нормативности к реальным конституционным нормам. Иными словами, главное внимание здесь сосредоточено на конституционном предправе.

ПРЕДКОНСТИТУЦИОННОЕ НОРМИРОВАНИЕ

Как известно, Д. Локк считал, что законы, повелевающие людьми, обладают внутренней иерархией и подразделяются на три вида: божественные, гражданские и законы общественного мнения ("доброго имени").[136] Ф. Хайек соглашался с этим, подчеркивая, что идея высшего закона, управляющего ординарными законами, не является новой. Уже в XVIII в. она косвенно прочитывалась в концепциях права Божьего, права Природы и Разума. Первоначальное же допущение того, что некий высший закон следует позитивно изложить на бумаге, принадлежит американским колонистам. Именно из этого допущения, как писал Р. Дворкин, выросла затем двухуровневая конституционная теория. Первый уровень в ней устанавливал, чьи верования, намерения и действия должны составить основу конституции. Второй же уровень посвящался вопросам конкретного содержания конституционных норм.[137]

У Ф.Хайека идея конституционализма предполагает глубокое осознание того требования, что политическая власть должна действовать в соответствии с принципами, и что политические руководители избираются на свои посты для осуществления того, что считается правильным, а не того, что считают правильным они сами.[138] Так или иначе, но, как писал О.Гирке, идея естественного публичного или конституционного права оказалась в политическом отношении взрывной, ведь она признавала существование универсального конституционного права, общего для всех государств.[139] И хотя впоследствии реальные конституции могли различаться по своим физическим, экономическим, мировоззренческим, культурным и иным параметрам,[140] идея конституционного права в англосаксонском мире сложилась как универсальное требование индивидуальной свободы, выборности руководителей, права народа контролировать ход государственных и общественных дел.[141] Как писал Д.Сартори, английская неписаная конституция, исходящая из идеи верховенства права, была затем лишь формализована американской писаной Конституцией 1787 г. Поэтому, хотя в Западной Европе конституционализм сложился под большим влиянием концепции парламентского права, в целом конституционализм решил проблему правового обеспечения политической свободы в универсальной форме.[142]

Впрочем, даже после того, как естественно-правовые идеи воплотились в первых писаных конституциях, их первоначальный "неюридический" смысл не был забыт. Как полагал М.Бакунин, фундаментальные законы "социального тела" и далее недопустимо было смешивать с законами политическими и юридическими. Как известно, П.-А.Гольбах также считал писаное право не более, чем возможностью, предварительно одобренной законами природы и общества.[143] В свою очередь, Х.-Г.Гадамер подчеркивал у Аристотеля места, в которых тот различал право конвенциональное и естественное ([правовое] от природы). Сам же Х.-Г.Гадамер считал, что правовые нормы не допускают произвольной договоренности, ибо и в них "природа вещей всегда настаивает на своем". Поддерживая идею "сохранения того, что есть" в точке пересечения свободы и истории, он утверждал, что природа свободы требует осознанного социумом "согласия, принятия, заботы". Понимание свободы как глубокой нормативной традиции было отчетливо выражено у Б.Малиновского, которому свобода казалась резервуаром всех ценностей и культурных мотиваций общества.

Различая законы природы и нормативные законы, К.Поппер относил к последним десять заповедей вместе с правилами выборов в английский парламент. Нормативные законы К.Поппер считал покоящимися на ценностных суждениях о "хорошем" и "плохом". Такие законы, как он считал, могут быть истинными или ложными лишь в метафорическом смысле, ведь они описывают не факты, а ориентиры человеческого поведения. Более важным элементом концепции К.Поппера, однако, является то, что подразделение законов на природные и нормативные он считал фундаментальным.

А.Токвиль также симпатизировал идее естественной нормативности, не соглашаясь с тем, что писаные законы могут заменить здравый смысл и общественную мораль.[144] Характерно, что и А.Солженицын писаное право считал не более, чем внешним выражением минимума моральных требований к индивиду,[145] а Ф.Фукуяма это же право выводил из человеческой природы, относительно параметров которой не существует консенсуса.[146] Для С.Милля законы - это прежде всего правила человеческих страстей, пусть даже последние проявляются индивидуально. Впрочем, еще Гегель писал: "То, что само по себе, согласно разуму, есть право, и то, что содержится в определенном законодательстве в качестве действующего права, составляют две различные категории".[147]

Признавая сегодня реальность исторического феномена предправа, исследователи пишут, что предправо выступает как основанный на обычаях "древнейший слой права", отличающийся от права, главным образом, отсутствием в нем обобщающих юридических понятий.[148] Этот подход в определенной степени применим и к феномену предконституции, с той лишь оговоркой, что здесь, как писал Р.Давид, определяющими являются не просто правила, а универсальные структуры, классификации и концепции, заложенные в ту или иную нормативную основу. Как заметил однажды С.Залыгин, юриспруденции вообще принадлежит в мире достаточно скромная роль охранителя и толкователя "доброй совести" и справедливости, но уж никак не их создателя или открывателя.[149]

Известно, что Ш.Монтескье называл фактические отношения между правителями и управляемыми "правом политическим". Т.Дезами располагал такое право ниже законов равенства и общности, которые он считал основными, а Ж.Мелье в политических законах вообще усматривал лишь "тайные системы несправедливости". Й.Благош отношения между политическими субъектами именовал "фактической конституцией",[150] а И.Степанов писал об объективных политических законах, которые предопределяют "формы государственно-правовой организации".[151] Он же писал о "внутренних устойчивых связях политики", составляющих ее генетическую основу.[152] К.Дойч относил политические нормы к нормам высшей юридической силы, а М.Марченко вообще затруднялся выделить критерий, который мог бы обрисовать эти нормы в чистом виде.[153] В свою очередь Э.Маркарян говорил о политических средствах регуляции жизнедеятельности человеческих коллективов в терминах "социальной технологии", а К.Поппер в близком к этому смысле писал о "логике власти". Характерно, что А.Гелен в аналогичном случае говорил о "дисциплинарной системе".[154]

Существенные идеи, касающиеся вопроса о содержании предправовых политических норм можно почерпнуть также из рассуждений Д.Ролза о нормативных стандартах восприятия людьми справедливости. По мнению Д.Ролза, категория справедливости означает условие, на которое все люди согласились бы, не имея возможности сказать многое, если вообще что-либо, относительно содержательного контекста того или иного соглашения.[155] В близком этому смысле он писал о "концепции правильного", как о совокупности общих по содержанию и индивидуальных по применению принципов, оцениваемых общественностью в качестве моральной инстанции, в которую адресуются обычно конфликтующие требования индивидов.[156] Рассуждая о философии справедливого и правильного, Д.Ролз подчеркивал, что понимание главных постулатов философии справедливости как раз и составляет (должно составлять) основу конституционной демократии. Причем, если с одной стороны принципы справедливости можно интерпретировать как конституционное предправо, то с другой стороны они же выступают как конституционное пост- или даже мета- право. По мысли Д.Ролза, публичная концепция справедливости служит тому, чтобы люди обращались к ней, как к регулятору политических отношений и высшему критерию, позволяющему правильно интерпретировать конституцию.[157] Логическим и весьма важным следствием из данного построения является также и то, что ни одна конкретная политическая доктрина не может быть взята в качестве политической основы для оптимального конституционного режима. Что же касается политической роли общества, то оно в данной системе не может рассматриваться как ассоциация, имеющая какие-либо общие цели и интересы. Закономерно поэтому, что свобода в этом случае также может быть ограничена лишь исключительно в интересах свободы.

Размышляя о природе политической нормативности М.Янков подчеркивал, что в марксизме были выдвинуты идеи особых предправовых законов-тенденций, которые, не

будучи даже статистическими законами (законами больших чисел), оказались далекими от "действительно научных законов". Тем не менее, неудача К.Маркса сама по себе еще не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, возможны ли в политике научные законы, и можно ли научные законы считать конституционными. Пока что, как писал В.Вернадский, сама идея о том, что научные истины могут стать общеобязательными законами еще не утвердилась в сознании человечества.[158]

Примечательно, что определенная рефлексия идеи конституционного предправа прочитывается в признании Платоном реального присутствия в жизни обществ "странных законов, управляющих политическими изменениями". Известно, что в странах общего права сходная идея обрела популярность в представлении о праве, как о воплощенном разуме, законы которого всеобщи. По-видимому, именно в этом ракурсе общего видения проблемы следует воспринимать и многие современные попытки анализировать качества, имманентно присущие не праву и закону, а "нормативности", как некоему первичному стандарту общественных отношений.

По мнению Р.Давида, именно опыт политических революций позволил перейти от понимания природы права как справедливости к позитивистской трактовке права, как возведенной в закон воли государства. Поскольку в результате революций XX в. в социалистических странах предправом, взамен справедливости, стала выступать идеология,[159] в СССР "органически" сложилось убеждение, что предправом является нормативная подсистема директивных решений КПСС.[160] Как писал Г.Сапаргалиев, уровень директивных решений партии определял в СССР основное содержание не только права, но даже и морали. О трансформации предправа в право с помощью конституционно-идеологического механизма писал В.Туманов.[161] Таким образом, реальное присутствие феномена предправа, пусть и в утрированно идеологической форме, признавалось и в социалистических странах.

Очевидно также, что партийные директивы даже в тоталитарной стране могли определять содержание правовых норм лишь в основном. Например, в СССР Ю.Тихомиров писал об околоправовой реальности, формируемой не только партийными решениями или решениями общественных организаций, но также и моралью, этикой, политическими обычаями и традициями.[162] Н.Козюбра, в свою очередь, в сходном аспекте анализировал феномены права в жизни и права в законе.[163] О том, что в тоталитарной системе право и справедливость могут сосуществовать автономно, писал и А.Мицкевич.

Впрочем, и в романо-германской теории правовых источников признавалось, что право, хоть и не существует априорно, содержится не исключительно в законодательных нормах. И в этой концепции поиск права во многом совпадал с поиском справедливости, из чего вытекало, что закон противоправен, если он несправедлив. Учитывая то обстоятельство, что потребность в справедливости является органическим свойством всех высших животных,[164] нет ничего удивительного в том, что несправедливый закон обычно не считается правом.[165] С другой стороны, как говорил еще Ч.Беккариа, облик справедливости изменчив и в зависимости от того, что именно в данный момент наиболее необходимо и полезно обществу, в нем определяется понятие справедливого.[166]

Что же касается доктрины общего права, то в ней право есть воплощенный разум, а законом является не буква (т.е. всякая конструкция закона), а то, что соответствует намерению его творца. Принять этот тезис Т.Гоббса можно лишь при условии, что намерение мудрого законодателя разумно. Впрочем, как говорил еще Ж.-Ж.Руссо, сила законов всегда в большей степени зависела от их внутренней мудрости, чем от старательности исполнителей.

По мнению Е.Шацкого, хороший законодатель обычно ограничивается лишь тем, что переписывает в закон нечто уже существующее в жизни. Плохой же законодатель обычно портит существующее. Характерно, что даже у К.Маркса законодатель "должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он изменил сущность дела своими выдумками".[167] Право, как писал значительно позже Ж.-Ф.Ревель, является не источником, а всего лишь кодификацией прав человека. Законодатель не может придумать необходимые права человека, потому что реально именно они предшествуют законодательству.

Для Л.Явича государственная воля хотя и выражает себя в виде общих правил, однако их содержание также берет из жизни (его надо открыть).[168] Так, по мнению Л.Явича, возникает "право в общесоциальном смысле, то есть право, не получившее официального признания, так называемое неюридическое право".[169] Анализируя конституционную ситуацию во Франции 1789 г., Т.Скокпол подчеркивал, что прежде, чем принять позитивную конституцию, Национальная ассамблея Франции "сформулировала необходимые метафизические основания государственности. Только после этого начался долгий и страстный [процесс] написания новой конституции".[170] По мнению Ж.Ле Гоффа становление конституционных гарантий гражданской свободы прошло непростой путь, последовательно миновав фазы жеста, письменного слова и определения прав хартиями. Что же касается более близких нам примеров проявления феномена предправа, то можно вспомнить, что в партийных документах советской перестройки идея самоуправления была представлена значительно шире, чем в Конституции СССР.

Кроме того, у конституционного права всегда существует предправовой геополитический аспект, о котором Гегель, в частности, писал: "Каждый народ имеет свое собственное государственное устройство, английское является государственным устройством англичан и если бы захотели дать его пруссакам, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государственное устройство туркам. Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа".[171] Впрочем, еще Аристотель считал, что законы следует издавать применительно к органически утвердившемуся государственному строю, а не подгонять государственное устройство под некий закон.[172] Нечто сходное мы обнаруживаем и в следующей Гегелевской констатации: "Законодательство вообще и его особые определения следует рассматривать не изолировано и абстрактно, а как зависимый элемент одной тотальности в связи со всеми остальными определениями, составляющими характер нации и эпохи; в этой связи они обретают свое истинное значение, а тем самым и свое оправдание".[173]

Подобно тому, как в "Истории" Фукидидом была собрана впечатляющая коллекция трагедий и комедий, в которых исторические факты отразились с учетом особенностей человеческой природы,[174] в теории конституционного права были схвачены правовыми принципами такие "тотальности" человеческого духа, которые существуют лишь в их тесной связи с территорией, национальными традициями и характером страны. Недаром Т.Джефферсон писал, что конституционные принципы США родились из сочетания свободных принципов английской конституции, идей естественного права и здравого смысла.[175]

Вместе с тем, особенностью конституционной нормативной системы является и то, что выбор принципов, закладываемых в конкретную конституционную модель происходит обычно не только на национальном, но также и на региональном (континентальном), а то

и более широком политическом уровне. Ведь именно на наднациональном уровне, как писал В.фон Гумбольдт, возникают споры, следует ли государству заботиться о безопасности, физическом и моральном благе нации, или же оно может предоставить народам нечто большее, чем безопасность. Данный вопрос является типичным примером одной из универсальных конституционных проблем. Характерно, что и у М.Джиласа любое государство - это орган, гармонизирующий общество, а не только сила над ним нависшая.

Учитывая вышеизложенное, следует по-видимому признать, что наиболее крупной проблемой современного понимания органического конституционализма является проблема нормативного обеспечения свободы. Как писал по поводу проблемы оптимального пространства свободы С.Лем, излишек свободы - опасная вещь: мало свободы - плохо, много свободы - тоже плохо.[176] Однако именно в контексте данного выбора осуществляется сегодня поиск менее крупных, чем свобода, политических приоритетов, которые фиксируются либо не фиксируются в конституционных нормах. Так, помимо конституционного закрепления категории свободы, всем знакомо инструментальное закрепление в основных законах вытекающих из свободы прав или охраняемых законом интересов.[177] Но ведь очевидно, что даже такое неконкретное в правовом смысле понятие, как охраняемый законом интерес, будет интерпретироваться в зависимости от национальных обычаев и традиций свободы. Даже утверждение А.Швейцера о том, что фундаментом права является гуманность, равно как и утверждение К.Маркса о том, что в демократии законом является само человеческое бытие может вызывать весьма разную национальную или региональную (континентальную) интерпретацию.

С другой стороны, проблеме конституционного обеспечения свободы присущ отчетливо выраженный правовой универсализм. Ведь именно универсальным кажется нам сегодня утверждение А.Уайтхеда о том, что сохранение жизни возможно лишь в постоянной активности, в то время как чрезмерная устойчивость жизненных форм ведет к деградации. Именно в силу первого тезиса всякое правовое государство построено на юридической аксиоме: разрешено все, что не запрещено законом.[178] Как писал в свое время Э.Линкольн, многие конституционные идеи Т.Джефферсона стали аксиомами свободного общества. С другой стороны, поскольку всех людей объединяет сильнейшее и глубочайшее стремление к счастью, постольку именно этот тезис стал краеугольным камнем Конституции США.

Универсальным примером предправовой конституционной нормы можно считать утверждение К.Ясперса о том, что защите человека от насилия соответствует защита всех от власти одного человека, равно как и тезис В.Парето о том, что без применения силы никакой порядок не может сохраняться.[179] Значение предконституционной нормы имеет как мысль Аристотеля о том, что "вообще плохо то, что верховную власть осуществляет собой не закон, а человек, душа которого подвержена влиянию страстей", [180] так и убеждение Д.Сартори в том, что единственным способом создания нерепрессивной политической системы может стать лишь деперсонализация власти.[181]

Хорошим примером предконституционной нормы может послужить также идея О.Тоффлера о том, что в постиндустриальном мире активность меньшинств отражает не столько их политический эгоизм, сколько новые потребности производства, требующие более разнообразного, колоритного и открытого общества, чем существующее.[182] Предконституционный смысл присущ тезису Б.Мора о том, что без буржуазии нет демократии,[183] равно как и идее Ж.-Ф.Ревеля о том, что современные правительства должны контролироваться гражданским обществом.[184]

Аналогичный смысл присущ и политическому наблюдению Д.Локка: "Каждый человек рождается с двойным правом: во-первых, с правом свободы личности, над которым ни один другой человек не имеет власти и свободно распоряжаться которой может только он сам; во-вторых, с правом, преимущественным перед любым другим человеком, наследовать вместе с братьями имущество своего отца".[185] Такие же оценки применимы к его менее крупным требованиям, чтобы государственное управление осуществлялось опубликованными законами, чтобы налоги не повышались без согласия народа и чтобы законодательная и исполнительная власти были разделены.

Аксиоматической в предконституционном смысле выглядит идея А.Токвиля о двух способах установления равенства: либо каждому должны быть предоставлены права, либо они не должны гарантироваться никому.[186] Сходный смысл присущ также правилу Ф.Хайека: признавая права меньшинств, мы также признаем, что права большинства должны быть ограничены принципами, которые принимает меньшинство.[187] Соизмеримыми с вышеизложенными являются также тезисы о том, что свобода ассоциаций благоприятствует процветанию и стабильности общества,[188] а научные и литературные ассоциации служат политической свободе страны. Сюда же примыкает идея о том, что в политических системах независимые организации предотвращают доминирование и внутренний контроль,[189] а также о том, что сами эти организации должны быть в конечном счете кем-то контролируемы.

Весьма ценной в конституционном смысле является идея П.Друкера о том, что любая организация не должна иметь власти больше, чем требуется ее компетенцией.[190] Существенными также, хотя и менее масштабными, выглядят утверждения о том, что современными эксплуататорами во все большей степени становятся организации, основанные на групповой лояльности (Ф.Хайек, Р.Найдер); что увеличение власти центрального правительства неизбежно ограничивает местное самоуправление (М.Фридман); что государство претендует на роль не только гаранта стабильности, но и катализатора перемен (З.Бжезинский); что в политических системах надлежит создавать пространства индивидуальной свободы (Ф.Хайек) и др.

Как известно, в американской конституционной традиции уже давно утвердилась идея, что государственной власти должно быть конституционно позволено делать лишь то, что свободные граждане потребуют от нее сами. В противном случае, как писал Г.Спенсер, США имели бы "одно из наиболее эффективных средств понижения стандартов национального характера".[191] Из этого правила вытекает и другое, не менее важное: не государство должно учить граждан надлежащему поведению, а граждане должны предписывать государству необходимый для них образ государственных действий.[192] Данные примеры близки некоторым политическим идеям В.фон Гумбольдта. Например, его идее о том, что государство для сохранения безопасности граждан не должно прибегать к средствам, угрожающим их свободе; а также о том, что в органической системе демократии безопасность выступает как уверенность граждан в собственной свободе.

Следует признать, что современный конституционализм как раз и утверждает, что гражданам должно быть категорически разрешено думать так, как они думают, открыто выражать свои мысли, свободно распоряжаться своими силами, способностями и имуществом. По мнению Э.Соловьева, понятие "категорически разрешенного" удачно передает смысл нового отношения к конституционному праву в посттоталитарном мире.[193] По мнению же А.Моруа, конституционную безопасность и свободу могут обеспечить лишь такие меры как: а) разделение властей, сопровождаемое невозможностью исполнительной власти давить на законодательную власть; б)

пожизненное назначение судей, ограждающее последних от соблазнов собственного честолюбия; в) назначение присяжных из всех классов и слоев населения; г) презумпция невиновности. Считая эти требования гарантиями свободы, А.Моруа их собственной гарантией называет свободу политическую.[194]

Как известно, в русле американской политической традиции конституционные стандарты защиты свободы и личности предусматривают повышенную защиту частного предпринимательства и частной собственности, а также недопущение ограничений свободы слова даже в целях охраны общественного порядка и предотвращения подстрекательства к мятежу. Как писал Р.Дворкин, согласно доминирующему мнению американских конституционных экспертов, свобода слова в смысле I Поправки к Конституции США осуществляется в интересах общественной аудитории, а не автора, поставляющего этой аудитории информацию.[195] В последующем этот подход был развит в классическом для США требовании дееспособного правительства, которому не позволено посягать на промышленно-деловой сектор и др.[196]

Поскольку же международным правом эти ценности защищаются, как полагают американские законодатели, недостаточно, Конгресс США до настоящего времени не ратифицировал международные пакты о политических и социальных правах, авторитет которых кажется американским законодателям сомнительным, и которые, как принято здесь считать, стоят ниже тех прав, что уже достигнуты в Америке.[197]

Некогда Н.Винер писал, что проблемы права вполне можно рассматривать как коммуникативные и кибернетические, ведь в конечном счете целью всякого права является упорядоченное управление известными критическими состояниями.[198] В самом деле, право формирует управленческие связи, объединяющие поведение людей с целью достижения справедливости, устранения споров и обретения возможности справедливо судить о них. Кроме того в общем контексте права конституционные императивы можно определить в качестве исходных средств, предотвращающих расщепление атомов рынка, демократии и свободы.[199]

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

Применительно к политической активности конституционное предназначение устанавливается обычно либо из описания конституционных функций, либо выводится из формальных дефиниций конституции как основного закона. Еще Ж.-Ж.Руссо писал, что конституция складывается из совокупности политических законов, определяющих отношение суверена к государству.[200] Признав, что в его определении сувереном выступает народ, мы можем получить современную интерпретацию конституции как закона, определяющего фундаментальное отношение гражданского общества к государству.

И.Степанов считал предметами конституционного регулирования политическую власть, политические отношения и политический процесс.[201] По мнению Ф.Хайека, появление уже первых конституций знаменовало собой переход от подчинения граждан совместным конкретным целям (характерным для "общества-ассоциации"), к подчинению единым и абстрактным правилам, обеспечивающим простор самой широкой свободе и многообразию. Данная трансформация вполне укладывается в идею конституционного обеспечения либерально-демократического режима в концепции Д.Ролза. Иными словами, появление конституций означало переход к политическим отношениям на основе гегелевского принципа: "Абстрактное есть право, осуществление его - государство".[202]

В итоге конституция стала основой законности, грамматикой действий в пространстве политической активности человека.[203]

С точки зрения формы конституция подобна кодексу политических принципов (напоминающих фундаментальные законы Г.В.Лейбница), которые необходимы и достаточны для вывода основных политических следствий.[204] В этом смысле создание конституции выступает важным проявлением диалектики политического, позволяющей человеческим отношениям воплощаться во все большей полноте.[205] Как известно, Ю.Хабермас главное предназначение конституции видел в обеспечении демократии и прав человека. Соглашаясь с этим, К.Поппер допускал изменение конституции лишь при условии, что оно не окажется опасным для ее демократического содержания.

Для Ф.Хайека конституция означала документ, организующий распределение власти по важнейшим сферам политического управления.[206] а Д.Брайс видел в ней правовой инструмент, предписывающий структуру, компетенцию и виды политических властей, взятых в совокупности с общим механизмом управления.[207] Наоборот, Т.Дезами, называя основные законы первоосновой социального здания, не отождествлял последние с конституцией, видя в конституции лишь преходящий политический документ.[208] А.Шлезингер называл конституцию документом, отражающим фундаментальные ценности, тенденции и обычаи нации, которые всегда уникальны, и которые поэтому не могут быть заменены подобно деталям в машине.

У Р.Арона конституция регламентирует правила социальных конфликтов, определяет основы общественного единства, устанавливает пределы честолюбивым устремлениям людей. Системообразующими признаками конституции он считает: ограничение правительственной компетенции; запрет государству выступать истцом и судьей одновременно; честные правила конкуренции в борьбе за власть; независимый от правительства статус органов, выносящих решения по вопросам взаимоотношений государства и личности. У Л.Ферраджоли введение конституционного правления предполагает предварительное разделение государства и общества, публичной и частной сфер, а также разделение экономической и политической власти.[209] В свою очередь, Б.Данем считал, что конституция связывает руки политической инквизиции и предотвращает зло фанатизма. Опираясь на "Мейфлауэрский договор" 1620 г., Б.Данем доказывал, что конституция является не только исторически первой, но и важнейшей правовой формой организации жизни гражданского общества. Впрочем, еще Д.Локк видел в конституции "первоначальный и верховный акт общества", предшествующий остальным положительным законам, зависящий исключительно от народа и недоступный для изменения подчиненной народу властью.[210]

Как писал в 1821 г. Д.Маршалл, "народ творит конституцию, и только народ может ее изменить. Это творение собственной воли народа, и оно живет лишь благодаря воле народа".[211] В более специальной трактовке это означает, что конституция является "формой основного закона, который устанавливает полномочия правительства и ограничивает их в целях защиты личных прав и содействия всеобщему благу".[212]

Д.Ролз видел в конституции собрание правил справедливой политической процедуры, форму инкорпорации равных для всех политических свобод, с помощью которых граждане осуществляют свое предназначение ("fair value") способом открытым для всех.[213] Следует отметить, что важнейшим конституционным требованием Д.Ролз считал правовое закрепление в обществе свободы мысли как предпосылки всеобщей информированности. Одновременно он высказывал сомнения в целесообразности конституционного закрепления каких-либо экономико-распределительных принципов.

Считая, как и Д.Локк, что власть народа стоит выше власти правительства, Д.Ролз настаивал на закреплении в конституции политических идеалов гражданского общества. Конституционное правление он считает высшим типом правления, осуществление которого не должно поручаться законодательным или судебным органам. Следуя доктрине Д.Ролза, конституция одновременно принадлежит всем трем ответственным перед народом и связанным определенным образом ветвям власти.[214] Конституционный консенсус он считал относительно узким процедурным соглашением о правилах демократического правления, не включающим в себя каких-либо иных базисных структур.

По мнению Д.Ролза, всякая подлинная конституция должна как бы инкорпорировать в себя три принципа справедливости: а) принцип свободы; б) принцип неравенства, выгодного всем; в) принцип равного доступа всех к политической власти. В конечном счете, как писал Д.Ролз, именно от конституции зависит, чтобы восприятие общества как системы честной кооперации усилий свободных и равноправных граждан перестало быть в нашем мире риторическим.[215]

В свою очередь Ф.Хайек писал, что главным предназначением конституции является ограничение политической власти постоянными принципами, необходимость которых хорошо понимал уже Аристотель.[216] К.Кавелин видел в конституции исключаящий политический произвол акт правильного государственного и общественного устройства, опирающийся на неприкосновенность личности, имущества и прав граждан. Естественно, добавлял он, что в таком устройстве законодательная и высшая административная власть должны быть разделены.[217]

П.-А.Гольбах называл конституцию "уздечкой для вождей и народов", что хорошо согласуется с принципами современного либерализма, однако несколько противоречит американской традиции понимания конституции как акта, в котором "народ указывает правительству, что оно может делать". По мнению Р.Рейгана, важнейшие слова в Конституции США: "Мы, народ...", ее важнейший принцип - Свобода. Впрочем, еще А.Гамильтон говорил, что всякая конституция - это билль о правах. Поэтому неудивительно, что юридическая концепция конституции как формального вместилища гражданских прав хоть и является относительно недавним изобретением,[218] однако определяет в США полномочия национальной власти, предоставляет гарантии фундаментальных прав человека и формулирует правительственные процедуры.[219] В данном качестве Конституция США есть документ амбивалентный, с хорошо рассчитанными умолчаниями, недомолвками и неоднозначными формулировками, позволяющими выявить ее смысл лишь в политической практике. По мнению Г.Коммаджера, американская концепция конституции обеспечивает эффективное самоуправление и социальное равенство, получающие поддержку скорее снизу нежели сверху[220] и хорошо согласуется с известным тезисом Т.Пейна о том, что конституция первична, а государство вторично.[221]

Впрочем, демократическое содержание конституции, равно как и ее принадлежность гражданскому обществу не всегда подчеркивается в конституционных определениях. Например, у Г.Еллинека конституция есть совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению своих функций, их взаимоотношения и компетенцию, а также положение индивида по отношению к государственной власти.[222] К.Штерн считал конституцию совокупностью правовых положений высшего ранга, регулирующих устройство государства, принципы его организации, форму и структуру, а также принципы его отношений с гражданами. Для В.Виера конституция - это свод правил, по которым создается, регулируется и управляет

правительство,[223] а по мнению Д.Миглио конституция - это всего лишь только пакт, который победившая власть налагает на побежденную сторону.[224] Естественно, что в теоретическом смысле эти и подобные им определения сегодня кажутся несколько устаревшими. Как принято считать, лишь в прошлом конституции ограничивались тем, что описывали форму правления, одновременно подчеркивая роль политики, как искусства балансирования, управления и уменьшения угрозы конфликтов.

По убеждению М.Возняка, конституция регулирует устройство и формы деятельности государственной власти, а также отношения между гражданами и властью,[225] а для К.Костива она есть главный государственный закон, предписывающий формы государственного устройства, способы создания государственных органов, объем их компетенции, а также права и обязанности граждан. В ее основе лежат идеи народного суверенитета, разделения функций государственной власти вместе с правами человека и принципами правового государства.[226]

В России Л.Слонимский в предисловии к "Конституции Российской Империи" определял конституцию как совокупность законов, правил и обычаев, определяющих характер и способы действия власти в государстве, общий строй и порядок управления в нем, права и обязанности народа и отдельных лиц по отношению к правительству и его органам.[227] Характерно, что еще в 1886 г. М.Муравьев-Апостол высказывался в том смысле, что конституция не составляет счастья народов, а потому и непригодна для России.[228] В целом конституционный авторитет Российской империи, как известно, не спасли ни составленный при Александре I проект конституции для Ионических островов, ни Финляндская Конституция 1809 г., ни "Хартия Государственных Установлений", дарованная в 1815 г. Царству Польскому. Написанная же на французском языке в 1818 г. "Государственная Уставная Грамота Российской Империи" так и осталась всего лишь солидным модельным документом.[229]

Примечательно однако, что и провозглашенный 17 октября 1905 г. царский "Манифест" В.Дунаев и А.Никитинский окрестили "хартией формальной свободы и фантастических прав". Позднее В.Калягин писал, что конституция в понимании российских политических и общественных деятелей начала XIX в. означала не более чем совокупность обязательных для монарха основных законов, обеспечивающих известную "правильность" государственной деятельности.[230] Позже этот взгляд на конституцию несколько переменялся. Так, в предреволюционной России известной популярностью пользовались конституционные взгляды Ф.Лассалья и Ж.де Местра. После Октябрьской революции 1917 г. конституция трактовалась юристами как, преимущественно, результат и запись сложившегося ранее соотношения классовых сил,[231] хотя В.И.Ленин в своих отдельных работах и подчеркивал, что принятие почти всякой конституции знаменует собой существенное расширение участия народа в законодательном процессе и государственном управлении.[232]

Что же касается советской конституционной теории, то здесь, как писал А.Оболонский, конституционная культура сложилась на основе не столько европейской традиции, сколько древнекитайской легистской, в которой закон трактовался как инструмент управления "низами" со стороны "верхов", причем "верхи" при этом особенно не связывающий.[233] Например, в 1974 г. В.Тенненбаум писал, что конституция закрепляет не только установившееся в обществе соотношение политических сил, но и организует его в соответствии с волей творцов основного закона.[234] В советской теории права о конституции писали, что она в юридических формах ("языком закона") моделирует основные параметры социальных процессов при социализме.[235]

О.Кутафин считал конституцию инструментом политики и доказывал, что право лишь придает политике определенность, нормативность и общеобязательность.[236] Близкими к этой точке зрения были методологические позиции по вопросам конституционализма и у других авторов.[237] Конституции приписывались функция и роль социально-нормативной ориентации,[238] "нормативной модели идеального образа действительности"[239] и др. Иными словами, общественные отношения в советской системе политических координат упорядочивались по воле государства инструментами права.[240] Конституция же выступала здесь орудием моделирования социальной действительности.[241] При этом субстанциональная автономность ее главного объекта - политики и политических отношений - признавалась лишь относительно.[242]

В свое время русский этнограф и путешественник О.Коцебу верил, что правильные религия и конституция способны быстро поднять почти любой народ к вершинам цивилизации. Можно сказать, что этот взгляд некоторое время был парадоксальным образом близок и советской конституционной доктрине.[243] С другой стороны, писал О.Коцебу, неудачной конституцией народ можно вечно держать ("подобно туркам") в варварском состоянии,[244] что также получило затем практическое подтверждение в истории советского конституционализма.

Так или иначе, упорядочение общественных отношений долгое время рассматривалось советской правовой наукой главным проявлением свойств конституции в способе ее существования.[245] Упорядочение считалось основной конституционной функцией, реализуемой целенаправленно, устойчиво и постоянно.[246] Официальная доктрина исходила из представления о конституции как о главном законе советского государства, закрепляющем основы общественного строя и политики, основы правового положения граждан, национально-государственное устройство, а также структуру и основы компетенции государственных органов. С незначительными коррективами это определение использовалось и применительно к конституциям союзных и автономных республик СССР.

Применяя критерии реальности конституций С.Уэсби, а также способ его деления основных законов на семантические, номинальные и нормативные,[247] советские конституции можно, по-видимому, отнести к семантическому (отражающему, но не формирующему структуры власти) и одновременно номинальному (провозглашающему нереальные идеалы) типу. Сравнивая, однако, советские конституции с классическими образцами конституций стран Запада, следует признать, что эти во многом несхожие до противоположности основные законы все же объединяет некая рациональность конструкции закрепляемого ими политического мироздания. Впрочем, у конституционного рационализма, как известно, существует собственная история.

Как писал А.Уайтхед, уже средневековье было одержимо стремлением рационализировать бесконечное, и уж тем более мыслители XVIII в. имели склонность обосновывать свои социальные теории природными аналогиями. Методологическим же образцом главных наук того времени служила новая механика И.Ньютона. И хотя позднее Ф.Ницше возражал против "всеобщей механизации", задававшей структурные образцы не только партийной организации, но и способам ведения войны, именно этот механистический и рациональный подход был воспринят в футуристических построениях марксизма (экономика - единая фабрика; унитаризм как оптимальная форма государственного устройства; парламент - работающая корпорация и др.).[248]

Даже при всех непростых сопутствующих обстоятельствах в этом подходе отразился наивный рационализм времени, питавшийся иллюзией, что мир в структурном отношении

является неким подобием часового механизма. И до тех пор, пока этот взгляд не был преодолен более сложными интеллектуальными построениями, этика и политика, как писали И.Пригожин и И.Стенгерс, черпали в теории И.Ньютона аргументы в пользу политической модели конституционной монархии.[249] Именно в таких исторических обстоятельствах состоялось политическое воспитание не только О.Бисмарка, но и творцов Конституции США. Неудивительно поэтому, писал позднее Г.Аптекер, что Конституция США долгое время воспринималась такой же научно-рационалистической, как и физика И.Ньютона.[250]

Даже тогда, когда утопические теории вошли в реальное противоречие с усложнившейся структурой человеческого бытия и появились первые весомые свидетельства того, что социальная жизнь расцветает, лишь когда политическая власть ограничивается, соблазн политического управления обществом по правилам линейного процессора[251] оставался все еще значительным. Именно этот политический соблазн повлиял на масштабы распространения в мире юридического позитивизма, надолго укрепив в политических элитах иллюзию, что пирамидальная административная иерархия наилучшим образом обеспечивает социальный порядок и прогресс.[252]

Следует признать, что концепция социалистического правового государства образца 1987 г., а прежде нее и вся совокупность идей Конституции СССР 1977 г. были интеллектуальным продуктом крайне рационалистической политико-правовой парадигмы, из которой вытекало, что едва ли не все политико-властные отношения общества протекают в форме государственно-правовых отношений, а полномочия их субъектов определяются исключительно позитивным законодательством.[253] Правильная же идея А.Токвиля о том, что свобода устанавливается посреди гражданского смятения и осуществляется в обстановке социального несогласия,[254] в коммунистической части политически стабильного мира не пользовалась даже минимальной популярностью. Впрочем, как писал тот же А.Токвиль, даже просвещенный деспотизм не способен осознавать свое ничтожество. Кроме того, как заметила однажды Х.Аренд, если правление законов выступает правлением мудрости, то правление посредством декретов напоминает правление ума.[255] Последнее же не выглядит оскорбительным. И хотя, как писал Ф.Хайек, обычному законодателю полезно видеть далеко вперед, а составителю конституции - еще дальше, это само по себе не снимало вопроса о том, что именно они могут видеть, и могут ли они заглядывать в будущее вообще.

Лишь в период поздней перестройки понимание права в СССР стало изменяться в противоположную юридическому позитивизму сторону. Только в это время в праве стали допускать синтез религиозных и моральных предписаний, итог человеческого опыта, подвергнувшегося интеллектуальной обработке и др.[256] Что же касается практического преодоления юридического позитивизма в конституционных проектах посттоталитарных стран, то в большинстве случаев достигнутые в этом направлении успехи стали результатом интенсивных компаративистских усилий, дополненных прямым участием в их разработке западных конституционных экспертов.[257] Следует однако оговориться, что наличие хороших конституционных текстов в той или иной стране не всегда свидетельствует о соответствии национальной конституционной модели требованиям универсального конституционализма. Как писал И.Погани, хотя почти все прежде коммунистические страны приняли новые конституции или существенно модернизировали старые, эта законодательная активность сама по себе еще не говорит о многом.[258]

В целом же общему преодолению конституционного позитивизма в Восточной и Центральной Европе в идейном плане способствовал состоявшийся раньше отказ

американской конституционной доктрины от идеи суверенитета парламента, воспринятый затем с энтузиазмом и за пределами США. Впрочем, как говорил Ф.Хайек, уже у Д.Локка полномочия законодательного органа - это полномочия действовать именно так, а не иначе.

Конкретизируя свои представления о конституции, тот же Ф.Хайек писал, что по своей органической природе конституция призвана ограничивать живую персонифицированную власть и защищать закон. Защищая же закон, конституция одновременно ограничивает последний. Ведь она есть решительный ограничитель всякой государственной власти.[259] Нечто подобное утверждают также Г.Бреннан и А.Хемлин.[260] По мнению А.Четвернина, конституционализм ограничивает государственную власть правом, создавая оптимальные условия процессам самоорганизации гражданского общества. Иными словами, конституция выступает как широкое соглашение об общих правилах ограничений власти, ибо договоренности о частных мерах ее ограничения для этого недостаточно. Напоминая всем, что у Б.Констана либерализм описан как система принципов, Ф.Хайек подчеркивал, что именно в данном утверждении Б.Констан сумел добраться до сути предмета.[261]

Учитывая также, что наиболее популярными лозунгами гражданского общества являются право собственности и свобода договора, не стоит удивляться, что на правовом уровне растущее могущество национальных государств и их постоянно увеличивающаяся способность тотального контроля породили потребность в конституционной защите свободно действующих и неограниченно общающихся между собой индивидов от надзора правительственной администрации. В этих условиях конституции в форме позитивного и лишенного какой-либо частной морали ("demoralized") права стали главной гарантией существования правового государства, заставляющего власть пребывать по возможности в согласии с "духом свободы".[262]

Таким образом, конституция есть ограничитель любой власти, в том числе и демократической. Там же, где демократические институты не сдерживаются властью конституции, они могут привести общество к тоталитарной демократии и диктатуре плебисцита.[263] Во избежание этого высший закон должен быть не "чередой конкретных решений", а политическим соглашением на случай ситуаций, предварительное описание которых затруднительно или вообще невозможно. Именно поэтому органическая конституция всегда предлагает некую самоограничительную стратегию, позволяющую здравому смыслу общественности ("public reason") контролировать социальные эмоции ("public passions").[264] Именно таким образом конституция должна помогать конкретно не указанным в законе людям в достижении их собственных конкретно не указанных в законе целей.

Как писал Д.Истон, любая политическая система нуждается в соглашениях относительно полного исключения определенных сфер жизни общества из-под воздействия власти. Данные сферы выступают у него как "культурно чувствительные зоны", которые надлежит изымать из пространства возможных политических конфликтов как по причине потенциальной угрозы раскола общества, так и по причине традиции, в соответствии с которой в стране признается существование сфер исключительно частных интересов.[265]

Что же касается вопросов конституционной процедуры, то, как писал Э.Батлер, конституционный "кодекс справедливости" желательно принимать специальным представительным собранием, стоящим обычно более высоко, чем парламентская палата, ведающая налогообложением.[266] Последнее лишь подтверждает, что конституция как итог стратегии демократии имеет приоритет перед обычным законом как итогом

демократии оперативной (повседневной).[267] В более широкой политической постановке проблемы из этого также следует, что стратегическому вектору социального прогресса в конституционализме отдается предпочтение перед тактическим вектором всегда в чем-то неизбежно ограниченной демократии.

КОНСТИТУЦИЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СВОБОДЕ

Гарантирование свободы является важнейшей целью органической конституции. Как утверждалось выше, в политическом смысле свобода обладает высшей естественной нормативностью, в силу чего гарантирование свободы составляет основную функцию конституции как правового источника, охраняющего интересы гражданского общества. Иначе говоря, органическая конституция и свобода нераздельно связаны с самого начала. Гарантируя свободу, конституция обеспечивает автономное от государства состояние индивида и социума в целом. Быть автономным политически, писал Р.Дал, означает не быть под контролем другого, то есть быть независимым.[268] Ф.Хайек вообще считал, что у конституции есть лишь одна альтернатива: или свободный парламент, или свободный народ. Именно поэтому конституционные фундаментальные права защищают у него индивидуальную свободу от всякого произвола, в том числе и парламентского.[269] Закономерно, писал Р.Давид, что английская конституция есть комплекс норм законодательного и судебного происхождения, гарантирующих основные свободы граждан и ограничивающих произвол власти.

Гарантирование свободы конституцией можно трактовать как отражение осознанного стремления гражданского общества противостоять бюрократическому классу в целом.[270] С точки зрения В.фон Гумбольдта органическая конституция не только "играет живую роль в политике" (Р.Беллами и Д.Кастильоне)[271], но и как бы заявляет: "Пусть государство воздержится от всякой заботы о положительном благе граждан и не выходит за пределы, поставленные необходимостью предотвращать опасность, грозящую им как от внутренних, так и от внешних врагов; ни для каких иных целей пусть не ограничивает оно их свободу".[272] Как напоминает С.Липсет, патернализм слишком дорого обошелся обществам, история же доказала всем нам только одно: все, к чему прикасается государство, обращается в пепел.[273] Поэтому современный либеральный конституционализм настаивает на том, что четкое определение пределов правительственной компетенции составляет главную функцию конституции.[274] Как инструмент ограничения политической власти государства, республиканская конституция обеспечивает свободу, зависимость от общего права и юридическое равенство.

Характерно, что В.Гавел примерно так сформулировал задачу сопротивления государственному патернализму: мне кажется, что Восток и Запад стоят перед лицом глобальной проблемы, из которой все вытекает. Она есть сопротивление - бдительное, вдумчивое и внимательное - иррациональным моментам анонимной и негуманной власти - власти идеологий, систем, аппарата, бюрократии, искусственного языка и политических лозунгов.[275] По-видимому, любое унифицирующее индивидов управление ослабляет общество. И судя по всему, данное правило справедливо не только в политическом смысле. Уникальное в конечном счете всегда оказывалось ценным выше стандартного.[276] Кроме того, в конституционных ограничениях власти предполагается известный профилактический эффект. Недаром еще Л.Фейербах говорил: "Если я отнимаю у человека право свободы убеждения, право на разум, то какие еще остаются права, которые послужили бы для меня преградой?"[277] В свою очередь Д.Писарев как-то раз прозорливо заметил, что разделение властей имеет в основе интеллектуальную свободу и применяется там, где мысль не терпит преследований и покровительства со

стороны официальной власти. Поэтому разделение властей он считал полезным прежде всего тем, что оно препятствует установлению некой единой теоретической власти.[278]

Как известно, первые признаки кристаллизации интеллектуальной свободы проявились уже в европейских религиозных войнах XVI в. В Англии свободу религии первыми обосновали баптисты, напечатавшие в 1611 г. "Декларацию веры" ("Declaration of Faith"), в которой они утверждали, что власть не должна вмешиваться в религиозные дела. В 1614 г. в печати появляется их "Апология свободы совести" ("Religious Peace or a Plea for Liberty of Conscience"), а в 1644 г. баптисты открыто заявляют о том, что политическая власть некомпетентна в вопросах веры. За это их считали революционерами не только король, но и О.Кромвель. В 1689 г. Парламент признал своим актом ("Act of Toleration") свободу совести, чем и положил начало конституционной охране всего пространства интеллектуальной свободы.[279] В Северной Америке правовая защита свободы совести также положила начало конституционной охране основных прав и свобод индивида. В 1774 г. Континентальный Конгресс в Филадельфии признал, что люди равны, независимы и имеют врожденные права, которые государство не смеет у них отобрать.

Называя свободу "явно желаемой" целью общества, Б.Гаврилишин писал, что вычислить статистически реальный объем свободы в той или иной стране (учитывая возможность политических злоупотреблений) невозможно.[280] Тем не менее, в процессе развития права императив свободы всюду становится все более непререкаемым. "Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой - воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа", - писал Гегель.[281] В ином месте он же замечает: "Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его".[282] Гегелю принадлежит также тезис о том, что в гражданском обществе каждый для себя - цель, все же остальное для индивида - ничто,[283] и что разумны только те законы и государственные устройства, которые соответствуют природе человека и понятию человека о его свободе.[284]

Характерно, что и у И.Канта "государственный строй, основанный на наибольшей человеческой свободе согласно законам, благодаря которым свобода каждого совместима со свободой всех остальных (я не говорю о величайшем счастье, так как оно должно явиться само собой), есть во всяком случае необходимая идея, которую следует брать за основу при составлении не только конституции государства, но и всякого отдельного закона; при этом нужно прежде всего отвлечься от имеющихся препятствий, которые, быть может, вовсе не вытекают неизбежно из человеческой природы, а возникают скорее из-за пренебрежения к истинным идеям при составлении законов".[285]

В близком к изложенному смысле А.Швейцер писал: "Мы должны приступить к поискам такого понятия права, в основе которого лежала бы некая непосредственная, вытекающая из мировоззрения идея. Нам надлежит вновь установить неотъемлемые человеческие права - человеческие права, обеспечивающие каждому максимальную свободу его индивидуальности внутри собственного народа, человеческие права, защищающие его жизнь и его человеческое достоинство от любого возможного посягательства извне".[286] Размышляя о целях права, Э.Соловьев подчеркивал, что признание за членами общества их моральной и утилитарной автономии обеспечивает им статус неподопечности. Именно цели создания данного статуса служит большая часть записанных в конституциях личных прав и свобод. Поэтому все законодательные акты, продиктованные соображениями экономической и политической целесообразности, правомерны лишь в той степени, в какой они не противоречат данному конституционному статусу неподопечности.[287]

Переосмысливая правовые постулаты тоталитаризма, Г.Мальцев в 1988 г. пришел к выводу, что право - это не воля класса, возведенная государством в закон, а система регуляции и защиты свободного поведения индивидов средствами государственной (политической) власти.[288] Поэтому нарушение подлинных (органических) законов должно являться не только невыгодным, но даже и неинтересным, морально и материально обременительным. Примерно в это же время А.Васильев соглашался с тем, что настоящее право не может быть всеохватывающим и что общество нуждается в гарантиях против любой избыточной "зарегулированности". То есть общество нуждается в пространствах, свободных от правовых воздействий.[289] Еще ранее Л.Явич отмечал, что право должно обеспечивать "объективно детерминированный масштаб свободы", гарантируя сохранение творческих возможностей человека.[290]

В целом следует признать, что идея, права как главного защитника и гаранта свободы в России, была предана забвению лишь во времена советского тоталитаризма. До этого Б.Кистяковский, например, писал: "Право - это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, более безотносительная духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой".[291] Иначе говоря, правовой порядок был для него системой отношений, при котором наибольшая свобода деятельности и самоопределения предоставляется всем. Недаром единственным моральным принципом, который сделал возможным развитие современной цивилизации, Ф.Хайек называет принцип индивидуальной свободы, в состоянии которой индивид руководствуется правилами справедливости, а не командами. Поэтому коллективные правила поведения, которые могли бы как-то излишне связывать индивида, не должны существовать в свободном обществе.[292]

Из-за этого также основой своего бытия правовое государство должно признавать лишь право свободы, ибо как организация, возвышающаяся над гражданами, но не поглощающая их, правовое государство есть система свободы. В этом контексте политическая мечта Д.Вико о создании в обществе судов высшего типа ("совершенно неупорядоченных"), но именно этим своим качеством противостоящих эманации чрезмерного государственного рационализма, обретает свою глубокую практическую сущность. Поскольку права человека стоят выше прав государства, постольку назначением государства является не осуществление мессианских идей, а обеспечение свободной жизни индивидов.[293] Из этого, в свою очередь, вытекает необходимость как можно реже привлекать "тупую скотину государства" (Х.Ортега-и-Гассет) к участию в человеческих делах. Сначала индивид и его права, а потом государство и его права, говорил Р.Пилон. Именно с этой целью конституция ограничивает власть правительства, охраняя право собственности как основу свободного общества.[294] Характерно, что и у Ж.Дюамеля лучшим из всех конституционных режимов в мире является тот, который не сковывает личность, позволяя ей свободно развивать свои способности.[295]

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Как утверждается на протяжении всей данной работы, конституционное регулирование политической активности должно соответствовать требованиям органической нормативности, изначально присущей политическому поведению. Однако следует заметить, что в этой системе отношений действует и обратная связь. На примере некоторых из реформ О.Кромвеля Г.Спенсер показал, что политические преобразования, которые опережают потребности исторического момента, оказываются затем сглаженными органическим ходом жизни. Иначе говоря, политический процесс не всегда осуществляется в пределах сознательного контроля. Кроме того, как писал тот же

Г. Спенсер, устанавливая долговременные нормы, законодатель должен помнить также и об их пострегулятивном эффекте. Этот эффект обычно игнорируется, однако именно в нем проявляется способность конституционного права влиять на формирование характера народа в том или ином направлении. Как считал Э. Фромм, нормы, по которым функционирует общество, формируют также и его характер. Именно этим путем в индустриальном обществе сформировалась психологическая потребность постоянно приобретать собственность, сохранять и приумножать ее.

Судя по всему, взаимосвязь конституционных норм и органических норм политической активности носит системный характер. Как писал В. Прокошин, каждому виду общественных отношений соответствует обычно специальная правовая форма, состоящая из определенного набора элементов, правового инструментария.[296] Поэтому естественная широта феномена современной политики как объекта правового регулирования предполагает значительное разнообразие приемов и способов ее конституционного обеспечения. Конституционное гарантирование политической активности неизбежно становится гибким.[297] В итоге в конституционном регулировании наблюдается присутствие одновременно политического, идеологического, организационного, юридического, психологического и иных аспектов.

И ранее в правовой теории[298] признавалось, что конституционное регулирование является высшим типом правового регулирования, характеризующимся особенностями своего предмета, метода и пространства действия.[299] О конституционных принципах писали, что они имеют политико-правовое содержание, в то время как конституционные права и свободы - политико-правовое.[300] Говоря о конституционных гарантиях политического самоуправления, В. Гулиев подчеркивал, что они выражаются управомочивающими нормами, ограниченным кругом запрещающих норм и минимальным количеством норм-предписаний.[301] Г. Манов выделял в иерархии конституционных прав и свобод основные (без них конституция не может состояться) и конкретизирующие.[302] П. Ордешук трактовал конституцию как механизм общественного "равновесия", договор, который всем известен и который все соблюдают.[303] О праве, в том числе конституционном, как о форме свободы и равенства писал В. Нерсисянц.[304] В остальном однако, теорию социалистического конституционализма отличала крайняя степень идеологического буквализма.

Между тем, еще Аристотель писал, что государственный строй, придерживающийся во всех мелочах буквы закона, не есть наилучший. По его мнению, правителям было бы полезнее руководствоваться правилами, чуждыми конкретным человеческим эмоциям.[305] Характерно, что и у П. Кропоткина законы - это не более, чем приглашение работать в известном направлении, поощрение для лиц, использующих свою энергию, изобретательность и созидательные таланты. Поэтому законы в концепции П. Кропоткина ни в коем случае не должны быть бюрократическими. Ведь, как и А. Швейцер, он верил, что в механизме социальной динамики правовые гарантии на основе принципа доверия всегда превосходят гарантии на основе контроля. В самом деле, хотя праксеологи обычно и предостерегают против крайней правовой свободы, якобы провоцирующей политическую апатию элит, практика конституционного патернализма оказалась удивительно малоэффективной.

Конечно, доступные нам свидетельства конституционной истории говорят о том, что правовое регулирование политической активности не должно достигать уровня анархии. Однако складывающийся в этой сфере конституционный порядок должен оставаться спонтанным порядком в обществе. По мнению М. Поллани, это должен быть "полицентрический порядок", достигаемый позволением гражданам неограниченно

взаимодействовать друг с другом по собственной инициативе, подчиняясь лишь закону, равно применимому ко всем. Последнее обстоятельство позволяет допустить, что между конституцией и политической действительностью должно существовать пространство люфта. Ведь политическая действительность обычно на порядок свободнее самой либеральной правовой модели. Именно в этом смысле политическая действительность как бы "не допускает прямого применения законов".[306]

В свое время Б.Кистяковский писал, что тенденция к подробной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писаных законов присуща лишь полицейскому государству. Именно она составляет его отличительный признак по сравнению с государством правовым. Иначе говоря, разрешительное право противоречит постулату современного правосознания: разрешено все, что не запрещено законом, который и определяет в общем виде пределы допустимого разнообразия норм и отклонений от них в обществе.

По мнению Л.Морозовой, реализация конституционных гарантий не может сводиться лишь к законопослушному поведению и требует социально-правовой активности.[307] О необходимости конституционного стимулирования политической активности писали и другие советские исследователи, пусть и с неизбежными в то время оговорками об укреплении социального контроля.[308] Однако позже в науке стали встречаться утверждения ученых о том, что "мы проявляем поистине патологическое стремление запретить настоящее в угоду нормативно-идеалистическому будущему".[309] Пытаясь сгладить острые углы советского консервативного конституционализма В.Нерсисянц советовал органам конституционного надзора сознательно допускать наличие правовых пробелов, тем самым как бы предпочитая отсутствие регулирования противоправной нормативности.[310] В посттоталитарных условиях в конституционном гарантировании политической активности стала проявляться общая тенденция снижения давления власти на население, сопровождаемая также некоторым снижением психологической силы законов.[311]

А.Уайтхед и многие политические философы до него, считал право не только двигателем правительства, но и ограничителем его активности. Этот вывод следует у него из анализа истории развития канонического церковного и гражданского права, внедривших в европейский менталитет норму о подчинении живой власти требованиям закона при сохранении общего контроля за действием права на основе "рационально приспособленной системы организации".[312] В рамках этой позиции для выражения большей меры свободы логика правовой регуляции парадоксальным образом требует правового запрета, а для выражения меньшей меры свободы - наоборот, дозволения. Как справедливо заметила Н.Варламова, в органической политической среде изначально более предпочтительным был негативный, а не позитивный способ правового регулирования.[313]

Как известно, одним из наиболее крупных достижений конституционного гарантирования современной политической активности выступает либеральный принцип самоограничения демократии. Этот принцип позволяет политическим меньшинствам в известных вопросах не следовать воле большинства, не опасаясь при этом применения по отношению к себе каких-либо принудительных мер. Как пишет Д.Скуайрес, с точки зрения требований современного конституционализма даже маргинальным группам должно гарантироваться политическое представительство.[314] По мнению же Р.Гудина политическая идентификация маргинальных групп требует предоставления им даже права вето по некоторым вопросам.[315]

В целом в политической области, как писал Р.Лившиц, справедливость все больше выражается в установлении минимально необходимой власти управляющих при одновременном закреплении максимально широких гарантий против злоупотребления властью для управляемых. Это предполагает не столько отнятие у официальной власти известных прерогатив, сколько распределение властных полномочий между многими функционерами, каждому из которых достается лишь небольшая часть политического влияния.[316] Кроме того, конституционное ограничение государственной власти имеет сегодня также и тот практический аргумент, что на определенном этапе развития общества его внешняя организация начинает осуществляться преимущественно посредством духовной жизни. Поэтому личности и идеи в орбите современных политических институтов должны оставаться автономными, сохраняющими и поддерживающими в себе "живое начало".

И хотя, как писал Э.Трельч, конституции демократического типа в настоящее время показали всем свой фундаментально буржуазный характер,[317] представители органического направления в конституционализме и сегодня продолжают рассматривают конституцию как фундаментальный принцип гражданского сотрудничества.[318]

Следует также заметить, что уменьшению репрессивной способности государственной власти конституционными средствами мог бы способствовать сегодня не только институт парламентских уполномоченных по защите прав человека, но и конституционное закрепление основ статуса неправительственных правозащитных организаций, функцией которых в большинстве посттоталитарных стран стал мониторинг деятельности большинства институтов исполнительной ветви государственной власти. При этом стоит заметить, что феномен правозащитных организаций был порожден не только тоталитарным прошлым ряда социалистических стран, но также и логикой политического развития свободных обществ в целом. В США некоторые из таких организаций были названы "отрядами сторожевых собак", которые отстаивали не только потребительские права граждан, но и участвовали во многих политических акциях.

Важной частью проблемы конституционного гарантирования политической активности граждан в посттоталитарных странах остается сегодня и процессуальный (процедурный) аспект. Ведь в большинстве случаев реализация конституционных принципов требует специальной процедуры,[319] которая важна не только для формальной реализации конституционных норм, но также и для укрепления общего демократического потенциала конституции. Как писали Н.Деев и Н.Шарафетдинов, закон - это норма, установленная на основе процедуры согласования интересов.[320] Именно поэтому в правовых итогах демократии нет чего-либо вечного. С другой стороны, даже незначительное изменение традиционно стабильных процедурных правил демократии может неожиданно превратиться в реально критический фактор.[321]

П.Сорокин писал, что ни одно действие человека не исчезает бесследно, всегда имея свои как близкие, так и отдаленные последствия.[322] Данный аргумент применим и к конституционному регулированию, дух которого не должен разъединять реальное поведение индивида и его моральные мотивации. Участвуя во многих политических акциях, человек редко представляет себе все последствия тех или иных коллективных и индивидуальных, рациональных и нерациональных действий. И хорошо продуманные конституции должны это как-то учитывать. Ведь как писал М.Блок, мы сильно исказили бы проблему причины в истории, если бы свели ее исключительно к вопросу осознанных мотивов.[323]

Несмотря на всю свою высшую юридическую силу, традиционную жесткость и "неподатливость", [324] ни одна конституция не может стать выше жизни. Как заметил однажды Гегель: "Сколь слепы те, кто полагает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более правам, потребностям и взглядам людей; что формы, к которым не проявляют более интереса рассудок и чувство, достаточно могущественны, чтобы и впредь служить узам, объединяющими народ". [325] Кроме того, как заметил однажды Д.Брайс, многие правила, пригодные для Парижа, не подходят для Филадельфии. В поисках правового идеала человечество прошло путь от законов, обеспечивающих "супремацию знати" (Ж.Ле Гофф) до настоящих самоуправленческих хартий, пусть порой и написанных философами-одиночками. "Основанную на неизменных законах природы, универсальную рациональную конституцию" Р.Оуэн создал, как известно, для коммуны "Новая гармония". В определенном отношении это была классическая субъективная философская попытка дать "проект возможного общественного состояния", наилучшим образом вычислить "вероятность счастья людей". Исследователям истоков конституционализма известен также "Мейфлауэрский договор" 1620 г. и "Фундаментальные законы Коннектикута" 1638 г., которые С.Хантингтон назвал первой писаной конституцией современной демократии. [326]

Что же касается будущей конституционной эволюции, то ее вектор сегодня предсказать вряд ли возможно. Еще П.Новгородцев писал, что история права состоит из попыток примирения личности и общества, в которых "дух дышит, где хочет", не допуская стесняющих его проявления преград. [327] В 1988 г. объединением 58 политологов, юристов и парламентариев Северной Америки, Европы и Японии был создан модельный проект "Конституции Союза Демократий" [328] - весьма интересное проявление стратегии мирового конституционного развития.

В более скромном законопроектном качестве миру политики известны также принципы социальной справедливости Э.Фромма: а) максимальная децентрализация политики; б) замена бюрократического способа управления гуманистическим; в) запрещение "промывания мозгов"; г) создание эффективной информационной системы; д) отделение создания интеллектуальных проектов от их применения в промышленности и обороне. [329] Примечательно, что только в конституционном процессе в Украине перед принятием Конституции 1996 г. было выработано больше десятка конституционных проектов, основанных на различных политических моделях современного понимания демократии.

Хотим мы того или нет, писал Э.Шеварднадзе, но все мы движемся к образованию глобального гражданского общества, основанного на праве. И если это действительно так, то возникает вопрос: не можем ли мы подойти к международным проблемам и глобальным политическим вызовам на основе моделей, апробированных в отдельных странах? [330] С другой стороны, как писал Э.Берн, если мы хотим, чтобы наше будущее стало более теплым и честным, мы должны перестать быть холодными и лицемерными уже сейчас. Осознавая этот императив применительно к своей политической жизни, граждане посттоталитарных стран признают, что даже самый передовой конституционный опыт Запада сможет удовлетворять их лишь частично. И если не политическая катастрофа, как писал Ю.Лотман, а наше общее движение вперед преодолет ту грань, на которой мы сегодня находимся, то возникший новый политический порядок вряд ли окажется простой копией западного. [331]

УКРАИНСКИЕ ПРЕДКОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕИ

Как отмечают исследователи[332], первые попытки перенести достижения западной политической мысли на украинскую почву были предприняты в середине XIX в. Н.Костомаровым и М.Драгомановым. В.Потульницкий писал, что Н.Костомаров может по праву считаться первым украинским политологом. В исследовании государственной жизни украинского народа именно он был пионером, который попытался применить актуальные в его время западные политические концепции к анализу украинской ситуации.[333]

Как политический мыслитель Н.Костомаров был идеологом "Кирилло-Мефодиевского братства", мировоззренческие идеи которого излагались в журнале "Основа", выходившем в Петербурге в 1861-1862 г. В статье "Две русские народности" ("Основа", 1861, № 3) киевская традиция свободы и индивидуализма противопоставлялась Н.Костомаровым московской традиции авторитаризма и подчинения личности коллективу.[334] Принадлежа к народническому направлению украинской историографии, Н.Костомаров определял польский этнос в своей основе как аристократический, русский как деспотический и только украинский как демократический. Характерно, что в концепциях Н.Костомарова И.Лысяк-Рудницкий находил достаточные свидетельства того, чтобы считать его одним из основателей "украинского мессианизма".[335]

Под влиянием Н.Костомарова кирилло-мефодиевцы поддерживали перспективу образования союза славянских республик по образцу древнегреческих государств или США, с единым конгрессом и президентом, единой денежной системой, общей внешней политикой и армией, которая должна была сочетаться с республиканскими милицейскими силами. Впрочем, отдельные элементы данной концепции еще ранее можно было обнаружить в идеях "Товарищества объединенных славян", заявившем о себе на Украине в 1820-х г. Позже в 1840-х г. эта концепция кристаллизировалась в программных документах "Кирилло-Мефодиевского братства", где сконцентрировались основные идеи украинского национально-освободительного движения второй половины XIX - начала XX в.

Теоретическое оформление концепции украинского федерализма, как принято считать, завершил М.Драгоманов.[336] В дальнейшем украинская федералистская традиция была продолжена в социал-демократическом (Н.Порш) и либерально-народническом (М.Грушевский) идейных течениях. Стоит добавить, что как идеолог М.Драгоманов оппонировал народническому направлению украинской политической мысли, выступая за эволюционный социализм.[337] Симпатизируя идеям политической цикличности (Д.Вико, О.Шпенглер, Р.Виппер), М.Драгоманов считал свободу более ранним политическим феноменом, чем насилие.

По мнению Е.Прицака, конституционализм М.Драгоманова сформировался под влиянием российского конституционализма и сводился, главным образом, к идее гражданских прав и свобод, принципу децентрализации и двухпалатному парламенту. Государство в концепции М.Драгоманова представляло собой союз местных самоуправлений, в котором центральная власть должна была служить лишь дополнением к местной. Централизм М.Драгоманов считал проявлением "якобинства", симпатизируя при этом государственному устройству Швейцарии, Великобритании и США. Отстаивая примат политической свободы перед классовыми и экономическими интересами, свой политический идеал он видел в либерализме Прудона (политической анархии и "безначальстве"). В целом идейная позиция М.Драгоманова в украинской политологии своего времени не стала преобладающей.

Доминирующим же в украинской политической мысли второй половины XIX - начала XX в. было народническое направление, основными представителями которого были М.Грушевский, Р.Лашенко и С.Шелухин. Стоит отметить, что М.Грушевский был учеником В.Антоновича, а последний, в свою очередь, учился у Н.Костомарова. В.Антонович считал украинцев мало приспособленными к государственной жизни, выступая за "апофеоз свободной творческой общественности". Что же касается политических взглядов М.Грушевского, то, как писал Т.Гунчак, именно его идеи послужили в конечном счете завершающим элементом в общей традиции украинской политической мысли.[338]

Будучи ярко выраженным демократом, М.Грушевский ставил интересы народа и гражданского общества выше интересов государства. Украинский народ он считал этническим конгломератом, возникшим под воздействием многочисленных, порой малоизвестных исторической науке воздействий. Признавая при этом особую роль тюркских влияний, М.Грушевский считал склад национального характера украинцев преимущественно европейским. "Украинский народ, - писал он, - относится к западноевропейскому, или, проще говоря, европейскому кругу не только в силу исторических связей, которые на протяжении веков объединяли украинскую жизнь с западной, но и самым складом народного характера".[339] Украинцев он считал людьми с высокоразвитым чувством собственного достоинства, одновременно склонных к иерархии, "законным вещам", этикету и хорошим манерам. Имея подобные качества, украинский народ, по его мнению, мог почерпнуть много полезного в политическом опыте Германии и США. "Эта страна, - писал М.Грушевский о США, - для нашего будущего, несомненно, будет иметь огромное значение, - и своими необычными финансовыми и техническими средствами, и как школа для наших людей, будущих поколений наших техников, экономистов и общественных работников. Более демократичный, чем какой-либо из европейских народов, более инициативный, более смелый в замыслах и исполнении, этот народ может многому научить наши кадры трудящихся и деятелей".[340]

До 1918 г. М.Грушевский считал федерализм ведущей идеей украинского государственного строительства. Он не поддержал призыва Ю.Бачинского к политической независимости Украины, серьезно опасаясь в то время проявлений украинского шовинизма. Отстаивая политические, языковые, культурные и религиозные права национальных меньшинств в Украине, он надеялся отразить в будущем административно-территориальном устройстве Украины ее органические географические, экономические и культурные связи. М.Грушевский негативно относился к славянофильству и потому стремился "вырвать" украинскую культуру из "славянских объятий". В конкретной политике он был скорее прагматиком. Именно ему принадлежит высказывание о том, что хорошая конституция является более ценной, чем даже гениальная поэма. Хороший же земельный закон он ставил рядом с шедевром украинской национальной поэзии - "Кобзарем" Т.Шевченко.[341]

М.Грушевский надеялся, что Украина со временем станет чем-то большим, чем просто еще одной "мещанской республикой". По его мнению меркантильные выгоды не стоили жертв, принесенных украинцами для своего освобождения.[342] Поскольку опыт политической свободы Украине дали вооруженные казаки, именно их он считал главным гражданским элементом Украинской республики XVII в. По исторической версии М.Грушевского московский протекторат был принят украинской политической элитой лишь в целях сохранения свободы как высшей политической национальной ценности.

Приписывая идее свободы мощную творческую силу, М.Грушевский считал, что именно свобода создала гражданское общество в Украине. Он легко мирился со стремлением провинций к автономии и ценил политическое единство лишь в его "непринужденном" состоянии.[343] Украинцы желают того, писал он, чтобы парламент республики и правительство заботились только о делах, которые невозможно передать на места.[344] Обдумывая проект Конституции УНР М.Грушевский пришел к идее федерации общин ("Соединенных Штатов Украины"). На этой основе он развивал концепцию украинского самоуправления на основе децентрализации.[345]

К идее независимости Украины М.Грушевский пришел эволюционным путем, поддерживая первоначально лишь идею автономии Украины в составе России. Мысля Украину членом европейской федерации[346] и не веря в принуждение как фактор национального единства, М.Грушевский противопоставлял идее социального порядка идею гражданской активности. "Не нужно, - писал он, - чтобы наша общественность лежала безвластной, мертвой, бездеятельной массой, нужно, чтобы она в каждом деле чутко откликалась на все, что у нас и вне нас происходит, чтобы она была организованна и едина, чтобы ее покой был покоем собравших и вооруженных военных рядов а не бездеятельной и безвластной толпы".[347]

Народником по политическим убеждениям был также один из первых исследователей украинского права Р.Лашенко. Считая, что украинская государственность органически развивалась на основе принципов республиканизма, выборности и демократии, он поддерживал идею политической децентрализации Украины, протестуя против корпоративной замкнутости украинских классов и сословий. Характерно, что Р.Лашенко не отождествлял политического равенства граждан с их естественным, по его мнению, экономическим неравенством. Государство он рассматривал как политический аппарат, который во всех своих отправлениях должен быть подчинен народу.

Генеральный судья УНР С.Шелухин по своим политическим взглядам также был народником. Главной чертой украинского национального характера С.Шелухин считал свободолюбие. По его мнению, за исключением периода "вечевой монархии" времен Б.Хмельницкого на Украине всегда превалировал республиканский строй. Именно поэтому С.Шелухин считал демократию "национальной украинской формой государственной власти". Ее исторические корни он обнаруживал в статьях Конституции П.Орлика (1710 г.).

Что же касается консервативного направления украинской политической мысли, то его формированию, как принято считать, предшествовала практическая политическая деятельность Б.Хмельницкого, И.Самойловича, И.Мазепы, К.Разумовского, каждый из которых, хоть и в разной степени, стремился придать политической власти на Украине наследственные черты. Идеологически же политический консерватизм на Украине был представлен в первую очередь трудами В.Липинского, С.Томашевского и В.Кучабского.

В частности, выходец из польской шляхты В.Липинский[348] отстаивал идею украинского монархизма как средства, адекватного потребностям украинского политического кризиса на рубеже XIX-XX вв. В.Липинский верил в силу территориального политического императива, полагая, что украинскую нацию прежде всего объединила географическая среда. Настаивая на внедрении в политическую практику Украины принципов иерархии, авторитета, дисциплины, правопорядка и культуры, В.Липинский считал эти принципы соответствующими украинскому политическому строю, методам организации правящего класса, взаимоотношениям между верхами и низами, государством и гражданами на Украине.[349] Монархический идеал

В.Липинский выводил из идеи классократии, которую он считал, в свою очередь, производной от христианских традиций. Полагая, что украинской государственности вредит регионализм, В.Липинский настаивал на политическом объединении всех украинских этнических земель.

Национализм В.Липинский подразделял на конструктивный (как в Англии), и деструктивный (как в Польше и на Украине). Подчеркивая в политической истории Украины особую роль западно-украинских земель ("Пьемонта Украины"), В.Липинский называл ведущей украинской политической силой "клясу хліборобів". Эта мысль доминирует в главном политическом сочинении В.Липинского "Письма к братьям-хлеборобам".[350] Отстаивая политические ценности консерватизма, В.Липинский всегда подчеркивал политическую значимость индивида, причем не только как члена государства, но и как автономной личности. Выступая за неприкосновенность личности и право частной собственности на землю, В.Липинский всегда оставался верен политическому идеалу конституционной монархии английского образца.

Как историк, В.Липинский доказывал, что "хмельниччина" была не крестьянско-казацкой революцией, а политическим движением украинской элиты. Логично, что казацкую старшину, к которой народники относились с недоверием, он считал воплощением политически прогрессивных сил той эпохи. Как принято считать, В.Липинский был первым, кто серьезно поднял в украинской политической науке вопросы власти и руководства.[351]

Вторым крупным представителем украинского консерватизма был профессор С.Томашевский, также видевший политический идеал Украины в независимом монархическом государстве. Истоки украинского монархизма С.Томашевский находил в политическом строе Галицко-Волинского княжества. Осуждая проявления украинского анархизма, он считал истоками политической слабости украинской нации отсутствие у нее объединяющей всех идеи. Говоря об излишнем честолюбии украинской интеллигенции, С.Томашевский упрекал ее в слабости индивидуального творческого начала. Главными факторами украинской социально-политической динамики С.Томашевский называл: а) географический контраст между лесными и степно-луговыми областями украинских земель; б) религиозный контраст между украинскими католиками и православными; в) контраст между экономически развитым севером и аграрным югом Украины, дополняемый контрастом расовым и культурным.[352]

Упрекая галицкую интеллигенцию в неразвитости ее политического сознания, С.Томашевский считал ее невосприимчивой к образцам западного либерализма, которые столь эффективно впитывали политические элиты Польши, Чехии и Венгрии. Считая Галицию наиболее развитой украинской провинцией, он обвинял галицкую аристократию в сервильности и мелкости ее политического инстинкта. С.Томашевский сожалел также, что на Украине не были приняты документы, равные по значимости польской Ленчицкой Привилегии 1180 г. и венгерской Золотой Булле 1222 г.[353]

Еще один представитель украинского консерватизма, ученик В.Липинского В.Кучабский придерживался весьма умеренных политических взглядов. Как и его учитель, В.Кучабский считал крупное частное землевладение экономической основой украинской государственности. Оценивая анархизм как в целом чуждый традициям Западной Украины, В.Кучабский объяснял консервативный режим П.Скоропадского органической неспособностью Центральной Рады обеспечить на Украине демократическое правление. Не веря в возможность независимой Украины без учреждения монархии, В.Кучабский считал предпринимаемые неоднократно демократические начинания ее пестрых

политических сил утопическими. Считая государство продуктом национальной духовной организации, он доказывал, что "не с каждым народом можно государство построить".

Следует отметить, что представители украинского консерватизма в своих концепциях ставили интересы индивида и права человека, как правило, выше интересов нации и государства. Ключевыми моментами в рамках этого политического направления неизменно оказывался автономный индивид а также достоинство и честь личности. Неудачу украинских национальных попыток обрести независимую государственность в начале XX в. теоретики консерватизма объясняли, главным образом, сохраняющейся в Украине слабостью политического сознания народа.

Серьезным направлением политической мысли на Украине был также национализм, за которым, по мнению В.Потульницького, стояли национальное самосознание, патриотизм и дух независимости украинского народа. Интеллектуальными предтечами украинского национализма на востоке Украины был Н.Михновский,[354] а на западе - И.Франко, Ю.Бачинский и Л.Цегельский. Как принято считать, первые формулы украинского национализма были изложены в работах Ю.Бачинского "Україна irredenta" (1895 г.) и Н.Михновского "Самостійна Україна" (1900 г.). Интересно, что к своим выводам оба автора пришли автономно и даже с методологически разных позиций. Ю.Бачинский опирался в своих идеях на экономические постулаты марксизма, а Н.Михновский применял главным образом историко-правовую аргументацию. Как известно, идею украинской независимости в Галиции активно поддерживал также И.Франко ("По за межами можливого" 1900 г. и др.).[355]

В небольшой работе "Україна - irredenta"[356] Ю.Бачинский, как бы бросая вызов М.Драгоманову, заявлял, что политическая независимость Украины - это "conditio sine qua non" - основной фактор украинского экономического и культурного развития, главное условие ее политического будущего.[357] Подчеркивая, что идея политически независимой Украины имеет особую популярность в среде галицкой интеллигенции и пролетариата, Ю.Бачинский одновременно считал первоочередной политической задачей украинцев на востоке борьбу за установление конституционного строя в России.[358]

Что же касается ставшего настоящим политическим событием небольшого, но весьма радикального сочинения Н.Михновского, то его появлению в Украине предшествовало создание в 1891 г. политической организации - "Братства Тарасовцев",[359] политическая декларация которого ("Конфессион де фуа" - "Верую") - увидела свет во Львове в 1893 г. Декларация признавала реальный факт московской оккупации Украины, одновременно выдвигая требование украинской политической независимости.[360] В написанной через семь лет после этого брошюре "Самостійна Україна" Н.Михновский выдвинул лозунг единой, свободной, независимой Украины от Кавказа до Карпат.[361] В этой работе Н.Михновский призывал быть непримиримым к блеску свободы чужих наций на цепях сковывающих Украину. В борьбе за украинскую независимость Н.Михновский считал приемлемыми только победу или смерть. Политическими императивами для Н.Михновского были: а) Украина - самостоятельная, свободная, демократическая республика; б) русские - эксплуататоры и враги украинского народа; в) Украина - для украинцев; г) уважение украинцами родного языка и почитание ими национальной истории.[362]

Научно обосновать украинский национализм пытался также автор Конституции ЗУНР, профессор С.Днестрянский.[363] Поддерживая идею социально-этнического содержания права, С.Днестрянский считал, что в его основе заложены уходящие корнями в народную историю этнически обусловленные образцы (паттерны) поведения людей.

Государственность у С.Днестрянского выступает моральной категорией, воплощением этнических связей высшего типа. Признавая, что в основе права лежит справедливость, он тем не менее считал историческое понятие справедливости изменчивым. Национальностью у С.Днестрянского выступал народ, сумевший подняться до осознания национальной идеи. Таким образом, в основе нации у С.Днестрянского лежит совокупность населения, территории и культуры.

Идейным единомышленником и политическим сподвижником С.Днестрянского был заместитель Министра иностранных дел УНР (1919 г.) профессор В.Старосольский.[364] Отстаивая идеи "национализации государства" и "огосударствления нации", В.Старосольский в национальной основе различал иррационально-волевые моменты. Считая украинский этнос излишне восприимчивым к внешним влияниям, он отстаивал идею самоопределения Украины в ее этнических границах.

В свою очередь, активный член дипломатической миссии УНР в 1918-1920 гг. профессор О.Бочковский писал об украинском народе как о "полуисторическом", лишь только возрождающимся из национального упадка. Задачу формирования украинской нации О.Бочковский возлагал на средние классы. Предвидя возрождение и укрепление суверенной украинской государственности, О.Бочковский писал, что такое возрождение должно совпасть с развитием на Украине капитализма и демократии. В идее национальной государственности О.Бочковский особо подчеркивал моменты народного сознания и воли. По его мнению, украинский народ характеризуется психонациональным диморфизмом, который был особенно заметен в различиях жителей восточной Украины и галичан. Украинскую политическую элиту он обвинял в крайнем политическом индивидуализме. Украинские же массы казались ему психологически сервильными.[365]

Автор известного Меморандума правительства УНР, профессор О.Эйхельман вошел в историю украинской политической мысли как защитник прав компактно проживающих в Украине национальных меньшинств. В своем проекте Конституции УНР О.Эйхельман описал независимую Украину федерацией, поддерживающей договорные отношения со своими геополитическими соседями.

Эксперт по вопросам политической географии при правительстве ЗУНР профессор С.Рудницкий стал первым украинским политологом, пытавшимся перенести универсальные идеи политической географии на украинскую почву. Указывая на особенности психического склада украинцев, С.Рудницкий доказывал практическую необходимость объединения восточных и западных областей Украины как условия ее будущей независимости. С.Рудницкому принадлежит идея "Балтийско-Черноморской Федерации", в которую могли бы, по его мнению, войти в будущем Финляндия, Эстония, Латвия, Белоруссия и Украина.

Подводя некоторые итоги, следует признать, что изложить в последовательном и систематизированном виде украинские предконституционные идеи удастся не всегда. Ведь, как писал Б.Цимбалистый, национальная гомогенность обычно не противоречит полифонии политических и правовых предпочтений.[366] С другой стороны, как отмечал Ю.Липа, кристаллизация национальной идеи требует глубокого осознания массами целостности своего Отечества. Для материализации такого проекта требуются личности масштаба Данте, А.Мицкевича или Т.Шевченко. И здесь не имеет большого значения то обстоятельство, что начало формирования национального менталитета иногда закладывается в эмиграции, на географической и политической дистанции, что только подтверждают примеры Д.Гарибальди и Петра I.[367] Основные процессы в этой сфере, по его мнению, вообще поддаются лишь ограниченной рациональной оценке. Именно

поэтому становлению украинской национальной идеи мало помогают жесткие дефиниции, планирование и "логизмы". В последнем случае, как предупреждал Ю.Липа, возникает лишь дополнительный риск расчленения тела нации на составляющие.[368]

Конечно, в историческом плане обнаружение украинских "генеральных идей" как проявлений украинского национального "Я", обогащает интеллектуальный потенциал народа.[369] Признавая, что украинцам не повезло с фигурами политических экспериментаторов крупного масштаба, Ю.Липа как политический теоретик был вынужден по крупицам собирать "муравьиные" результаты труда своих исторических предшественников.[370]

Важные идеи украинского конституционализма (прежде всего об охране и защите казацких вольностей и прав) обнаруживаются в известной "Истории Русов".[371] Взятые в совокупности данные идеи, по мнению И.Лысяка-Рудницкого, сопоставимы с идеями европейского либерализма эпохи Просвещения.[372] Поэтому независимо от своего проблематического авторства, "История Русов" является не только колоритным документом украинской политической мысли, но и выражением свободлюбивых традиций украинского народа, свидетельством высокой популярности идей свободы в просвещенных кругах украинского дворянства.

В общем контексте темы украинского конституционализма представляют интерес также отдельные замечания Ю.Липы о сознающем свои права "отшлифованном типе" украинца,[373] об украинском индивидуализме (со ссылкой на Р.Щербину),[374] об украинском "солидаризме". Характерно, что индивидуализм как черта украинского характера привлекал внимание многих политических исследователей. Как отмечал Л.Мишуля, именно это качество сделало украинских крестьян в начале XX в. антагонистами Советской власти и "единственным реально демократическим классом решительно и без оговорок".[375]

Интересные замечания о политическом характере украинцев принадлежат также американскому автору В.Шамберлайну, писавшему в своем замечательном эссе, что характерной особенностью украинского национального характера является подчеркнутая любовь к свободе в сочетании с отсутствием привычки к "демократической самодисциплине".[376] В.Шамберлайн считал украинцев крупнейшим европейским народом, не имеющим государственности по причине, главным образом, предательства его интересов собственной политической и экономической элитой. Анархизм украинцев он выводил из общей судьбы восточноевропейских народов, долго живших в условиях государственных притеснений. По мнению В.Шамберлайна все, что государство сумело дать украинским крестьянам - "это очень немного, кроме угнетения, принуждения к военной службе и налогов".[377] Отмечая длительное нежелание украинского казачества уступить часть своих привилегий в пользу крепостных, В.Шамберлайн считал данное обстоятельство главным историческим препятствием становлению украинской демократии.[378]

Свободолюбие украинцев, о котором писал В.Шамберлайн, конечно же имело не одну лишь позитивную сторону. Взрывоопасную способность украинцев восставать против угнетения А.Шульгин, например, называл "гайдамаччиной". При этом он добавлял, что либо украинцы научатся в будущем организованному прогрессу и конструктивной политике, либо "гайдамаччина" сделает их вечными политическими аутсайдерами.[379] По мнению А.Шульгина, политическая умеренность также требует своих героев. Украинскими конституционными идеями А.Шульгин считал идею государственности и

независимости, идею защиты прав национальных меньшинств, а также идею соборности украинской нации.[380]

Думать "великодержавными" категориями и в соответствии с ними действовать призывал украинцев и Д.Скоропадский. Определяя украинскую демократию, как "полуобразованную, разнузданную, недисциплинированную и нетрадиционную", он считал украинский анархизм ("отаманию") настоящим политическим бедствием страны.[381] Между тем идеологи и практики политической анархии на Украине отрицали связь между демократией и государственностью. Один из них - М.Шаповал, например, писал, что Украина нуждается в демократии без государства, основанной лишь на правах и прогрессе "единицы".[382]

В целом, как не раз подчеркивал И.Лысяк-Рудницкий, на своем историческом пути Украина не испытывала недостатка в политической энергии и воле. Ей недоставало не эроса, а логоса. Если бы та сила

, которая была растрачена украинцами в братоубийственных войнах, писал он, была использована конструктивно, Украина уже давно бы стала крупным независимым государством.[383] Чертами украинской политической ментальности И.Лысяк-Рудницкий называл народничество, революционную романтику и утопизм. Оценивая народничество ("мужикопоклонство"), как в основном чуждое западному пониманию демократии, И.Лысяк-Рудницкий писал, что ущербность украинской конституционной идеи была заметна уже в самом названии Украинского государства как "Народной Республики".[384] И хотя в период с 1840 по 1917 г. в Украине образовалось и действовало множество политических партий, украинский народ вступил в XX в. так и не обретя политического единства. Диапазон политических предпочтений растянулся в Украине этого периода от конституционной монархии до социалистической республики.[385]

На рубеже веков Украине не удалось воспитать доверия граждан к своей политической элите, утвердить толерантность, посеять в обществе дух сотрудничества и политического компромисса. В итоге "безгосударственность" и неумение создать и удержать политическую власть укрепились в сознании украинцев.[386] Поэтому, как писал М.Мариневич, неудивительно, что и сегодня попытки создать гражданское общество в Украине все еще наталкиваются на как бы незримую стену, а эффективно работающие в структурированном западном обществе политические и правовые модели в Украине пробуксовывают. Причиной этого продолжает оставаться недостаточное развитие у украинского народа чувства сакрального единства.[387]

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Анализируя периодизацию истории украинского национального возрождения, М.Шаповал различал в нем три этапа. Первый этап (1798-1840 гг.) характеризуется у него эстетическим интересом к украинской песне, языку, культуре и истории. Второй этап (1840-1880 гг.) - это период пробуждения украинского национального сознания (Т.Шевченко), углубленного изучения национальной истории, школьного просветительства, формулирования первых политических задач (М.Драгоманов). Третий же этап представлен первыми попытками политической организации (1880 г.), становлением украинских политических партий (1890-1900 гг.).[388]

В свою очередь, И.Лысяк-Рудницкий в подобном же значении различал три украинские "эпохи": а) от упадка казацкой государственности до 1840 г.; б) от 1840 до 1880 г.; в) от

1890 г. до первой мировой войны. Эти эпохи он называл шляхетской, народнической и модерной.[389] Примечательно, что именно в первую из эпох Украина предприняла попытку конституционного законотворчества, исторически представленную Конституцией П.Орлика.[390]

Как писали О.Трофимук и М.Трофимук, Конституция П.Орлика (1710 г.) стала итогом и памятником коллективных законотворческих усилий П.Орлика и близкой ему казацкой старшины, соединившим в себе главные политические и правовые идеи своего времени. Изложенные в сравнительно коротком документе, эти идеи были результатом длительного развития Украины, реальным свидетельством демократического сознания украинского народа, конкретным свидетельством ее политической культуры. По оценке Е.Прицака, Конституция П.Орлика 1710 г. близка по своему значению Конституции Польши 1791 г. Она действовала почти такое же время (польская - 1791-1795 г., украинская - 1710-1714 г.), будучи символическим воплощением украинской модели демократии.

С политической точки зрения Конституция П.Орлика интересна прежде всего тем, что уже в самом начале она демонстрирует приверженность идее политической цикличности. Констатируя вечную изменчивость политических судеб государств, Конституция выражает убежденность ее авторов в позитивных возможностях демократии построенной по образцу самоуправления Запорожского казацкого войска. Организация власти в Конституции 1710 г. строилась на основе выборности Гетмана и коллегиального отправления власти генеральной старшиной, городскими полковниками и генеральными советниками. Проведение сессий Генеральной Рады предусматривалось не менее трех раз в год. Гетман мог принимать важнейшие политические решения лишь после уведомления и с согласия своего ближайшего политического окружения.

Конституция устанавливала ряд гарантий против возможного произвола и злоупотреблений со стороны власти. Вся служебная иностранная корреспонденция Гетмана объявлялась открытой также и для иных высших должностных лиц. Признавалось право петиции ("жалобы") по поводу нарушения прав и вольностей казаков со стороны полковников и генеральных советников. Генеральным старшинам, полковникам и советникам гарантировалась свобода публичной критики действий Гетмана. Запрещалось единоличное (Гетманом) рассмотрение уголовных и гражданских дел. Они подлежали юрисдикции Генерального Суда. Гетману же предписывалось надзирать за разумной умеренностью налогов и сборов. Конституция 1710 г. предусматривала также создание выборных должностей Генерального Казначея, урядников и полковников. И хотя, как писал М.Возняк, большого практического значения Конституции П.Орлика не имела, она осталась ярким правовым документом, символом украинской политической свободы и независимости.[391]

В большинстве своем политико-правовые документы украинского конституционализма появились на рубеже XIX - XX вв. Одним из первых документов этого рода стала программа журнала "Громада", издававшегося с 1877 г. в Женеве под редакцией М.Драгоманова (с 1880 г. - под редакцией М.Драгоманова, М.Павлика, С.Подолинского). Политическая часть этой программы включала в себя требования этнического равноправия, свободы слова, науки и общественных собраний. В государственно-правовом смысле программа выступала за союз (федерацию) самоуправляющихся общин на украинских землях.[392]

В свою очередь, программа Русско-Украинской Радикальной партии (образована в 1890 г. представителями львовской интеллигенции) в своей "максимальной" части выдвигала требования: свободы личности, слова, сходов, товариществ, печати и совести;

равноправия полов и права политического участия; самоуправления общин, уездов и краев; культурного развития населяющих Украину народов.[393] Эту программу подвергли критике "младшие" радикалы, такие, как Ю.Бачинский, В.Будзиновский, Н.Ганкевич, А.Колесса, Е.Левицкий и В.Охримович. В своем ответном документе ("Ревизии") они выдвинули национальный принцип организации государства как слуги общества, требуя всеобщего вооружения народа и ответственности урядников за нарушения прав граждан перед судом присяжных.[394]

В 1895 г. галицкие народники образовали во Львове Народную Раду во главе с Ю.Романчуком, программа которой призывала к пробуждению украинского самосознания методами просветительства. Народная Рада ставила цель образования масс, пробуждения в них политического самосознания, подготовки к борьбе за свободу и политическое самоуправление.[395] Примечательно, что Т.Гунчак назвал Народную Раду подлинным "политическим товариществом".

Программный документ Братства Тарасовцев (образовано в 1891 г. М.Базькевичем, Н.Байздренко, В.Боровиком и И.Липой), обнародованный впервые под названием "Реферат" в 1893 г. в Харькове призывал украинцев бороться с опекой над ними и деспотизмом чужих правительств и народов. В документе был выдвинут принцип децентрализации Украины, ибо именно такое государственное устройство его авторы считали "наиболее моральным".[396] Они также заявляли, что украинский народ нуждается в прогрессе и свободе.[397]

В 1897 г. в Харькове образовалось Украинское Студенческое Товарищество, главными идейными требованиями которого были "отличать свою нацию от других", всюду поднимать национальный вопрос, бороться за обретение свободы украинским народом.[398] Примерно в это же время в печати развернулась полемика Л.Украинки с И.Франко о перспективах украинского национального возрождения. В споре со своей оппоненткой И.Франко отстаивал принципы федерализма, защиты индивидуальных ценностей и гражданского самоуправления.[399] Как считал И.Франко, к обретению политической свободы украинский народ необходимо специально готовить. Ведь одних реформ и конституции для этого недостаточно. В противном случае, как напоминал И.Франко, "дурака и в церкви поколотят".[400]

Понимание необходимости воспитания национального сознания в украинском народе было сильной стороной политической позиции Н.Михновского. Будучи политическим радикалом, Н.Михновский считал, что для достижения Украиной политической независимости и свободы не жалко, чтобы пролились "реки крови" и зашаталась вся Россия.[401]

Заметное влияние на политическую культуру галицких украинцев оказала на рубеже веков практика австрийского конституционализма. В статье под названием "На склоне века", опубликованной от имени Украинской Социал-демократической партии (образована в 1899 г.) подчеркивалось, что австрийский конституционализм заложил основы политической культуры этого региона Украины, способствуя тем самым формированию требований политической свободы, самодержавия народа и демократии на Украине.[402]

Программа Национал-демократического (Народного) Стронничества (с 1899 г. - Украинская Национал-демократическая партия) призывала украинцев помочь превращению России из монархии в конституционное федеративное государство с автономией для нерусских народностей.[403] В свою очередь собрание ("Вече")

украинской академической молодежи во Львове в 1900 г. в резолюции, написанной Л.Цегельским, признало национальное государство единственно приемлемой формой политического прогресса украинского народа и призвало к независимости Украины в пределах ее этнографических границ. Все силы украинской нации участники собрания призывали объединить для создания "украинского государственного организма".[404]

Программа Украинской Социалистической партии (образована в 1900 г.) также выдвигала требования: а) демократической Украинской Республики; б) законотворчества народа; в) прямого, равного и тайного избирательного права; г) национального равноправия; д) гражданского самоуправления и выборности земских чиновников; е) равноправия граждан; ж) свободы слова, печати и собраний.[405] В свою очередь, в "Обращении украинских студентов к польским студентам Львовского университета" (1901 г.) говорилось, что "не по австрийской Конституции, но по общечеловеческому природному праву следует [жить] всякому народу, следовательно, и нам, украинцам, принадлежит право на жизнь и развитие".[406]

Духом стремления к политической независимости был проникнут документ Украинской Народной партии (образована в 1901-1902 г.) под названием "Положение российских украинцев рабочих". Как считали его авторы, украинские рабочие и крестьяне не должны были добиваться конституции в России, которая принесла бы им лишь временное облегчение.[407] Наоборот, они должны добиваться единой, неделимой, свободной, самостоятельной, демократической Украины. Уже осенью 1905 г. Украинская Народная Партия опубликовала свой проект Конституции Украины, предусматривающий национализацию ("социализацию") украинских земель в пределах всего народного хозяйства.[408]

В наброске программы Революционной Украинской партии (1905 г.) содержались требования автономии Украины, принятия демократической конституции, избрания Народной Рады. Предполагалось также введение прямых, равных и тайных выборов, признание верховенства референдума над решениями Народной Рады, самоуправление "громад". Программа требовала запрета на любое ограничение демократических прав и свобод. Сословная и паспортная системы также подлежали отмене. В программе особо подчеркивались требования независимости суда, отмены смертной казни и всеобщего вооружения народа. Методы политического террора, как несвоевременные, программой отвергались.[409] Позднее данные требования были дополнены также пунктом о гарантиях свободного культурного и социального развития нации.[410]

Программа Украинской Демократической партии (1903-1904 гг.) в свою очередь предусматривала: введение парламентаризма на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права; утверждение свободы личности, слова, веры, собраний, союзов, организаций и стачек; применение украинского языка в судах, административных и гражданских учреждениях; автономию для территорий, населенных украинцами.[411]

Платформа Украинской Радикальной партии (1905 г.) выступала за: политическую самостоятельность украинского народа; принятие конституции в России; гарантии общепризнанных прав человека; свободный выбор места жительства; свободное распоряжение собственностью; использование родного языка в частной и публичной сферах; референдум и законодательную инициативу народа; принятие конституции в Украине; самоуправление сельских и городских общин; замену армии всеобщим вооружением народа.[412]

Программа Украинской Демократической Радикальной партии (1905 - 1908 гг.) требовала провозглашения автономии украинского народа в составе обновленной парламентарной России. Она выступала также за обеспечение гражданских прав в краевой конституции Украины, избрание Народной рады, запрещение пыток и смертной казни.[413]

В материалах II съезда Революционной Украинской партии (1905 г.) также выдвигались требования автономии Украины в ее этнографических границах и национального законодательства для автономии.[414]

Сравнительная умеренность национально-демократических требований характеризовала программу Украинской Трудовой Громады (украинской фракции II Государственной Думы России, 1907 г.). Признавая отделение Украины от России "невозможным и нежелательным", программа возлагала свои демократические надежды на будущий автономный статус народов в составе России.[415]

Накануне войны 1914 г. заметным на Западной Украине было влияние Украинской Национально-Демократической партии. Программа этой партии требовала: предоставления украинскому языку официального статуса; всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; парламентского представительства национальных меньшинств. Кроме того, требовалось гарантирование "наиболее широкими конституционными законами" свободы собраний, товариществ, слова, прессы, веры и совести. За нарушение этих прав предлагалось установить уголовную и гражданскую ответственность. Как было записано в программе, УНДП стремится к тому, чтобы на всех украинских землях "народ добыл себе полную свободу и стал хозяином своей судьбы".[416]

Постепенно характерная тенденция к формулированию конституционных требований в украинских партийных программах становится все более заметной и даже как бы закономерной. Как было сказано в заявлении Украинской партии Социалистов-Революционеров (1911 г.), украинцы - это отдельная историческая нация с присущими ей политическими, экономическими, общественными и культурными особенностями.

Характеризуя предреволюционную политическую ситуацию в Украине, М.Шкильник писал, что украинские эсеры буквально "вулканизировали" крестьян, пробуждая в провинции беспокойные анархические элементы и дезорганизуя здесь впоследствии всю хозяйственную жизнь.[417] Стремление к радикальным переменам высказывали, тем не менее, не только эсеры. Выступая на II Всеукраинском съезде студентов во Львове (1913 г.) Д.Донцов проявил себя как новый вполне сложившийся идеолог украинского сепаратизма. По мнению Д.Донцова, политическое сознание украинской нации стало капиталом, который вошел в противоречие с интересами российского царизма.[418] Рефлексивное отражение идей Д.Донцова можно было затем обнаружить повсюду. Позже оно проявилось и в известном призыве Н.Хвывевого "разбить российский мессианизм".[419]

Рассматривая политический национализм как гарантию самодисциплины любого народа, называя его бунтом организованных начал нации против социальной дезорганизации,[420] Д.Донцов призывал Украину вырваться из "скользких лап спрута, имя которому культура Востока".[421] Высоко оценивая роль частной собственности в обеспечении политической свободы, Д.Донцов писал, что без этого экономического института человек становится рабом тоталитарной машины. В целом влияние идей Д.Донцова как "идеолога интегрального национализма" на украинский конституционализм еще предстоит исследовать. Как бы далеко не заходил порой Д.Донцов в своих теориях, ему трудно

отказать в глубине политической интуиции, способности улавливать в сложной атмосфере своего времени флюиды важнейших политических перемен.

Что же касается украинского коллективного политического творчества, то и здесь ситуация постепенно становилась все более радикальной. В 1914 г. созданный эмигрантами во Львове Союз Освобождения Украины включил в свою программу требование государственной независимости Украины как парламентской конституционной монархии с широкими гражданскими свободами и независимой украинской церковью.[422]

В свою очередь в 1915 г. в Екатеринославе инициативный комитет Украинского Самостийного Союза объявил в своей программе цель создания суверенного Украинского государства, в которое бы входили все этнографические земли Украины.[423] Программа выступала также за широкие гражданские свободы, неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки. Предусматривалось отделение церкви от государства и самостоятельный статус украинской православной церкви.[424]

В 1917 г. в Петрограде украинцы создали Временный Украинский Революционный Комитет, который в марте этого же года призвал украинцев Петрограда поддержать превращение Российской империи в федеративную демократическую республику с широкой территориальной автономией для Украины. В апреле 1917 г. Украинский Национальный Конгресс, созданный Центральной Радой, одобрил будущее государственное устройство России в форме федеративной демократической республики с признанием политической автономии Украины. Значение Конгресса, писал позднее К.Костив, проявилось также и в том, что он поддержал право украинского народа на политическое самоопределение, включая международное признание Украины.[425]

Тем временем политические события развивались стремительно, и в марте-апреле 1917 г. М.Грушевский писал: "Мы снова стали из подданных гражданами, свободными и полноправными и можем снова решать о себе, устанавливая право для себя, и строить судьбу своего народа, своей земли... Украинского вопроса отныне не существует. Есть свободный, великий украинский народ, который строит свою судьбу в новых условиях свободы".[426] В июне 1917 г. военные делегаты фронтов собрались в Киеве на II Всеукраинский военный съезд. Съезд предложил Центральной Раде созвать территориальные собрания для достижения соглашения с национальными меньшинствами по поводу проекта Статута автономии Украины. На этом же съезде В.Винниченко огласил I Универсал Центральной Рады.

В конституционном смысле основной частью I Универсала было провозглашение автономии Украины и политической свободы ее народа в словах: "Отныне будем сами творить свою жизнь". I Универсал стал крупным шагом к объединению украинского народа на основе национальных интересов. Как писал А.Яковлив, I Универсал послужил водоразделом между разрозненными декларациями и прошениями к российскому правительству с одной стороны, и консолидированной работой украинских национальных сил в направлении к политической независимости с другой.[427] По словам М.Грушевского, в I Универсале украинская Центральная Рада впервые заговорила как власть. От первого и до последнего слова он был единым творческим вызовом, не содержащим в себе, однако, ничего анархического или разрушительного.[428]

В Декларации Генерального Секретариата (исполнительного органа Центральной Рады) от 15 (28) июня 1917 г. утверждалось, что Украина оказалась в пространстве, где исчезли границы между моральной и публично-правовой властью. "Народ, - говорилось в

документе, - своей интуицией лучше понимает идею подлинного народоправства, идею демократической власти, которая идет снизу, а не сверху, которая существует для народа, а не народ для нее".[429]

II Универсал Центральной Рады (3 (16) июля 1917 г.) стал результатом переговоров между Центральной Радой и Временным правительством России. На основе его положений Центральная Рада и Генеральный Секретариат обрели статус высших государственных органов Украины. Российское Временное правительство согласилось с автономией Украины и признало Центральную Раду представительным органом украинского народа. На основе II Универсала, писал К.Костив, революционное правительство Украины трансформировалось из органа политико-моральной власти во власть политико-юридическую.[430]

На основе II Универсала Малой Радой 16 (29) июля 1917 г. был разработан Статут Генерального Секретариата как правовой документ высшего управления страной. Однако Временное правительство А.Керенского не утвердило его, предложив взамен Временную Инструкцию для Генерального Секретариата от 4 (17) августа 1917 г. Хотя "Статут" так и не стал действующим,[431] в конституционном смысле он интересен своим балансом законодательной и исполнительной власти (Центральная Рада могла отправить в отставку Генеральный Секретариат. В свою очередь, акты Центральной Рады подлежали контрассигнации Генеральным Секретариатом и т.д.).[432]

Временная Инструкция 1917 г. лишила Центральную Раду законодательных полномочий, очертив ее роль как консультативного органа при Временном правительстве. Статус Генерального Секретариата был понижен, ибо высшей инстанцией для генеральных секретарей становился теперь Петроград. Многим тогда казалось, что революция пошла на убыль, и это способствовало признанию "Инструкции" Центральной Радой. Дебатируя ее текст, Центральная Рада приняла решение о созыве украинской конституанты.

Тем не менее собравшийся в Киеве в ноябре 1917 г. Третий воинский съезд потребовал от Центральной Рады немедленного провозглашения Украинской Демократической Республики в этнографических границах Украины. Под давлением общей политической обстановки Центральная Рада (в составе Малой Рады) 7(20) ноября 1917 г. приняла III Универсал, провозгласивший создание Украинской Народной Республики (УНР). И хотя федеративные связи Украины и России при этом сохранялись, III Универсал географически точно определил территорию Украины.

III Универсалом Украина объявлялась парламентской республикой. При этом от России ожидали, что она согласится стать "федерацией равных и свободных народов". III Универсал отменил помещичье землевладение, провозгласил широкие демократические права и свободы, ликвидировал смертную казнь и объявил политическую амнистию. Русским, евреям и полякам проживающим в Украине гарантировалась "национально-персональная автономия". Как писал затем М.Стахов, с помощью III Универсала Украина стала Украинской Народной Республикой - государством, которое затем укрепило свой суверенитет в IV Универсале Центральной Рады.[433]

По мнению М.Шкильника, III Универсал стал попыткой Генерального Секретариата помешать интервенции большевистской России на Украину.[434] Сразу после Октябрьской революции в Петрограде Центральная Рада приняла резолюцию осудившую диктаторский большевистский режим и призвавшую к власти революционную демократию, а не только Советы рабочих и солдатских депутатов.[435] Юридически,

писал А.Яковлив, III Универсал стал "основным конституционным законом", который установил демократический режим в Украине.[436]

Следует отметить, что в период между III и IV Универсалами Центральной Рады политические партии в Украине создали документы, которые, пусть и частично, содержали в себе проекты многих конституционных норм. Например, программа Украинской партии Самостийников-Социалистов (декабрь 1917 г.) включила в свой текст "Декларацию прав украинского народа", в которой предусматривалось: упразднение классов и сословий; отмена паспортов; свобода слова, печати и образования; всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право; замена армии вооруженным народом ("вооружение демократии"); независимый статус УНР; избрание президента парламентом. В дополнении к программе указывалось, что без национального государства свобода неосуществима и что в правовом государстве любые гражданские привилегии недопустимы. "Собственное национальное государство" признавалось высшим благом для всех украинских партий.[437]

Отчетливо выраженный конституционный характер имел также Закон "О национально-персональной автономии", принятый Центральной Радой 9 (22) января 1918 г. По этому закону каждое из населяющих Украину национальных меньшинств имело право на автономную организацию своей жизни. Русским, евреям и полякам автономия предоставлялась автоматически. Белорусам, чехам, молдаванам, немцам, татарам, грекам и болгарам автономия могла быть предоставлена после подачи ими соответствующих заявлений.[438]

Принятый в мае 1918 г. "Мемориал" Украинского Национально-Демократического Союза требовал создания "национального демократического делового кабинета" из украинских деятелей и лиц украинской ориентации, пользующихся доверием масс.[439] В свою очередь, резолюция I съезда Коммунистической партии большевиков Украины, состоявшегося 5-12 июля 1918 г., расценила отделение Украины от России как временное. "Самостийную Украину" партия назвала формой экономического закабаления народа, от которого может спасти лишь объединение Украины с Россией на основе принципа пролетарского централизма.[440] Следует заметить, что в Украине в 1918 г. членов РКП(б) насчитывалось всего лишь 4364 человек, из них только 3% (130 чел.) называли себя украинцами. На выборах же в Учредительное Собрание 25 ноября 1917 г. коммунисты собрали на Украине примерно 10 процентов голосов избирателей.[441]

Некоторые положения конституционного характера содержались также в статуте Украинского Национального Союза (август 1918 г.) - конгломерата украинских партий, выступавших за независимую Украинскую державу. Статут предусматривал создание ответственного перед парламентом правительства, принятие демократического избирательного закона, защиту прав украинского народа и государства на международном уровне.[442]

В декабре 1918 г. в Вашингтоне собрался II Украинский Сейм (собрание отделений Федерации украинцев в США), делегаты которого симпатизировали социалистическому выбору небольшевистской ориентации. В резолюции "Сейма" утверждалось, что идея демократии является универсальной, ибо всякое правительство должно получать власть из рук народа. Украинцы США выразили также свое стремление к тому, чтобы на украинской земле возникла демократическая республика, признающая права национальных и религиозных меньшинств. В резолюция выражалась уверенность, что независимая Украина войдет в состав будущих Объединенных Государств Восточной

Европы. Резолюция была передана президенту В.Вильсону "для того, чтобы он знал, что думают украинские эмигранты о своей Украине".[443]

IV Универсал Центральной Рады был принят 9 (22) января 1918 г.[444] Большинство представителей национальных меньшинств воздержалось при этом от голосования или голосовало против.[445] IV Универсал провозгласил государственную независимость УНР и объявил оборонную войну большевистским Советам. Генеральный Секретариат был переименован в Совет Народных Министров. IV Универсал подтвердил национализацию земли, государственный контроль над торговлей и промыслами, а также статус национально-персональной автономии. Вопрос о возможных федеративных связях Украины с Россией был адресован будущему Учредительному Собранию, что, по мнению А.Яковлива, не ограничивало суверенитета УНР.[446] После провозглашения государственной независимости УНР украинские политические партии дополнили свои программы идеей независимости Украины, последовав в этом примеру Украинской партии Самостийников-Социалистов.[447]

Как писал И.Лысяк-Рудницкий, в IV Универсале не упоминались какие-либо суверенные исторические права Украины. Ее независимость базировалась исключительно на принципе демократического самоопределения.[448] Политический язык IV Универсала характеризовала "внутренняя честность", что в лучшую сторону отличало его от стиля большевистских документов, часто служивших лишь целям политической маскировки. С другой стороны, было трудно не заметить "грубого эмпиризма" IV Универсала, проявившегося прежде всего в неумении его авторов дать украинской государственности широкую историческую основу.[449]

Конституция УНР 1918 г., или "Статут о государственном устройстве, правах и вольностях У.Н.Р." был принят на последнем заседании Центральной Рады 29 (н.с.) апреля 1918 г. Поскольку времени на промульгацию и формальное провозглашение этого закона у его создателей не оставалось, он не вступил в законную силу. По замыслу своих создателей, Конституция УНР восстанавливала государственное право Украины, обеспечивала права и вольности ее гражданам, провозглашала Украину суверенным государством. Вторая часть Конституции УНР обеспечивала экономические, религиозные, политические и социальные права и свободы человека. Она гарантировала широкую свободу слова, совести, печати, организаций, забастовок и др.[450] Как исторический документ, Конституция УНР 1918 г. продемонстрировала значительные теоретические возможности украинского либерализма начала XX в. Ее создателями были демократически мыслящие, гуманные политические деятели, стремившиеся создать правовую модель справедливого общественного устройства для всего населения Украины.[451]

Конституция предусматривала организацию самоуправления земель, волостей и общин на основе принципа децентрализации. Пытки и смертная казнь запрещались. Политические права закреплялись в Конституции УНР 1918 г. в негативной ("американской") трактовке. Подтверждалось право национальных меньшинств на национально-персональную автономию. Гражданам УНР гарантировался свободный выбор национальности. Вместе с тем эта Конституция имела серьезные недостатки. Именно поэтому, как считал И.Лысяк-Рудницкий, ее вступление в силу было с самого начала проблематичным. Во-первых, в Конституции УНР не закреплялась стабильная и авторитетная исполнительная власть. Суд был почему-то подчинен парламенту. Не имея права роспуска парламента, правительство УНР тем не менее могло уйти в отставку на основе вотума недоверия, высказанного парламентом, который мог объявить его также и отдельным министрам. Это правило

посягало на принцип солидарности правительства, подвергая министров произволу парламентских фракций.

Установив систему пропорционального представительства, Конституция УНР 1918 г. не учредила постов главы государства и правительства. Не были в ней очерчены также пространственные пределы Украины. Как считал И.Лысяк-Рудницкий по своей архитектонике Конституция УНР 1918 г. была документом "непродуманным, неуклюжим и дилетантским".[452] Однако такая точка зрения затем неоднократно оспаривалась.

А.Яковлив, например, считал, что Конституция УНР 1918 г. была создана на основе лучших европейских и американского образцов. Глава однопалатного парламента был в ней одновременно и главой Республики. Кроме того, писал К.Костив, использование в Конституции УНР 1918 г. западного конституционного опыта проявилось в судебной процедуре разрешения возможных конфликтов между самоуправлением и центральной властью. Этот американский вариант был включен в нее, видимо, по настоянию М.Грушевского. В части территориально-государственного устройства Конституция УНР следовала опыту Австрии. Конституция определяла народ источником и носителем государственной власти, что было несколько нелогично. Не последовав федеративной модели США, равно как и французской модели централизации, Конституция УНР 1918 г. избрала путь децентрализации или административного самоуправления. Впрочем, все эти начинания были вскоре прерваны установлением диктатуры гетмана П.Скоропадского.

Грамота П.Скоропадского к украинскому народу от 29 апреля 1918 г. восстанавливала в Украине частную собственность как фундамент культуры и цивилизации а также свободу торговли на всем экономическом и финансовом пространстве. Частное предпринимательство и инициатива поощрялись. В последующих законах о временном государственном устройстве Украины диктаторские полномочия Гетмана были дополнены гарантиями неприкосновенности личности и жилища граждан. Предусматривалось сохранение судебной системы, свободы выбора места жительства, приобретения и продажи собственности. Частная собственность объявлялась неприкосновенной, хотя в отдельных случаях допускалось ее изъятие за вознаграждение. В рамках закона разрешалось также письменное выражение и распространение мыслей. С подобной же оговоркой допускалось объединение граждан в общественные организации и союзы.[453] Интересно отметить, что 2 мая 1918 г. украинские социалисты передали генералу Гренеру, под протекторатом которого находился режим П.Скоропадского, проект Конституции Украины в котором высшая законодательная власть в Украине переходила к Народному Собранию. Проект Конституции был подписан С.Ефремовым и А.Шульгиным, однако в силу не вступил.[454]

Режим П.Скоропадского вскоре заменила "коллегиальная диктатура" Директории. В декларации от 15 ноября 1918 г. Директория обрисовала свою конституционную программу, в соответствии с которой восстановлению подлежали национально-персональная автономия, местное самоуправление, право граждан на забастовки.[455] В декабре 1918 г. Директория попыталась заменить демократию "трудовым принципом", который означал, что политическая власть в стране передавалась представителям трудящихся: городским пролетариям, трудящимся крестьянам и трудовой интеллигенции. В целом взгляды Директории на государственное устройство Украины оставались нечеткими. После дебатов 26 декабря 1918 г. Директория провозгласила временную Конституцию Украинской Народной Республики, автором которой, вероятно, был В.Винниченко. Здесь Директория окончательно стала на позиции "трудового принципа ограниченной демократии", одновременно объявив о своем неприятии политической анархии.

В последующем практика Директории характеризовалась смешением законодательной, исполнительной и судебной властей. Функции Директории и Рады Министров четко не разграничивались. Законопроекты правительства утверждались Директорией, которая принимала также собственные постановления. Государство должен был представлять глава Директории. Директория восстановила ряд законов Центральной Рады и приняла решение о созыве украинского аналога учредительного собрания - Конгресса Трудового Народа. 12 ноября 1920 г. Директория утвердила Закон "О временном верховном управлении и порядке законотворчества в У.Н.Р.", а также Закон "О Государственной Народной Раде". Данные акты не только закрепили фактическое состояние дел, но и определили нормы управления и законотворчества в Украине до утверждения новой Конституции УНР.[456]

Политическое значение Директории, писал К.Костив, заключалось в том, что она продлила легитимный статус независимого Украинского государства. В своем выступлении 26 ноября 1919 г. С.Петлюра сказал, что "упрямой и бескомпромиссной борьбой мы показали миру, что Украина есть, что ее народ живет и борется за свое право, за свою свободу и государственную независимость. Мы создали украинскую нацию, которая и в дальнейшем будет бороться за свои права, за право самостоятельно и ни от кого не зависимо управлять на своей земле".[457]

Что же касается конституционных актов Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), то они представлены в основном Резолюцией УНР и Конституцией ЗУНР. В Резолюции Украинской Национальной Рады (образована 18 октября 1918 г. во Львове) от 1 ноября 1918 г. содержались требования: подготовить Конституцию гарантирующую всем прямое, равное и тайное избирательное право на основе пропорциональной системы; учредить национально-культурную автономию с представительством национальных меньшинств при Правительстве.[458] 13 ноября 1918 г. Временный Основной Закон - "Малая Конституция" ЗУНР был принят Украинской Национальной Радой. Создание ЗУНР Конституция обосновала правом народов на самоопределение. Очертив географические границы ЗУНР, Конституция закрепила власть народа и выборы на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. Конституция ЗУНР предусмотрела также избрание Учредительного Собрания ЗУНР, временно возложив полномочия высшей государственной власти на Украинскую Национальную Раду и Секретариат.[459]

1 декабря 1918 г. Директория подписала с представителями ЗУНР договор об объединении, который был утвержден Национальной Радой ЗУНР 3 января 1919 г., а Директорией - 19 января 1919 г. и провозглашен в Киеве 22 января 1919 г. В этот же день в Киеве был созван Конгресс Трудового Народа, который, как писал А.Яковлив, фактически стал учредительным собранием объединенной Украины. Директория передала свою власть Конгрессу, после чего Конгресс утвердил в общих чертах законы о власти. Конгресс высказался против "трудового принципа" и за восстановление демократии в Украине. В целях "закрепления демократического строя" Правительству УНР совместно с комиссиями Конгресса поручалось подготовить закон о выборах будущего представительного органа Великой Соборной Украинской Республики.

Тем не менее Директория сохранила за собой военную власть, временно оставаясь также верховной властью.[460] Законы Директории подлежали утверждению очередным Конгрессом. Исполнительная власть перешла к Раде Народных Министров. Состав Директории пополнили представителями Западной Украины. ЗУНР была преобразована в Западную Область УНР, однако автономия западного региона Украины при этом сохранялась. И хотя, как позднее писал М.Шлемкевич, "свободный дух создал

[украинское] государство, но не удержал его".[461] вышеперечисленные события и документы составили солидный политико-правовой каркас современного украинского конституционализма.

Как уже отмечалось, конституционные акты УНР не опирались на какие-либо исторические традиции и права украинского народа, уходящие корнями во времена Киевской Руси, Галицко-Волынского или Русско-Литовского княжества. В них говорилось лишь о праве украинской нации на свободное самоопределение, основанное на принципах демократии. Что же касается парламентской практики УНР, то она стала свидетельством высокого демократического уровня украинского законодательного процесса. Центральная Рада как правило скрупулезно следовала демократическим процедурам, а ее руководитель М.Грушевский не злоупотреблял единоначалием.

Вместе с тем, говоря о документах украинского конституционализма того периода следует признать значительное влияние на их содержание социалистической идеи. Как вспоминал И.Мазепа, уже в эмиграции В.Винниченко, В.Левинский, Г.Паламар не только провозгласили себя членами Украинской Коммунистической партии, но и пропагандировали Советскую власть на Украине в венском еженедельнике "Нова Доба". Почти одновременно с этим группа украинских социалистов-революционеров, возглавляемая М.Грушевским, М.Шаповалом и М.Чечелем на конференции в Праге (февраль 1920 г.) одобрила резолюцию, призывающую к скорейшему осуществлению на Украине "диктатуры трудового народа".[462] Украинской эмиграции в Вене в 1920-е годы не был чужд также и большевизм. В итоге, как горько констатировали представители политической оппозиции, "Украина до тех пор не была государством, пока ею правили украинцы, а как только стала государством, так сразу оно перестало быть украинским".[463] В утопических попытках создать государство неимущих разрушительный социальный инстинкт возобладали над созидательным началом.[464] Как писал Г.Степовик, вся украинская революция прошла под лозунгом социализма, социализм объединил и исчерпал тогда все лозунги.[465]

В то же время анализ правовых документов того времени показывает, что структура политической действительности на Украине на самом деле была сложнее. Например, проект Основ Государственного Устройства Галицкой Республики, предложенный Правительством ЗУНР Лиге Наций 30 апреля 1921 г. исходил из концепции реально правового государства: республиканской формы правления; равноправия граждан перед законом и судом; запрета ограничения личных свобод; ненарушимого права свободы и покоя в собственном доме; тайны переписки; свободы собраний и товариществ; права публичного выступления с любыми идеями и взглядами; запрета цензуры; свободы вероисповедания и науки; всеобщего, равного, прямого избирательного права; права преследования должностных лиц по суду; создания административного трибунала для защиты политических и иных конституционных прав граждан.[466]

Кроме того, принятая в Станиславе 1 февраля 1925 г. резолюция съезда Украинской Радикальной партии о Советской власти на Украине констатировала отсутствие здесь подлинной свободы слова и прессы, политических, профессиональных и культурных организаций рабочих и крестьян. Вместо этого, говорилось в резолюции, в Украине существует монополия политической власти большевистских вельмож.[467] Программа партии Народной Воли (ПНВ была образована из группы левых москвофилов в мае 1924 г.), принятая съездом ПНВ 25 апреля 1926 г., в свою очередь требовала: отмены тайных договоров и тайной дипломатии; гарантий равенства для всех граждан, включая отмену политических привилегий для трудящихся; подлинной свободы слова, совести и печати;

свободы изменения места жительства; свободы организаций, профсоюзов и забастовок.[468]

Программа II Народного съезда Украинского Национально-Демократического Объединения (УНДО), принятая 19-20 ноября 1926 г., ставила целью создание Соборного Независимого Демократического Украинского Государства на всех этнографических землях Украины. Как говорилось в программе, УНДО борется: за суверенные права украинского народа, гарантируемые конституционным строем Украины; за всеобщие, равные, пропорциональные, прямые и тайные выборы во все представительные органы Украины; за подлинное равенство граждан перед законом; за свободу печати, веры, выбора места жительства, забастовок; за личную свободу и неприкосновенность жилища, тайну переписки и независимый суд.[469]

Демократизм содержания отличал также программу Украинской Социалистической Радикальной партии (1927 г.), в которой, в частности, утверждалось, что "иметь свободу своей земли - это значит иметь свои выборные правительства в общинах, волостях и целом крае; чтобы всех правителей ставил сам трудящийся народ, чтобы никто чужой не смог навязать народу свои порядки; это значит, чтобы вся государственная машина была народная и делала то, что велит народ через свои советы общин и волостей, а также общий краевой совет".[470]

В обращении I Конгресса Украинских Националистов (Вена, 28 января - 3 февраля 1928 г.) ставились цели: восстановления, организации и обороны независимого соборного Украинского государства; устранения всех оккупантов с украинских земель; установления "национальной диктатуры" (до избрания органов народного представительства); возрождения местного самоуправления, частной собственности, предпринимательской инициативы и свободной торговли.[471]

В реферате зачитанном М.Шлемкевичем на Конгрессе Фронта Национального Единства (оформлен в 1937 г. во Львове) 20 сентября 1936 г. содержалась резкая критика политики большевиков в Восточной Украине. В частности, в нем говорилось: "Следует осознать и не забывать, каким сильным ядом становится враждебными умами рожденная и некритически усвоенная мысль... Следует осознать и помнить, что свобода и независимая экономика являются единственными принципами украинской национальной политики".[472]

Линию непримиримой оппозиции к Советской власти на Украине продолжила также программа II Собора ОУН (Рим, 1939 г.). Будущее политическое устройство Украины программа видела основывающимся на идее "нациократии" (национальной солидарности, внеклассовости, внепартийности). Свобода политических прав подразумевала работу "на пользу нации, государства и общества". Централизация государственного устройства не исключала также "здоровых форм децентрализации" и самоуправления. Предполагалось, что в юридической сфере будущее государство "установит соответствующее правосознанию и традициям украинского народа право, которое порвет с чуждыми народному духу оккупационными правовыми системами".[473]

Интересно, что концепция государства как главного рычага общественных преобразований была популярной не только в Советской Украине. Как упоминалось в постановлении II (Краковского) Собора ОУН (апрель 1941 г.), ОУН ведет свою борьбу под лозунгами всесторонней опеки государства над гражданами, справедливой заработной платы, личных свобод для трудящихся и профсоюзного самоуправления.[474] Постановление III Собора ОУН (С.Бандеры, август 1943 г.) в свою очередь отстаивало

свободу печати, слова, убеждений и мировоззрения против официально навязываемых доктрин и догм. Поддерживая право национальных меньшинств развивать самобытную культуру, постановление поддержало идею равенства граждан Украины независимо от их национальности. В качестве основных национальных ценностей признавались: свободная украинская культура, героическая духовность, моральность, гражданская солидарность, дружба и социальная дисциплина.[475]

Эти и некоторые другие документы ОУН Т.Гунчак считает демократически продвинутыми за счет влияния на их разработку делегатов из Восточной Украины. В целом, как он писал, политическая форма документов ОУН последних лет была конституционно-демократической, западного образца.[476] Воля народа признавалась в них единственным источником национальной государственности. В документах утверждалась также свобода труда, профсоюзов, право свободного выезда граждан за границу.[477]

Универсал Украинской Главной Освободительной Рады (Черновцы, июль 1944 г.) провозглашал целью деятельности этой организации Украинскую Самостийную Соборную Державу на всех ее этнографических землях. "Будем бороться за то, - говорилось в универсале, - чтобы всему украинскому народу обеспечить участие в определении будущего государственного устройства УССД и ее Конституции. Будем бороться за справедливый общественный строй без угнетения и эксплуатации, без большевиков и капиталистов, против навязанных врагом крепостнических систем".[478] Платформа УГОР призывала также бороться за народно-демократическое политическое устройство Украины, свободу мировоззрения и веры, равноправие граждан перед законом, права национальных меньшинств и свободную торговлю.[479]

В свою очередь декларация Провода ОУН (С.Бандеры), принятая по поводу окончания второй мировой войны в Европе (май 1945 г.) констатировала, что идея Украинского Независимого Соборного Государства является точным понятием, которого не отменить "Советскими Украинами" и "экспозитурой чужого империализма". Призвав украинцев опираться на собственные силы, декларация подчеркивала, что не имеющий государственности народ может позволить себе иметь лишь союзников, но не империалистических опекунов.[480]

Многие идеи ОУН периода 1943-1951 гг. представлены в политических рукописях члена Провода ОУН, офицера УПА П.Полтавы. Неоднократно анализируя неудачи и провалы украинского национального движения, П.Полтава пришел к выводу, что Советская власть сделала украинцев "материалистами", провинциально равнодушными к общенациональным идеалам.[481] Тем не менее стремление украинцев к государственной независимости он считал органическим. Выступая против эксплуатации человека человеком, П.Полтава верил, что экономика будущей независимой Украины будет основываться на сочетании национально-государственной и кооперативной собственности. "Мы, бандеровцы, - писал он, - боремся за построение бесклассового общества. Мы против возвращения в Украину помещиков и капиталистов. Мы [выступаем] за уничтожение в Украине нового эксплуататорского класса - класса большевистских вельмож... Мы за общественную собственность на орудия и средства производства".[482] В письме "Друзьям за рубежом" (1950 г.) П.Полтава изложил свое понимание революции как синтеза достижений современного прогресса в новую историческую целостность.[483] Пороки большевизма он находил не в марксистских идеях, а в его политической лицемерии: под ширмой правильных идей, считал П.Полтава, большевики проводят реально антинародную политику.

Принятие отдельных идеалов и ценностей социализма, пусть и в национальной оболочке, характеризовало политическую оппозицию в Украине и позднее. Например, в заявлении диссидента И.Кандыбы первому секретарю ЦК КПУ П.Шелесту по поводу "дела юристов" во Львове (20 мая 1961 г.) говорилось о независимой Украине, развивающейся в направлении к коммунизму. Выступая за предоставление ее гражданам всей полноты политических прав и свобод, И.Кандыба считал своим идеалом независимую социалистическую Украину.

Постепенно в движении политических диссидентов на Украине конституционные требования стали формулироваться еще более определенно. В открытом письме депутатам Советов Украины (апрель 1969 г.) диссидент А.Коваль требовал принять конституцию суверенной независимой Украины, демократизировать выборы, защитить Советскую власть от ее узурпации коммунистической бюрократией. В новой конституции он предлагал учредить конституционный суд, а сам основной закон принять референдумом. Требуя создания института общественного мнения со своим печатным органом А.Коваль призывал к ликвидации цензуры, освобождению политзаключенных, роспуску КГБ, суду над виновными в политических репрессиях и др.[484]

Кроме того, как утверждалось в "Меморандуме. Ч. 1" Украинской Хельсинкской Группы (образована 9 ноября 1976 г.), конституция выше власти правительства, ибо научно и исторически главным субъектом конституционного права является не партия или государство, а гражданин. Поскольку же коммунистическая бюрократия ликвидировала эту классическую правовую норму, УХГ призвала к восстановлению на Украине настоящего конституционализма, к превращению политических прав и свобод из декларативных в реальные.[485] Однако вопрос о ревизии социально-экономического строя Украины УХГ не ставился.

В целом идеи украинских политических диссидентов были либерально-демократическими. Например, обращение УХГ "К странам-участницам Белградского Совещания летом 1977 г." требовало обеспечения интеллектуальной свободы на Украине, без которой невозможен прогресс. УХГ призывала уделять внимание правам человека и его духовной свободе, открыть государственные границы, создать условия для свободного обмена информацией, упразднить цензуру и запретить смертную казнь.[486] В свою очередь в одном из лагерных писем политзаключенных А.Тихого и В.Романюка (1977-1978 гг.) говорилось: "Украинцы - один из наиболее свободолюбивых, демократичных по способу жизни, трудолюбивых и миролюбивых народов мира". В будущей независимой Украине каждый человек должен свободно и неограниченно пользоваться гражданскими, социальными и политическими правами.[487]

Подводя некоторые итоги борьбе диссидентов за политическую свободу и конституционализм в Украине, Ю.Литвин в 1979 г. в статье "Правозащитное движение на Украине, его принципы и перспективы" изложил свое резюме следующим образом: "Общество - это живой организм, который живет и развивается по природным законам с преобладающей тенденцией к свободе. Инакомыслие в Украине имеет глубокие революционно-демократические и либеральные традиции. Свободолюбие и демократизм являются характерными чертами украинца и всей украинской нации".[488]

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Освещение конституционных аспектов политической активности в Советской Украине имеет обширную литературу. Тем не менее отдельные положения украинского

конституционализма данного периода заслуживают того чтобы быть рассмотренными в новом ракурсе. При этом прежде всего необходимо признать, что украинский конституционализм советского периода не был самостоятельным правовым явлением. Конституционные акты Советской Украины были либо копией большевистских российских, либо одним из вариантов конституционной модели, специально разработанной политическим центром для союзных республик в составе СССР. Такие модели создавались в рамках универсальной политико-правовой марксистско-ленинской парадигмы, в границах которой смысл политических прав предполагал сугубо государственную трактовку, в которой, как писал В.И. Ленин, их "содержанием является участие... в политической общности, в государстве".[489]

На основе этого подхода ожидалось, что приводимые в движение людьми "общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере... те следствия, которых они желают".[490] В этом ключе В.И. Ленин разрабатывал как общую идею политической активности масс при социализме, так и основные элементы теории ее конституционных гарантий.

Изначально уже капитализм, писал он, порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения.[491] Этому процессу способствует также грамотность пролетариата, обучение и дисциплинирование его сложным аппаратом современного производства.[492] При этом масштаб политической активности становится все более массовым, ибо расширение пространства исторических действий увеличивает круг людей, которые в этих действиях участвуют.[493]

Поскольку согласно ленинской теории коренное преобразование общественного устройства в результате социалистической революции требовало переделки всего государственного аппарата и замены его новым,[494] Советской власти необходимо было как можно скорее покончить с "диким и нелепым" предрассудком, будто управлять государством могут лишь выходцы из богатых классов или лица, прошедшие их школу.[495] Поэтому вовлечение рабочих и крестьян в государственное управление В.И. Ленин считал "чудесным делом" и "чудесным средством".[496] Характерно, что при этом он не отождествлял участия трудящихся в управлении государством с правлением коммунистической элиты в интересах трудящихся, которое он называл управлением "для трудящихся, но не через трудящиеся массы".[497]

Сознавая историческую неизбежность данного способа управления, В.И. Ленин писал, что привлечение масс к политической деятельности должно быть поэтапным[498] и лишь впоследствии повсеместным и практическим.[499] Первый же год Советской власти он охарактеризовал как год "подлинно пролетарской диктатуры".[500]

Как известно, теоретическую основу пролетарской диктатуры составили такие работы В.И. Ленина как "О задачах пролетариата в данной революции", "Государство и революция", "Удержат ли большевики государственную власть?" и др. После Октябрьской революции этой же цели послужили его выступления на II, III, IV Всероссийских съездах Советов а также статьи "Очередные задачи Советской власти", "Великий почин", "Как нам реорганизовать Рабкрин", "Лучше меньше да лучше" и др.

После победы социалистической революции в России ее первыми конституционными актами стали Обращение II Всероссийского съезда Советов "Рабочим, солдатам и крестьянам!" от 25 октября (7 ноября) 1917 г.,[501] Декрет "Об учреждении Совета Народных Комиссаров" от 26 октября (8 ноября) 1917 г.,[502] Декрет "О мире" от 26 октября (8 ноября) 1917 г.,[503] Обращение II Всероссийского съезда Советов "О полноте

власти советов" от 26 октября (8 ноября) 1917 г.,[504] Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров "К населению" от 18 (5) ноября 1917 г.,[505] принятое ВЦИКом "Положение о рабочем контроле" от 27(14) ноября 1917 г.,[506] Декрет ВЦИК "О праве отзыва депутатов" от 21 ноября (4 декабря) 1917 г.,[507] Обращение НКВД "Об организации местного самоуправления" от 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.),[508] Инструкция НКВД "О правах и обязанностях советов" от 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.)[509] и др. Эти документы составили нормативную основу первой Конституции РСФСР 1918 г., которая послужила затем образцом для конституционного творчества и на Украине.

Конституция Украинской Социалистической Советской Республики, утвержденная Всеукраинским съездом Советов 10 марта 1919 г.[510] в своих основных чертах следовала образцу Конституции РСФСР 1918 г. Она закрепила государственную власть за представителями рабочих и беднейших крестьян, полностью отстранив от нее "господствовавшие ранее классы" (п. б ст. 2).

В ст. 23-30 Конституция УССР признавала за трудящимися право пропаганды антирелигиозных учений, гарантировала им технические средства для издания печатной продукции, предоставляла помещения для собраний. Политическими правами могли пользоваться также трудящиеся иностранцы. Перечень категорий лиц, лишенных избирательных прав ("лишенцев") закреплялся в ст. 21 Конституции УССР. Активное и пассивное избирательное право предоставлялось гражданам с 18 лет. Таким образом, Конституция УССР 1919 г. закрепила политический режим диктатуры пролетариата, наметив основные направления деятельности Советской власти на Украине и общие перспективы ее развития в переходный период.[511]

С образованием СССР в 1922 г. текст Конституции УССР 1919 г. был изменен. В редакции II Всеукраинского съезда Советов от 15 мая 1929 г. Конституция УССР провозгласила предоставление политических прав трудящимся без различия пола, веры, расы и национальности, по-прежнему лишая права на политическое участие эксплуататорские элементы. В ст. 9-11 Конституции УССР за гражданами Республики был закреплен перечень общедемократических прав и свобод. Положение о том, что Украинская Республика лишает отдельные группы лиц конституционных прав, содержалось в ст. 17. Точное установление категории "лишенцев" было отнесено к ведению ВУЦИК в ст. 68. Этот же орган должен был определять порядок выборов в украинские Советы.

Существенным дополнением к Конституции СССР 1922 г. и Конституции УССР в ред. 1929 г. стали отдельные акты союзного и республиканского законодательства. Так, общесоюзная Инструкция о выборах в Советы 1926 г. не только впервые закрепила правило об открытом голосовании на выборах в представительные органы (в конституциях этот вопрос ранее не регулировался), но также и возможность восстановления этого права некоторыми категориями граждан СССР.[512] Этой цели служили также Постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. "О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков",[513] Инструкция ЦИК СССР "О выборах в Советы в 1934-1935 г.",[514] Постановление ЦИК СССР "О снятии с казачества ограничений по службе в РККА" от 20 апреля 1936 г.[515] Конституционное значение в то время имели также отдельные статьи Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли, утвержденного Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 6 февраля 1928 г.,[516] а также Постановления ЦИК и СНК УССР "Об органах, которые проводят регистрацию уставов обществ и союзов, действующих не для прибыли" от 20 февраля 1933 г.[517]

Новая Конституция УССР 1937 г. была утверждена Чрезвычайным XIV Украинским Съездом Советов 30 января 1937 г.[518] В своих основных положениях она следовала образцу Конституции СССР 1936 г. Она закрепила принадлежность власти в Украине трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. В ст. 123 Конституции признавалась свобода отправления религиозных культов и антирелигиозной пропаганды. Гарантировались также свободы слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Впрочем, все это обеспечивалось лишь в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя (ст. 124).

Право граждан на объединение в общественные организации гарантировалось в целях развития их организационной самостоятельности и политической активности (ст. 125). Коммунистическая партия в ст. 125 Конституции была названа передовым отрядом трудящихся в борьбе за укрепление социалистического строя. Конституция предусмотрела также право политического убежища для иностранцев, преследуемых за защиту интересов трудящихся, научную деятельность или национально-освободительную борьбу (ст. 128).

Очевидно, что Конституция УССР 1937 г. закрепила более либеральную по сравнению с прежней избирательную систему. Выборы в Советы стали всеобщими, равными, прямыми и тайными (ст. 133). Тем не менее, сохранялась возможность лишения избирательных прав по суду. Право выдвижения кандидатов на выборы предоставлялось общественным организациям и обществам трудящихся, партийным организациям, профсоюзам, кооперативам, организациям молодежи и культурным обществам (ст. 141). В Конституции предусматривался императивный мандат для парламентариев и депутатов местных Советов.

Следующая Конституция УССР принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Украины девятого созыва 20 апреля 1978 г. была разработана в качестве республиканского аналога Конституции СССР 1977 г., известной в советской правовой науке как "конституция развитого социализма и общенародного государства".[519]

В Конституции УССР 1978 г. закреплялась принадлежность власти всему украинскому народу. Осуществление власти возлагалось на систему Советов народных депутатов, составляющих "политическую основу" УССР. В ст. 3 Конституции УССР закреплялся принцип демократического централизма, на основе которого единое партийное руководство должно было сочетаться с творческой активностью масс на местах. В ст. 4 Конституции закреплялся принцип социалистической законности, охраны прав и свобод граждан. Институт референдума и всенародных обсуждений наиболее важных вопросов государственной жизни предусматривался в ст. 5. Руководящей и направляющей силой общества была названа КПСС, которая, как предполагалось, должна была действовать в рамках Конституции Украины.

Право политического участия Конституция УССР 1978 г. предоставила также профсоюзам, ВЛКСМ, кооперативным и иным общественным организациям (ст. 7). Основным направлением развития политической системы было названо дальнейшее развитие социалистической демократии. В ст. 37 Конституции УССР гражданам Украины гарантировалась вся полнота политических прав и свобод. Однако эти права обеспечивались лишь с целью укрепления и развития социалистического строя (ст. 48). Право на объединение в общественные организации также закреплялось в Конституции Украины в целях коммунистического строительства (ст. 49). В ст. 46 Конституции было записано комплексное право граждан Украины на участие в управлении государственными и общественными делами. Интересно отметить, что данное право

своими дробными подразделениями охватывало почти все элементы политической системы Украины.[520]

Избирательная система по Конституции УССР 1978 г. строилась на основе равного, прямого, всеобщего избирательного права при тайном голосовании (ст. 84). Кандидаты на выборы могли выдвигаться КПСС, профсоюзами, ВЛКСМ, кооперативными и другими общественными организациями, трудовыми коллективами и собраниями военнослужащих. Предусматривались также наказания избирателей депутатам (императивный мандат - ст. 91).

Конституция исходила из идеи планирования социального развития Украины (глава 16), что подтверждается также анализом статей Конституции Украины 1978 г. о правах и свободах граждан. В Конституции Украины 1978 г. не признавалась возможность политической оппозиции. Ее отличали шаблонизированные и унифицированные в соответствии с требованиями Конституции СССР 1977 г. нормы. В ней не проявилась да и не могла проявиться этнокультурная и политическая самобытность Украины. Конституция Украины 1978 г. никак не подчеркивала доказанного исторически свободолюбия украинского народа, его стремления к независимости. Пересмотр ее положений начался лишь с распадом СССР и обретением Украиной независимого политического статуса. Впервые же политические векторы официальной и неофициальной конституционной эволюции Украины пересеклись в Декларации о государственном суверенитете Украины принятой 16 июля 1990 г.

СУДЬБА УСРЕДНЕННОСТИ[521]

Разумеется, если бы "Открытые письма" или только "Силу бессильных" написал не В.Гавел, а Л.Кучма, я гордился бы последним больше. Однако пока что наиболее непринужденным и интеллектуально раскованным из всего того, что мне довелось услышать от Президента Украины, была констатация им факта, что в Украине нет министерства "Укрбанан", однако весь Киев завален бананами по ценам дешевле яблок. Между тем, "Укряблоко", выражаясь фигурально, в Украине существует, зато сами яблоки продаются в столице по ценам экзотического товара.

Возможно, если бы подобные соображения украинского лидера могли услышать Ф.Хайек или М.Фридман, фраза Президента о бананах показалась бы им не менее перспективной для украинского политического и экономического будущего, нежели чехам политические эссе В.Гавела. Но пока что мы имеем лишь то, что имеем, то есть вынуждены утешаться здравым смыслом собственного Президента там, где более прорыночные и продемократические соседи вдохновляются кружевом литературно изысканных политических видений своего лидера.

С другой стороны, наш Президент не употребляет политических формул, которые бы дразнили национальное чувство юмора так, как это делали эмоциональные выпады Л.Валенсы. Последние, как известно, коллекционировали в свои записные книжки не только поляки, которые, несмотря на гонор, не утратили склонности к самоиронии, но и многочисленные западные корреспонденты, чтобы потом напечатать их вместе с комментариями, скажем, в "Вашингтон таймс". В отличие от Л.Валенсы, наш Президент менее импульсивен. Итак, мы сегодня, в отличие от наших политических и географических соседей, не слишком изысканны и рафинированы, но и не так уж смешны как самим себе, так и окружающему миру.

Если бы "Невыносимую легкость бытия" написал не М.Кундера, а кто-нибудь из отечественных писателей, а "Порабощенный разум" не Ч.Милош, а, скажем, М.Маринович или Т.Возняк, я тоже, как наделенное от природы чувством свободы создание, испытывал бы, вероятно, большее удовлетворение от нашего национального вклада в литературно-художественную культуру антитоталитаризма Восточной Европы, нежели испытываю теперь. Но эти книги уже написаны теми, кто их написал, точно так же, как и антитоталитарные фильмы режиссера Вайды сняты А.Вайдой.

В конце концов, каждой ситуации присущи свои положительные и отрицательные стороны. Если М.Кундера в "Трагедии Центральной Европы", а Ч.Милош в "Балтийцах" приводят неопровержимые, по их мнению, свидетельства принадлежности своих стран и народов к западной цивилизации, то эти утверждения даже чисто теоретически могут оказаться истинными или ложными. Но, несмотря на все возможные сомнения по этому поводу, для нас столь же неопровержимой остается логика французской поговорки: лучше уж быть законченным грешником, чем праведником, который не может домогаться до полной святости.

Что же касается практических аргументов, то я никогда не забуду самодельного трактора в усадьбе польского фермера осенью 1972 г. с деревянной рамой, к которой был прилажен двигатель от мотоцикла, и на который, судя по обстановке, возлагались скромные надежды его хозяина. Не знаю, считал ли тот фермер себя западным европейцем, но в тот момент я испытал простое сочувствие к нему как к человеку, который еще только стремится приобщиться к агротехнической цивилизации.

Известно, что мы, современные украинцы, не олицетворяем собой и результатами своего труда то, что принято сегодня относить к атрибутам Запада. Но такой ли уж это серьезный повод для нашей геополитической фрустрации? Ответ на этот вопрос может быть разным. Во всяком случае, сам я не осмелился бы в данной ситуации сказать твердое "нет". Сказал ли бы я "да" - еще один отдельный вопрос.

Живя волею исторических судеб в закрытом обществе на протяжении многих десятилетий, мы создали себе образ Запада в значении почти что потустороннего символа. Для одних из нас это памятник роскоши и богатству, для других - свидетельство достижений свободы, для третьих - это синоним прогресса и демократии.

В целом же, начиная примерно с 60-х годов, мы авансом отдавали Западу и, в частности, США образ универсального царства "свободы и добра" (Г.Костюк), а когда Запад стал ограниченно доступным уже и для нас, мы еще долго не могли осознать, что речь должна идти не столько о символе, сколько о реальных структурах гражданского сосуществования, в которых либерализм, свобода и демократия действительно присутствуют, однако соседствуют с мощной и зачастую неожиданно архаичной консервативной традицией.

Нам не удалось сразу понять, что в смысле парадигмы повседневной гражданской жизни США сегодня являются модернизированной, но в своей глубинной сущности все еще как бы "бальзаковской" страной; что в смысле готовности к реформам это, по сравнению с нами, какая-то "пензионерская" страна, какой ее некогда увидел В.Маяковский, поскольку она все еще исповедует веру в исторические ценности, от которых наш мир уже не раз предпринимал попытку отречься.

Безусловно, американские граждане и западные европейцы - внутренне свободные и раскованные люди, но все же не настолько, чтобы осмелиться изменить сущность своих

экономических или же политических основ. Западу, в отличие от нас, удалось избежать "тотальных решений", но едва ли с этим искушением в мире уже покончено навсегда. В 1968-1969 гг. идеи Мао Цзедуна, Ф.Кастро и Че Гевары завоевали сознание молодежи самых престижных западных университетов. Как писал С.Липсет, причина, возможно, заключалась в духовно "серой" природе буржуазного мира, которая, по его мнению, неадекватна истинной природе человека. Возможно также, что именно поэтому, как отметил А.Чикеринг, марксизм, исчезающий как вера на просторах бывшего СССР, все еще остается одной из основ западной интеллектуальной жизни в качестве мифа или метафоры, от которых невозможно избавиться, даже если их выбрасывают сегодня в Москве.

В конце концов, каким-то более сложным, "конвергентным" образом начинаем мыслить не только мы, рядовые граждане, но и наш истеблишмент. Незабываемое признание сделала перед нами, читателями Библиотеки Конгресса США бывший польский премьер Х.Сухоцка. По ее словам, было большой ошибкой считать, что люди, пережившие настоящую революцию отношений собственности, легко смогут, только что освободившись из-под удушливого идеологического ига, продвинуться вперед по пути гражданского прогресса, возродив за несколько лет классические западные частнособственнические стереотипы.

Таким образом, независимо от нашей положительной или отрицательной реакции, нам все равно придется решать не формально, а по существу старую проблему. Ее основное содержание можно изложить в виде лаконичного вопроса: не был ли тот, с размахом почти на полмира, исторический взрыв социализма ноосферным? Можно ли политически преодолеть физическую невозможность дважды вступить в одну и ту же реку?

С другой стороны, стоило бы подумать, действительно ли последний вопрос составляет фундаментальную проблему, имеющую только одно решение. Ибо едва ли нам удастся в полной мере освоить западную философию жизни, согласно которой, как не без иронии сказала мне во Франкфурте-на-Майне молодая женщина, немецкий профессор политологии, одинаково недопустимо, чтобы нарушались права человека в мире и кто-то поцарапал мой "мерседес".

Исследуя пестрый опыт современной демократии в России и живя в течение ряда лет в Москве, она пришла к искреннему убеждению, что славянские народы в какой-то мере нужно защищать от Запада, который может навредить чему-то весьма существенному у нас не в силу своих недостатков, а по причине своего общего концептуального отличия.

Что-то симптоматическое для происходящего сегодня в человеческих душах нашей половины мира есть в указанных примерах и сравнениях. Симптоматическое в отношении как нашего национального характера, так и преходящих настроений людей, особенностей украинского исторического момента.

Я вспоминаю, как в прошлом году стал случайным свидетелем одного из приездов Л.Кучмы в Вашингтон. С утра моросил дождь, который не прекратился и после обеда. Кортёж привычно бесстрастных мотоциклистов, удлиненные черные с никелем лимузины. На Пенсильвания-авеню никого это особенно не занимало. Машины промчались на обычной скорости. Никакой толпы. Убежден, что в тот момент я, возможно, был единственным случайным прохожим, осознававшим суть происходящего. Ну, может, еще парни из ФБР, которым по протоколу положено было находиться где-то поблизости. А, впрочем, их могло и не быть, поскольку ехал как-никак президент самой спокойной страны посттоталитарной Европы.

Можно сказать, что по Пенсильвания-авеню ехал президент страны, которой выпала странная судьба родиться сразу взрослой. Но имея взрослый народ, мы вместе с тем имеем подростков-политиков в смысле их международного политического опыта. Возможно даже, что как и в 1918 г., мы в очередной раз оказываемся наивными политически. Однако, если принять во внимание не только уровень нашего политического опыта, было бы грубой ошибкой считать нашу политическую молодость фактором исключительно отрицательным.

Ведь что бы там не говорили наблюдатели о нашем политическом стиле, однако обращает на себя внимание то, что мы не убили коммунистического тирана, как румыны, не взорвались этнически, как югославы, не разделились, как чехи и словаки, и даже не постучались в двери НАТО, как это уже давно сделали наши соседи поляки. Вместо этого мы объявили о своем намерении стать нейтральными, как только юридически зафиксировали политическую независимость.

Мы фактически сразу же согласились отдать свои ядерные боеголовки - это вожделенное для восточных режимов сокровище, - и сделали это почти без оговорок, как будто лишь на мгновение оторвавшись от роли скромного уборщика чернобыльского мусора - роли, в которой мы словно навсегда окаменели. Был ли этот шаг тогда действительно мудрым, разумным? Сказать непросто. Однако ясно, что в наших тогдашних политических действиях преобладал не только примитивный инстинкт. Сегодня эти действия по своим политическим и дипломатическим последствиям не кажутся слишком уж утопическими. Да и так ли уж нов этот мир для нас, хоть мы и новички в этом мире?

Недавно прочитал "Холодный душ истории" В.Базилевского. Похоже, что в ходе своей судьбы мы действительно не раз бывали плохими. Бывали коварными, вероломными, жестокими, филистерскими, а порой также жалкими и угодливыми. Самоуправление в политическом смысле ценили выше государственности, удобства административной автономии больше, чем удобства унитарной централизации. Любили анархическую вольницу больше, чем политическую свободу, ибо имели в себе извечный грех государственной недисциплинированности.

В то же время, похоже на правду и то, что если мы и льнули к сильным, то часто лишь ненадолго. Если и присягали кому-то чужому на верность, то, в основном, тактически, а не стратегически. Отчаянно дрались за свободу, но почти всегда не единодушно. Похоже, что с самого начала были плюралистическими, но не толерантными, так как почти в классической форме, по К.Юнгу, "не соглашались". Не были также ксенофобными, ибо всегда обладали способностью придерживаться не самого лучшего мнения о себе.

Среди исторических личностей, деятельность которых по своим последствиям кажется актуальной даже сегодня, у нас было много неординарных, порой парадоксальных фигур. Например, Н.Михновского, имевшего мужество отчаянно бороться, но не жить; энциклопедиста М.Грушевского, слишком эрудированного, чтобы действовать интуитивно; блестящего, нешаблонно мыслящего, как сказали бы теперь, политолога В.Липинского, не сумевшего, однако, преодолеть в себе симпатию к общественному устройству удивительно консервативного образца.

Был у нас и этнократически экзальтированный Д.Донцов, подстрекавший к яростному национальному сопротивлению и любивший, по слухам, комфорт венских кафе, а вместе с ним В.Винниченко, который нашел привлекательными коммунистические основы нашей будущности почему-то в парижской эмиграции. Как и все другие народы, мы взрастили немало спорных фигур, иногда героев по призванию, которым приходилось поступать как

обычным людям, и рядовых обывателей, чья судьба вынужденно складывалась героически.

Но выделяет ли все это нас как-то особенно среди прочих? Действительно ли мы так самобытны этнически, по своему национальному характеру, чтобы эта самобытность была заметна уже и политически? Разве во время войны Севера и Юга не предавали А. Линкольна чиновники из его окружения? Но ему хватало терпения без устали снова и снова менять их. Разве не отличался пресловутой тягой к рюмке генерал, а позднее президент США У. Грант, что, впрочем, не мешало ему обычно выигрывать битву за битвой? Наконец, разве не провозглашалось рабство краеугольным камнем государственности в конституции Конфедерации южных штатов под руководством Д. Дэвиса?

По счастью, не в Украине как суверенном государстве изобрели для практического применения атомную бомбу и построили для "структур повседневности" концентрационные лагеря. Наша страна, конечно, не такое правовое государство, как современные Франция, Великобритания или Германия. Но мы явно пока что далеки политически от того, чтобы бороться с террором против иностранцев, которые у нас тоже присутствуют.

У нас нет особенно надежных, активных гарантий своей положительной уравновешенности на будущее, но так уж устроен современный мир, что положительное в нем измеряется не только активными действиями. Бывает и позитивность пассивности. Возможно, что сегодня нас в мире действительно не очень любят и не менее возможно, что мы сами себя, как явствует из симптоматичной книги О. Забужко, не любим, как следует. Но едва ли все это происходит по причине нашей какой-то особо низменной порочности.

Современные миграционные потоки из Украины направлены, как хорошо известно, не только туда, где эмигрантов никогда жестоко не обижали. Поэтому очень похоже на правду то, что мы не любим себя лишь из-за собственной бедности. А что в бедности мы действительно виноваты, сомневаться не приходится. Кроме того, с течением времени наша вина в этом, пока не уменьшается бедность, только возрастает. Потому, собственно, нам и следует с оптимизмом воспринимать президентскую притчу об "Укрбанане".

Придя, таким образом, к некоторому душевному равновесию, мы могли бы продолжить если не самоанализ, то свободное самонаблюдение. Мы едва ли не первыми написали европейскую конституцию и едва ли не последними принимаем ее как независимая и суверенная держава. Главной политической особенностью момента, который мы переживаем, похоже, является то, что мы оказались на стадии создания государства именно тогда, когда авторитет государственности в мире начал уступать место авторитету гражданского общества.

Поэтому мы несколько инфантильно демонизируем собственную конституционную политику и политику вообще именно тогда, когда последняя приобрела в мире черты типичной рутины, теоретические каноны которой были выписаны авторами от Аристотеля и Н. Маккиавели до П. Кеннеди и Ф. Фукуямы. Не говоря уж о том, что конструктивные кубики последней в виде парламента, правительства, президента, госадминистрации и самоуправления изобретены так давно, что мир уже давно позабыл имена их авторов.

Имея, к тому же, огромное количество конституционных образцов для подражания, мы можем лишь безнадежно позавидовать американцам, которые в свое время не имели ни одного, а потому смогли прислушаться к своей протестантской душе и прагматическому разуму в условиях, когда этому никто не мешал. Кроме того, похоже на правду и то, что, как сказал украинский диаспорянин из Принстона Л.Онишкевич, американские отцы-основатели "не верили никому", писали конституцию с холодной головой и потому создали шедевр. Как бы там ни было в те далекие времена, но мы теперь в качестве конституционалистов верим всем, кроме самих себя.

Как творцы конституции, мы гордимся тем, что почти дословно вписали в ее текст международные пакты о правах человека (подписанные и ратифицированные бывшим коммунистическим СССР, что должно было бы нас настораживать), которым исполнилось уже 30 лет и которые создавались на космополитической основе, в известной мере, как образец для стран третьего мира.

Мы создали конституцию как будто бы и от имени гордого народа, но оказались достаточно предусмотрительными, чтобы напомнить уже в Преамбуле, что, принимая Конституцию, народ-суверен должен "руководствоваться" Актом провозглашения независимости - парламентским документом неопределенной юридической природы, который предшествовал референдуму.

Обращает на себя внимание и то, что мы, словно раскаиваясь за грехи гайдамацких вольностей, высшими социальными ценностями назвали в Конституции "жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность", но почему-то забыли о своей извечной гордости и извечном грехе - свободе, которая и является в мире основным принципом органического конституционализма.

По-моему, именно тут и именно в этом правовом самоограничении наша умеренность подошла к какому-то реально опасному пределу. Ведь даже конституционное право нашего народа на восстание, которое в лучших мировых образцах конституционализма обращено против государственной власти, мы ухитрились истолковать таким образом, что "восстать" у нас можно только в защиту своего же государства, правительства, а это, учитывая мировую конституционную традицию защиты народного суверенитета от посягательств суверенитета государственного, выглядит как демократический нонсенс.

Когда-то Б.Рассел сказал, что эволюция любого правительства в направлении тирании будет неудержимой, если оно будет лишено страха перед демократическим восстанием. Наши доводы в пользу обратного, конечно, известны: молодое государство... Но было же оно когда-то молодым и у американцев. Однако Т.Джефферсон почему-то не испугался, и в Декларации независимости США право на восстание изложено с той демократической логикой, относительно содержания которой ошибиться невозможно.

Мы долго писали этот документ, но в итоге его последний проектный вариант стал почти что шедевром тонкого, на уровне зеркального отражения, теперь уже идей, а не текстов, внешнего конституционного уподобления. Иначе говоря, он похож на конкурсное сочинение Алена из Стейнбековой "Зимы тревоги нашей", за которое почтенные эксперты готовы были присудить престижное вознаграждение.

Дело с нашим официальным проектом, в конечном счете, является действительно важным, ибо такая конституция, несмотря на весь свой внешне европейский имидж, не найдет в обществе широкого эмоционального признания. Ведь она написана как будто для некой усредненной страны, выросшей не из "практики социализма", а из умеренного

капитализма и не пережившей самой масштабной в XX в. политической диктатуры, геноцида, преследования интеллектуальной свободы и беспрецедентного экономического банкротства патерналистского государства-собственника.

Очень жаль, но почти всюду, где во времена социализма и его перестройки государство проявило себя абсолютно аморальным, а потому и стратегически порочным в своих решениях искусственным политическим созданием, ему по-прежнему оставлены монопольные рычаги воздействия. Государство снова де-факто возглавляет экономику, культуру, образование, здравоохранение, а к тому же еще и само себя собственным именем судит.

Не исключено, что как коллективное сочинение на заданную тему наша Конституция не так уж плоха, но ее динамический имидж, если как следует присмотреться, все-таки напоминает несколько преувеличенную в жестах манерность усердного и почтительного провинциала, только-только примерившего на себя галстук-бабочку.

А мы ведь знаем столько нового, столько такого, что именно Западу и США, на их счастье, еще и не снилось! Ми выросли в условиях тоталитаризма и отсроченного благодаря богатству наших ресурсов банкротства идеи сверхдержавы. Мы должны были бы уже научиться ценить гражданскую свободу больше, чем государственную дисциплину, спонтанность больше, чем упорядоченность. Наконец, мы уже давно должны были бы лучше других понять, что из государства никчемный хозяин, а еще худший арбитр в области каких-либо идей. Именно поэтому мы должны ценить живое неконформное начало общественной спонтанности больше, чем бесплодную идею бюрократической организованности, пусть даже на уровне лучших международных образцов.

Вместо этого мы имеем полтора десятка одних только конституционных ограничений свободы слова и трактуем разделение автономных властей, как разделение функций единой власти. Судебную же власть, которая в правовом государстве является арбитром в возможном споре между государством и гражданином, мы также считаем не более, чем ответвлением государственной власти. Но если суд - это тоже государство, то он просто обречен быть арбитром в собственном деле.

Таким образом, мы снова позволили себе быть политически инфантильными, ибо снова верим, что наше государство будет исключительно добрым, а не злым, будет матерью, а не мачехой. Но существует ли где-нибудь в мире доброе государство вообще? Бывает ли добрым по должности, а не по характеру полицейский? Случается, что общаясь, с нами, он будет улыбающимся и любезным. Но не будем забывать, что внутренне он все равно проникнут чувством превосходства, ибо в его сознание, как и в сознание государства, имплантирован шаблон должного, модель того, что должно быть, "того, что есть основой жизни" (В.Гейзенберг).

Исторический опыт, а особенно наш отечественный, показывает, что любое государство очень гордится подобным знанием. Гордится настолько, что никогда не чувствует себя всего лишь мажордомом в чужом поместье. Ибо, во-первых, само как бы выписывает на него ордер, а, во-вторых, собственник для него - это всегда некий условный субъект, живущий, выражаясь метафорически, не ближе Варшавы, и перед которым поэтому нужно отчитываться не чаще двух раз в столетие, пусть уже в обстановке шума и ругани революций, этих запоздалых прозрений вечно обманутого.

Итак, наш Основной Закон составлен пока что таким образом, будто мы только из книг Д.Оруэлла, А.Солженицына или старых китайских газет знаем о неизменном нраве "сильного государства". Выражаясь конституционными понятиями, мы гордимся государством, а должны были бы гордиться гражданским обществом. Вместо провозглашения, в первую очередь, реальной экономической свободы общества и частных свершений как таковых, мы опубликовали манифест перевоспитанного (где, когда и кем?) украинского бюрократа. Но, подобно тому, как из грязи не попадают в князи, так и из чиновника не воспитать демиурга свободы, ибо все чиновники, а особенно наши отечественные, в вопросах свободы - это всегда такие себе мыши за веником, хитроватые и угодливые субъекты.

С другой стороны, наша реальная общественная динамика выглядит сегодня какой-то заторможенной, так как мы только тем и занимаемся, что информируем мир о своих дальнейших, исключительно положительных намерениях, в частности, о своем стремлении быть демократичными, социально-государственными, правовыми, то есть вежливыми. Но перед кем это мы так провинились? Почему так самоограничиваемся в оригинальных конституционных подходах, как будто это только мы, а не цивилизация, на которую мы равняемся, сбросили бомбу на Нагасаки или отправили в газовую камеру Я.Корчака? Мы действительно бедны экономически, но если подходить с общечеловеческими мерками, наша честь пострадала незначительно. Но тогда разве не логично было бы позволить себе привилегию самостоятельно прописать кредо нашей национальной веры?

Нет никаких сомнений в том, что наши политические, экономические, экологические и культурные проблемы действительно крупномасштабны. Они в самом деле требуют основательного, именно конституционного осмысления. Но разве мы уже завершили этот познавательный процесс? Пока что у нас в прессе идет несколько странная дискуссия о том, не угрожает ли нам авторитаризм со стороны сильной президентской власти.

Но ведь, во-первых, если в нашей экономике и дальше будет преобладать государственный сектор, то такой экономикой, как показывает опыт, можно управлять или авторитарно, или никак. Во-вторых, как хорошо известно, диктаторской может быть не только президентская, единоличная, но и коллективная парламентская власть.

Именно эту тираническую власть считали наихудшей такие знатоки человеческой природы, как О.де Бальзак, О.Уайльд, Д.Стейнбек или Д.Мэдисон. Впрочем, возможно, именно тут было бы уместно заметить, что наши так хорошо всем известные стратегические проблемы (даже обладай мы Геркулесовой мощью покончить с ними до июня 1996 г.) все равно останутся для нашей власти проблемами не столько материальными, сколько морально-этическими.

Ведь в состоянии современного украинского кризиса наши граждане, за незначительными исключениями, просто не в состоянии помочь себе сами, так как именно в данном индивидуальном качестве они ничем экономически не распоряжаются. А не распоряжаются они экономически прежде всего потому, что этически им, как собственникам, просто не доверяют.

Даже сегодня почти все существенное у нас отнесено к ведению бюрократического монстра. Но что сумеет сделать этот монстр, если он всегда был всего лишь разновидностью типичного Гоббсового Левиафана - созданием искусственным, химерным, нетворческим. Такое государство всегда только тем и занимается, что при

своих очередных просчетах кивает на общество, а общество, вполне логично, в ответ все валит на государство.

Идеальное государство по определению и теоретической природе должно действовать взвешенно, без риска, после консультаций с народом, а государство реальное, как мы хорошо знаем, наоборот, поступает безответственно и авантюрно. В итоге получается, что если реальное государство-собственник в экономическом смысле рано или поздно становится беспомощным, то идеальное государство - именно в силу своей положительности - оказывается безнадежной собакой на сене. Ибо такова нормативная (стагнационная по сути) этика любого государства.

Поэтому вполне правдоподобно, что для решения масштабных кризисных проблем их прежде всего нужно научиться толковать не только экономически или административно, но и этически. Собственность уже давно нужно было решительно раздать в соответствии с этическим, моральным, а не только сугубо прагматическим экономическим императивом. Раздать быстро, так сказать, росчерком министерского пера. Не особенно заботясь при этом об экономической справедливости. И не потому, что такая справедливость не важна, а потому, что в вопросах экономической справедливости наше государство, к сожалению, менее всего компетентно.

Посмотрим лишь на относительно недолгую историю современных поколений в их отношениях с государством. Ведь наше государство на протяжении жизни всего лишь одного поколения только тем и занято, что кого-то (вчера еще виновного, а теперь уже героического) реабилитирует, перед кем-то (им же недавно обиженным) извиняется, то есть, образно говоря, привычно совершает очередной обряд покаяния. В одном случае это просто люди (иногда целыми народами или классами), в другом - религиозные конфессии. Так или иначе, но как мы видим, у государства невысокий рейтинг относительно способности быть арбитром в делах справедливости.

Итак, нашему государству-собственнику, учитывая обстоятельства, нужно еще раз вынести себе приговор, а потом по максимально упрощенной процедуре отдать все должное людям именно как живым, а не искусственным, наподобие государства, созданиям. Собственность, как известно, в экономическом смысле подобна ртути. Из бесхозяйственных рук она быстро выскальзывает, а в умелых задерживается.

Возможно, если бы наши профессора были совладельцами университетов, в которых они читают лекции, а наши режиссеры, соответственно - предоставляемых им студий, то, смею надеяться, они не эмигрировали бы в таких масштабах, как сегодня. И удерживала бы их в Украине, надо полагать, не собственность как таковая, а морально-этический, по сути, режим доверия к человеку. Крестьяне, разумеется, должны снова стать собственниками земли, а рабочие - привилегированными акционерами заводов, собственно, всего того, на чем и где они работают.

Ведь что бы там ни говорили наши осмотрительные власть предержащие, лишение людей собственности имеет глубокий в своей основе тезис недоверия к индивиду, как таковому. Это прекрасно понимал еще Эпикур, и об этом отчетливо напомнил европейскому сообществу на рубеже эпох Гегель. Похоже, не ошибался и О.Уайльд, когда в присущей ему манере заметил, что корыстнее богатых бывает только один класс людей, и это люди бедные. Собственность потому и собственность, что составляет как бы продолжение функций, качеств самого человека, поэтому лишение человека собственности можно сравнить разве что с лишением его какого-нибудь важного органа или части тела.

Разумеется, свободный должен быть свободен и в том, чтобы иметь возможность лично воспользоваться правом отказать себе в собственности. Но сначала эта собственность должна стать частной. По всем канонам справедливости подобное действие можно совершать только в отношении того, чем владеешь сам.

Едва ли в наше время кто-нибудь станет отрицать, что история украинского суверенитета и государственности была трагической, а наша современность является драматической. Когда сознательных граждан расстреливали, топили на баржах, забирали по ночам из дома за малейшее проявление политического инакомыслия, это было трагично, как трагической по своим обстоятельствам была и третья волна украинской эмиграции.

К счастью, украинская повседневность не трагическая, а всего лишь драматическая. За политические убеждения не арестовывают, не пытаются, не убивают, не ставят перед выбором: отправляться в лагерь или эмигрировать. Не принуждают публично отречься от собственных взглядов и убеждений. Но при всем том по-прежнему не отдают награбленную ранее у народа собственность. Можно также сказать, что и не позволяют ее нормальным образом приобрести.

Человеческая жизнь сегодня уже не является ставкой в выборе альтернатив. Вместо этого такой ставкой все еще остается индивидуальная творческая судьба, профессиональное честолюбие, жаждущие признания и активных действий. Кто несет в себе внутренний размах, кто щедро одарен, тот сегодня может жить, не рискуя, так сказать, фактом собственного существования. Но такая жизнь для ярко одаренного человека все равно пока что остается творческим прозябанием в ограниченной плоскости выбора, а потому жизнью скромной и долготерпеливой. Да и жизнью ли тогда вообще? Или, возможно, в другом измерении, это всего лишь факт присутствия. Хотя сегодня украинские люди эмигрируют в силу не политических, а в основном экономических и творческих причин, и не умирают для мира, они все-таки по-прежнему умирают для Украины.

Нужно также отметить, что образ Украины сегодня портит не только, а может, и не столько экономическая бедность, сколько порожденная ею какая-то странная атмосфера интеллектуальной неискренности. Последнюю излучают сегодня не только те, кто реально держит руки на рычагах наших возможных перемен. Эта атмосфера, к сожалению, окутала не только политику. Ее присутствие чувствуется не только в столице, но и в провинции, не только в кругу народных депутатов с их убогими льготами, но и среди тех, кто морально как будто никому и ничем не обязан.

Рычаги власти, а значит, и реальных реформ, несмотря на все бесконечные словопрения, и сегодня остаются у нас почти неподвижными. Сдерживание инфляции примитивно достигается массовой невыплатой зарплаты, подобно тому, как прежде экономическое признание СССР достигалось с помощью торгового демпинга, а сам демпинг, соответственно, использованием труда "врагов народа". Государство, так сказать, уже по-народному говорит, но все еще по-тоталитарному действует.

Таким образом, наш государственный двигатель снова работает на холостых оборотах, питаясь топливом из старых месторождений. Большому же обществу, как и раньше, не разрешают лечить себя самому, так как рецепты вместе с лекарствами все еще отпускает государство. Собственно, в этой констатации нет ничего нового. Новым, однако, является то, что отныне этот процесс осознается как разрушительный не только для украинской экономики, но и для интеллектуального, морально-этического состояния человека.

Когда-то Ван Гог в одном из своих писем написал, что чувствует себя запертой в клетку птицей во время прихода весны. Смысл сравнения в том, что птица в клетке весну может представить себе только абстрактно. Поэтому инстинкт призвания к настоящей жизни в сочетании с привычкой к несвободе проявляется у нее, отчасти, непоследовательно, и птица восклицает: "Во мне есть нечто! Но что?" Что-то похожее происходит сейчас и в нашем сознании.

Известно, что когда В.Гейзенберг вернулся после второй мировой войны в Германию, он констатировал там состояние полной экономической разрухи. Однако, как свидетельствуют его записи, было заметно, что настроение людей на улицах, несмотря на все лишения, в основном светлое по своей психологической окрашенности. Этот феномен, по его мнению, наблюдался потому, что смысл преобразований был для всех ясен, а сами преобразования шли в правильном направлении. Правильном относительно особенностей человеческой природы, ее морального естества.

К сожалению, в отличие от послевоенной Германии такого духа не хватает нынешней Украине. В своих действиях мы никак не можем приблизиться к внутренней сущности человека, его глубинной природе. Не делаем этого сегодня ни на словах, ни на деле. Ведь разве не обман и лицемерие провозглашать кодекс прав человека и гражданина, соответствующий европейским стандартам, в стране, где людям практически почти ничего не принадлежит, где все действительно существенное свободно не продается и не покупается, где индивиду на самом деле попросту не доверяют? Если позволить себе снова прибегнуть к метафоре, то у нас происходит нечто напоминающее провозглашение свободы в сиротском приюте.

Разумеется, в крайнем случае человек всегда может противопоставить себя государству или другой корпорации, основанной на коллективном интересе если не экономически, то интеллектуально, духовно. Но в условиях украинской реформаторской умеренности такое можно совершить лишь в качестве жертвы, через самоотречение, побеждая тотальность, так сказать, для "суда истории", а не триумфом личной судьбы.

В то время, как западный мир, Япония или США предоставляют своему гражданину возможность в своем честолюбии или жизненной стратегии конкурировать с бюджетами целых стран, "потерянный украинский человек" (М.Шлемкевич) в своих устремлениях может полагаться лишь на капризную государственную терпимость ко всему, что выходит за рамки установленных им же, то есть государством, представлений.

Впрочем, мы живем в режиме культа не только экономической усредненности. Наши ценности остаются пуританскими также и в политическом смысле. Ведь наша внутренняя политика - это постоянный общественный, коллективный аудит всего, что совершает или может совершить автономная личность.

Только незначительная часть наших депутатов уже привыкла говорить, действовать, так сказать, от себя. Подавляющее же их большинство только то и делает, что ссылается на волю избирателей или всего народа. Им трудно понять не только иронию афоризма А.Модильяни, что наивысшее честолюбие - это честолюбие анонимности, но и более прозрачную мысль о том, что суть выборов заключается в поиске автономной личности, а не транслятора усредненной коллективной мысли, если таковая вообще существует.

Итак, у нас как будто уже есть личность, но еще нет автономной личности. Мы уже можем говорить то, что хотим, но еще с трудом осознаем, что действительно можем чего-нибудь спонтанно, без приказа или внешнего образца хотеть. Точно так же мы еще пока

не приучены действовать экономически, политически и культурно сугубо индивидуальным способом, то есть так, как лично нам представляется целесообразным.

Ведь мы еще до конца не осознали, что в индивидуальном плане "настоящая" правда одного может, и притом справедливо, быть "настоящей" неправдой для другого. Ведь мы до сих пор пребываем в силках старых коллективистских ценностных предубеждений, в лабиринтах сомнительных, с позиций автономной личности, общественных приоритетов.

Именно поэтому нам так трудно осознать несложный афоризм, что в этом мире каждый по-своему прав, а потому рядом с правдой коммунистов может существовать правда антикоммунистов, и если не стремиться сделать каждую из них универсальной, то наша жизнь могла бы стать вполне сносной. Вместо этого коммунисты хотят видеть всех честными и справедливыми по своему образу и подобию, в то время как демократы твердо убеждены в том, что именно коммунисты морально и интеллектуально ошибаются. Между тем, хотя пальма и клен в равной степени являются деревьями, их представления о комфортной окружающей среде весьма отличны.

Никто не любит равенство больше, чем свободу, но именно этот тезис сознательно и подсознательно мы проталкиваем в общественное сознание, когда утверждаем в тексте Конституции, что частную собственность можно принудительно, хоть и за выкуп, отобрать для общественных, коллективных нужд. Но тогда уж нам следует открыто признать, что коллективные потребности у нас снова главные и снова на поверхности, хотя в проекте Конституции мы вроде бы и поклялись, что высшей ценностью в Украине выступает именно индивид, его честь и достоинство, здоровье и безопасность.

Еще одна беда с нашим пониманием содержания собственности, которая в этическом смысле служит как бы продолжением физических и духовных качеств человека. В физическом смысле мы индивидуально стремительны, выносливы, мобильны как раз пропорционально накопленной нами собственности. В духовном же смысле мы точно так же альтруистичны или эгоистичны, расточительны или скупы, утонченно образованны или культурно деградированы пропорционально собственности, которой владеем или владели.

Бессмысленно быть альтруистом, если человек не может сделать пожертвование. Бессмысленно говорить в Конституции о высочайшем уважении человеческих добродетелей, если частное лицо в Украине не может подарить другим Карнеги-холл или Рокфеллер-центр. Поэтому, если у кого-нибудь можно принудительно, пусть даже для общественных нужд, изъять собственность, то в ценностной пирамиде человеческих поступков такое действие стоит приравнять к лишению человека его физических или духовных функций в их современном статусе.

Конституционные гарантии свободы слова в проекте Конституции изложены так, что говорить и писать можно как будто все, но при условии, чтобы это кому-то да в чем-то не навредило. Получается, что конституционный проект как будто исходит из убеждения в том, что где-то в недрах государственной бюрократии или на высоких этажах власти хранятся не только всеобщие правила определения "объективной истины", но что у нас есть также достаточное количество носителей универсальных, единственно правильных моральных представлений.

Что может быть в наше время наивнее, чем требовать от людей писать и говорить только правду, публиковать только достоверную информацию и так далее, как будто человечеству действительно удалось наконец изобрести такой лакмус, который

однозначно реагирует на такие вещи. Между тем, с точки зрения информационного рынка, знать истину заранее означает примерно то же, что знать цену товара производимого на конкурентной основе еще до того, как он попадет на первый попавшийся прилавок.

Мы все еще верим (или притворяемся, что верим) в "настоящую (вне рынка) стоимость", "настоящую (вне хаоса политических предпочтений) демократию", "настоящую (вне обособленного от государства суда) справедливость", "настоящий (вне степени искушения эмиграцией) патриотизм", "действительно (вне размера выплаченного) заработанное", как будто у нас, в отличие от других, существует некий суд для предварительной оценки всех человеческих устремлений, пристрастий и энергий. Фактически этику государства, общества, коллектива, некоего умозрительного центра мы снова ставим выше этики отдельной личности. Мы будто снова забыли, что этика моральной личности индивидуальна, не регламентирована и абсолютна, а этика общества, наоборот, безличностна, регламентирована и относительна, то есть, по своей природе желает иметь "рабов, которые бы не восставали" (А.Швейцер).

В соответствии с только что написанной Конституцией именно государство будет определять содержание таких понятий, как "здоровье и моральность населения", "основы национальной безопасности", "информация, полученная конфиденциально", "закон и определенные законом исключения", "перечень объектов права государственной собственности", "достаточный жизненный уровень", "явно преступные распоряжения", "уважение государственных символов", "гарантии предпринимательства", "правовой режим собственности", "честь и достоинство Президента" и так далее. Но ведь именно с этими юридическими и не юридическими по сути понятиями проект связывает возможность существенных ограничений или даже отмены тех или иных гражданских прав.

В политическом смысле нам еще далеко до принятия несложной максимы о том, что чувства руководят нами сильнее, чем разум. Поскольку люди - создания непоследовательные, нелогичные и капризные, им следует, как считал Х.Ортега-и-Гассет, избегать излишне рационального. Все в человеке проблематично, опасно, частично, недостаточно, относительно и приблизительно. Уметь осознавать это, утверждал испанский мыслитель, и значит быть человеком.

Мы же, наоборот, создали рациональный по своим приоритетам и механизму реализации конституционный текст. Между тем, руководствуясь наработанными веками развития конституционного права и политики мудростью, а не позитивистским стремлением видеть вещи такими, как нам хочется, мы должны были бы создать гарант для возможных иррациональностей, присущего творческому человеку неконформизма, средство против унифицированности, господства шаблона, злоупотребления подражательным инстинктом.

Кто-то может сказать, что это-де преувеличение, что существует здравый смысл, а посему и здоровая умеренность. Но, смею заметить, что руководствуясь именно этими ориентирами (мы же повсеместно подчеркиваем в средствах массовой информации свою стабильность и выдержку), мы пока что достигли только того, что каждая американская публикация об Украине сопровождается стандартным лаконичным вступлением (такое уж там журналистское правило): "Украине - самая бедная страна Восточной Европы, бывшая продовольственная корзина Советского Союза".

Тем временем А.Тоффлер, немало потрудившийся на ниве разработки современной стратегической и, в частности, военной доктрины США, пишет о том, что в интересах

Соединенных Штатов сегодня следует ориентироваться не на промышленную производительность и даже не на информационное обеспечение, а на воображение людей, их инновационные способности и присущие им творческие подходы. Высшая оценка человеческого воображения, возведенная в ранг государственной политики...

Впрочем, нужно заметить, что столь современную философию практической политики американское правительство и американский народ могут себе позволить на почве глубокой конституционной традиции. Данная традиция одновременно сложна и грандиозна по своим составляющим элементам, духовно-интеллектуальным факторам.

Самым важным в ней представляется то, что едва ли не с самого начала она предусматривала в качестве органических норм следующие положения: а) государство - не фетиш, а необходимое зло, поэтому люди должны быть вооружены, чтобы иметь возможность реально противостоять угрозе узурпации государством гражданских прав, свобод и самоуправленческих прерогатив; б) не бывает настолько хорошей бюрократии, которая заботилась бы о гражданине лучше его самого, поэтому эгоизм автономной личности эффективнее чиновничьего альтруизма; в) граждане государства могут говорить и думать абсолютно все, что придет им в голову, ограничивать или корректировать это правило запрещено даже Конгрессу США; г) суд является реальным арбитром в возможном споре государства и гражданина, поэтому его нужно толковать как орган сдерживания бюрократической экспансии, то есть, как ограничитель посягательств государства на гражданскую свободу; д) свобода народа неизмеримо важнее государственной дисциплины; е) государство и любой выступающий от его имени функционер некомпетентны указывать гражданину на обязательные образцы для подражания, каждый гражданин имеет право строить свою жизнь и стремиться к счастью так, как считает нужным сам, неся за это полную ответственность.

Неужели украинские граждане в массе своей и сегодня политически менее зрелые, чем американцы два века назад? Вопрос представляется риторическим. Посмотрим, однако, как изложены наши конституционные приоритеты: а) государство, несмотря на всю фактическую (не будем принимать во внимание провозглашенную на словах) неопределенность своей положительной природы, является национальной святыней, в случае угрозы которой ее безоружные и неимущие граждане имеют право (!) ее защищать; б) государственные чиновники должны заботиться о профессиональной занятости граждан, их доходах, пенсиях, образовании и здоровье, они же являются гарантами благосостояния для обездоленных; в) интеллектуальная свобода допустима только при условии положительных (сомнительные случаи положительности будут толковаться государством) намерений; г) государство заранее знает, что политически хорошо, а что плохо, поэтому политика (феномен, как правило, доправовой) свободна только в соответствии с законом, а на свободу слова наложено свыше десятка ограничений; д) свобода, как правовая и политическая категория (а не инструментальное понятие, как, например, свобода мысли) среди высших конституционных ценностей не названа, вместо нее в этом качестве указаны жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность человека.

Поскольку по Конституции граждане лишены права на оружие, все блага безопасности гарантируются исключительно государством. Несомненно, что стабильность, защищенность и безопасность граждан и общества в целом в Конституции ценятся выше, чем гражданская свобода. Из чего логически следует, что у нас в Конституции снова господствуют приоритеты государства, а не гражданского общества.

Есть ли в таком подходе политический или правовой грех? По-моему, сознательного греха в этом нет. Зато есть признаки неизбежной коллективистской парадигмы всеобщей усредненности, тотального нежелания рисковать, какой-то априорно-безнадежной смиренности. Чувствуется в этом также приглушенный патернализм, скрытая презумпция авторитетности одного лишь государства в делах мира сего. Человек, индивид тут вроде бы ничем и не рискует, но и ни к чему не порывается.

Выражаясь метафорически, если на нас нападут, то мы должны не защищаться, а звать на помощь полицейского. Если проиграем в жизненной игре, то государство нас утешит, если будем жить семьей, то исключительно равноправно, если не сумеем заработать на жилье, то государство нам его предоставит. Есть от чего порадоваться. Но в соответствии с подобной философией свободные на воле животные должны были бы стоять в очереди в зоопарк. Они же, неразумные, жаждут риска и свободы.

Если же обойтись без сравнений, то философия смиренной усредненности сегодня в самом деле подрезает нам крылья. Созданная по образцу "синицы в руке", она отображает подсознательную установку человека на покорность всегда в чем-то более высокой и компетентной власти. Данная философия, конечно, не выражает стремления превратить граждан в рабов или "контингент" дома для престарелых, но опасно близко к нему подходит.

Для подобной системы отношений государства и гражданина неприемлемой остается этика воспитания Я.Корчака, согласно которой даже ребенок имеет право на риск (в игре), без которого по-настоящему не повзрослеешь. Для таких отношений неприемлемой остается и философия демократии Д.Дьюи, в соответствии с которой индивида нужно воспитывать так, чтобы он без страха мог выбирать среди любых альтернатив мира.

Нельзя быть счастливым в атмосфере современного общества, которое конституционно не признает права полномасштабной частной экономической, политической или культурно-художественной неожиданности, приключения, которое фактически с подозрением относится к диссидентам, маверикам и еретикам в любой области или сфере творчества. У старой истины много простых примеров. Известно, например, что нельзя быть по-настоящему прилично одетым в стране, в которой не культивируют высокую моду, нельзя иметь элегантно отечественное авто там, где не производят "Формулу-1", наконец, нельзя иметь настоящее искусство, если заранее требовать от него полезности для народа.

Не бывает настоящей журналистики без памфлетов и карикатур на власть предрержащих, не бывает справедливости без веры в случай, когда прав индивид, а не остальное человечество. И еще много чего не бывает там, где предел возможностей человека установлен и определен кем-либо заранее.

Разумеется, на бытовом уровне мысль П.Фейерабенда о том, что в интересах научного прогресса допустимо все ("anything goes") кажется известным преувеличением. Однако не будем забывать, что за исключением фигур масштаба И.Франко, Л.Украинки или Т.Шевченко мы воспитывались на интеллектуальных адаптациях и имеем в политическом опыте лишь дар копииста. Образцов же для подражания как в хорошем, так и в плохом сегодня слишком много.

Каким-то из них нам все же придется последовать. Но разве не разумнее делать это очень выборочно, в силу интуитивного влечения, симпатии, руководствуясь не столько посттоталитарным, все еще сверхдисциплинированным сознанием, сколько политическим подсознанием, еще не очевидными сегодня, но реально присутствующими тонами и

обертонами национального характера? Возможно, для нас было бы полезнее брать за образец не готовые ценности, а процедуры их создания, не чужое счастье, а свободу, не кредиты, а закрепление нерушимости частной собственности, не конституционные эпитеты относительно высших качеств нашего пока что еще незрелого государства, а стили политически разумного поведения, не нормы, а источники, не готовые конституционные образцы, а настроения их авторов.

В свое время Ч.Милош в "Захвате власти" описал небольшой самолет с эмигрантами, который, несмотря на непогоду и быстрое приближение преследователей, сумел все же подняться над заснеженными просторами послевоенной Польши, чтобы вырвать из зоны диктатуры одну живую личность. Уже упомянутый М.Кундера в "Невыносимой легкости бытия" столь же лаконично изобразил гибель при внешне бытовых обстоятельствах чешской супружеской пары, людей одаренных, интеллектуально живых, нетоталитарных, но бесконечно униженных и убитых силой коммунистической диктатуры. Сегодня в Украине мы сталкиваемся с ситуацией, когда добравшись, образно говоря, до аэродрома, через некоторое время можно взглянуть с облегчением на "снега", удаляющиеся под крылом навсегда. Можно податься в провинцию, как Том и Тереза у М.Кундеры. Вполне реально также осмелиться жить в соответствии с принципами, хотя и без каких-либо гарантий стать при этом счастливыми. В любом случае такой выбор будет попыткой моральной экзистенции, сопротивлением тому, что лично нам не нравится. Иначе говоря, все это лишь средства для неконформных индивидов.

Но если жизнь не удовлетворяет нас уже и коллективно, если у нас сложились искренние конституционные намерения, то рано или поздно мы должны будем покончить с искусственной экзальтацией государственного строительства, пустым шумом по поводу национального возрождения. Не из-за того, что государство или возрождение плохи или не нужны, а из-за того, что эти процессы имеют естественную склонность к самопрекращению, когда происходят исключительно в казенном стиле, по команде. Примеров тому у нас достаточно.

В частности, политически дурным тоном является требовать чтения лекций в наших университетах на украинском языке от тех, кто не владеет им в совершенстве. Подобного может требовать только варвар. Результат в данном случае оказывается тройким: для средних студентов это демонстрация искусственно созданного впечатления убогости преподавателей; для студентов способных и разумных - это проявление сервильного духа в университетах; для самых одаренных - свидетельство тупости украинской государственной машины.

Дурной тон заставлять делать это вообще, а особенно в случае, когда заставляющему нечем платить. Требовательный банкрот - это уж слишком. Именно так государство, бюрократия создает или усиливает психологическую установку все того же потерянному человека. Все это производно от тоталитаризма и коммунизма, как производной чуть ли не от фашизма была наша пресловутая добровольно-принудительная присяга для резервистов в первый год нашей тогда еще бумажной независимости.

Мы бедны, запущены, экологически отравлены и так далее. Но хуже всего то, что и сегодня мы остаемся все еще неискренними в морально-этическом смысле. Ведь в бедности или запущенности мы виноваты лишь относительно. Обанкротились, собственно говоря, не мы, а наш собственник-хозяин, социалистическое государство. Но если уж речь идет о неискренности, то между нами и данным психологическим состоянием никаких посредников нет. Тут мы ответственны в полной мере. И если данное состояние все еще продолжается, то исключительно по нашей вине.

Если фальшивым является тон беседы ведущего на телевидении, то в этом его личная вина. Если в передачах с участием детей их непринужденность достигается только в результате репетиций, то это тоже свидетельство нашей неприспособленности к тому, чтобы быть самим собой, быть откровенным. Если политик говорит исключительно от имени народа, то в лучшем случае он может быть всего лишь передатчиком народных предпочтений, а не личностью, на чей разум стоит положиться. Ф.Рузвельт, как известно, в своем политическом курсе допускал серьезные ошибки. Но он не терял приверженности своих сограждан, так как они верили ему, считая, что "его сердце на правильном пути, он пытался..." (Э.Мюррей).

Для завоевания приверженности избирателей лидеры часто прибегают к тому, что они сами называют большой политикой, например, посылают куда-нибудь миротворческие контингенты или подписывают соглашения эпохального, как им представляется, значения. Но не будем забывать, что никакая внешняя сила не могла конкурировать с обыкновенным по силе голосом Ганди, магнитной лентой с записью выступления Хомейни или же с личным присутствием Иоанна-Павла II. Можно дискутировать по поводу личной харизмы, которой якобы обладают отдельные люди. Но несомненно, что харизмой всегда обладает политическая искренность.

Мы написали конституционный текст и сказали по окончании этой процедуры, что он соответствует современному европейскому уровню конституционализма. Но не будем забывать, что данный уровень должен быть уровнем европейского содержания, а не формы. Известно, что знаменитая Геттисбергская речь А.Линкольна не соответствует стилистическим нормам английского языка, и компьютерный редактор с ней не согласился. Однако она адекватно соответствовала духовным настроениям американцев в определенном месте в определенное время, что и увековечило ее как литературно-политический шедевр. Нечто подобное должно бы увековечить и нашу украинскую Конституцию.

Похоже, настоящая государственность у нас будет не тогда, когда мы возродим экономику, закалим боеспособную армию, очистим экологически землю, а тогда, когда впервые именно в духовном отношении сумеем посмотреть на себя в зеркало с ощущением симпатии и доверия. Чтобы действовать по-настоящему, говорил когда-то Ч.Чаплин, необходимы горячая вера в себя и любовь к себе. Нельзя любить экономику, политику или экологию. Любить можно только нечто гораздо менее искусственное.

Так сложилось, что в политическом отношении наша любовь к себе проходит через любовь к другим. Немало молодых украинцев сегодня любят США или Францию такими, какими они им кажутся. Они любят быстрые и дешевые автомобили, уютные бистро, где вкусно и дешево кормят, информационную наполненность западных библиотек, огромные площади на полках музыкальных магазинов, где десятками тысяч разложены лазерные диски и магнитные ленты, где рэп или джаз - это выбор на площади в десятки квадратных метров.

Они любят места, где на общественной скамейке, как в Центральном парке Нью-Йорка, может быть привинчена металлическая табличка с чьим-то персональным воспоминанием о лучших часах, проведенных именно здесь; они любят стиль поведения, когда молодые люди как будто уже не заботятся о своем внешнем виде, поскольку одежды у них достаточно; они любят традицию интимного общения, согласно которой в девушке, с которой только что встретился в кафе, ценится человеческая личность, а не секс, а иностранец воспринимается не с чувством превосходства или подбострастия, а по-товарищески.

Итак, им нравится то, что и должно нравиться, но в действительности они больше всего любят духовную атмосферу, незаметно излучаемую этими странами, которая и составляет их главное цивилизационное достижение: в этой атмосфере люди уже привыкли смотреть на себя требовательно и сочувственно, иронично и гордо, в чем-то скромно, а в чем-то вызывающе, но почти всегда прямо и откровенно.

Украинская ситуация пока что слишком от этого отличается. Но не потому, как можно было бы надеяться, что наше общество - это не jet-set society, а, скорее, потому, что наше коллективное воображение находится в полуобморочном состоянии, что наш внутренний простор слишком узок, что мы слишком ограничены в своих творческих устремлениях. Разумеется, что не во всем и не абсолютно. Но как общество в массе своей мы все еще не пробудились и не приступили к работе. Может быть, несмотря на наш суверенитет, по своему внутреннему состоянию мы еще не достигли того момента и положения, которые были присущи чехам и словакам в 1989 г.

Не исключено также, что в известном ракурсе украинское общество сегодня не достигло даже состояния Пражской весны. Разумеется, по своей внутренней пассионарности, а не внешним проявлениям. Вместе с тем сегодня ясно и то, что процесс нашего самоосознания худо-бедно, но продолжается, и что на определенной стадии нашего развития внутренний политический рисунок новой украинской ментальности станет видимым уже и снаружи. Если это так, то к данному моменту нам не мешало бы приобрести и более привлекательный внешний имидж.

Поскольку такой облик - это всегда автопортрет, он будет зависеть не только от нашей природы, но и от степени нашего овладения кистью. Не удивительно, что в первой попытке мы попытались изобразить себя с котурнами на ногах и нимбом над головой. Однако будем надеяться, что со временем наша палитра все-таки приблизится к знаменитому лаконизму гаммы серого и коричневого, а манера письма - к той, которой отличался Веласкес. "Слишком правдиво", как сообщают, сказал ему один из изображенных им пап. Но отдадим должное времени и обстоятельствам. Художник обладал мужеством рисовать близко к натуре, а папа - позировать без предубежденности.

Сегодня Украина по-разному осмысливает свое место в мире. Она делает это политически, экономически и конституционно. Давление нашего желания быть такими, как нам хотелось бы, как подсказывают многочисленные образцы, разумеется, огромно. Но это коварное желание. До сих пор в реальной политической и экономической истории наш рок был неудачным. Но чтобы избавиться от подобной участи на будущее, мы должны сперва признать себя в реальном качестве.

На полках Библиотеки Конгресса США покоится рукопись небольшой по объему работы В.Шамберлайна (W.Chamberlaine), "Украина - обездоленная нация". Несмотря на название, содержание работы не столь уж пессимистично. Американский автор знал об Украине не только по книгам. Сжатое, но вместе с тем содержательное изложение фактов, наблюдений, чужих и собственных оценок и мыслей. Интересно, что главной чертой украинского национального характера автор считает свободолюбие, раскованный, не слишком дисциплинированный образ жизни и поведения. В целом же этот текст, несмотря на все возможные оговорки, воспринимается читателем взвешенно, как удачный очерк весьма неоднозначной политической реальности.

Когда-то Д.Стейнбек записал в дневнике, что для мастера пера труднее всего изобразить вещь именно такой, какой он ее видит. И если последнее ему удастся, то он получает от этого долговременные и стабильные выгоды.

Похоже, что имея признаки весьма неоднозначной судьбы усредненности, и стремясь избавиться от ее наихудших проявлений, мы постоянно живем в искушении свершить нечто неординарное. Но в том-то и заключается парадокс, что поступая так, мы лишь продлеваем свое нынешнее состояние. Написав Конституцию в соответствии с лучшими интеллектуальными образцами, мы кое-чему научились, одновременно углубив свой талант копииста. Хватит ли нам сил преодолеть страх чистого листа еще раз - сказать непросто. Разве что мы совершим это уже не по принуждению, а из соблазна.

КОНСТИТУЦИЯ УКРАИНЫ (модельный проект)[522]

Мы, граждане Украинской Республики, желая обеспечить неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, подчинить политическую власть интересам личности, а государство в целом - интересам гражданского общества, беспокоясь прежде всего о свободе своей жизни, утверждаем эту Конституцию как высший правовой авторитет.

ГЛАВА I. ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Статья 1.

Воля народа определяет волю государства и является высшим властным персонифицированным авторитетом.

Конституция является высшим деперсонифицированным авторитетом.

Законодательная, исполнительная и судебная власти в государстве подчинены воле народа и Конституции.

Статья 2.

Свобода народа - главный приоритет Конституции.

Гражданский мир, стабильность, безопасность и защищенность являются главными приоритетами государства.

Приоритеты государства подчинены приоритетам Конституции.

Статья 3.

Частная собственность признается экономической основой свободы народа. Частная собственность неприкосновенна и может менять свою форму исключительно с согласия собственника.

Предпринимательская инициатива не ограничивается. Принцип свободы договора гарантируется.

Статья 4.

Законодательная и исполнительная власти автономны по отношению друг к другу.

Судебная власть независима от законодательной и исполнительной властей. Судебная власть исполняет исключительно волю Закона.

Статья 5.

Все без исключения агенты государства, начиная от Президента и заканчивая самым мелким должностным лицом, обязываются служить исключительно интересам народа.

Их полномочия должны определяться только в данном качестве.

Статья 6.

Каждый имеет право судебного иска как к государству в целом, так и к любому должностному лицу.

Статья 7.

Свободное распоряжение своей судьбой является главным следствием свободы народа для каждого индивида.

Обязанность действовать исключительно в рамках очерченных полномочий и компетенции является главным следствием свободы народа для всех должностных лиц и государственных органов.

Статья 8.

Если свобода народа оказывается под угрозой со стороны государства, гражданское сопротивление этому признается легитимным.

Статья 9.

Гражданское общество не является ассоциацией, основанной на коллективном интересе. Его члены свободны в жизненном выборе, что предполагает уважение каждым свободы других и равный доступ к институтам политической власти.

Статья 10.

Интеллектуальное творчество не регламентируется посредством ограничений, однако возможный ущерб во всяком случае подлежит компенсации.

Статья 11.

Национальные интересы являются приоритетом внешней политики государства, однако следование требованиям международного права гарантируется.

Надлежащим образом подписанные и ратифицированные международные договоры имеют приоритет перед нормами украинского законодательства, за исключением Конституции.

ГЛАВА II. ГАРАНТИИ СВОБОДЫ

Статья 12.

Жизнь предопределяет свободу, следовательно, смертная казнь изымается из судебной компетенции.

Статья 13.

Каждый человек должен рождаться и жить в состоянии свободы.

Для обеспечения этого состояния любые расходы государства не могут считаться слишком высокими.

Статья 14.

Рыночная экономика является воплощением экономической свободы.

Демократия является воплощением политической свободы.

Неприкосновенность личной жизни является воплощением личной свободы.

Экономическая, политическая и личная свободы не могут быть отменены. Они могут ограничиваться исключительно в условиях чрезвычайного или военного положения и только на основе Закона.

Статья 15.

Частные банковские счета и объем частной собственности не ограничиваются.

Размеры государственных налогов не должны угрожать экономической свободе.

Торговля свободна.

Иностранные инвестиции поощряются.

Статья 16.

Политический выбор демократии неотвратим. Он не может быть отменен или ограничен доктриной, выбором церкви или отдельных поколений.

Основные политические решения должны приниматься на основе исключительно демократических процедур. Нарушение демократических процедур является достаточным основанием для признания решения не имеющим силы.

Статья 17.

Диктатура не легитимна в любых обстоятельствах, пока действует данная Конституция.

Статья 18.

Права политических меньшинств гарантируются. Решения, принятые консенсусом, не могут быть отменены волей политического большинства.

Политические решения большинства являются императивными только в течение срока своей легитимности.

Статья 19.

При замещении политических должностей принцип профессиональных требований не применяется.

Каждый совершеннолетний гражданин имеет активное и пассивное избирательное право.

Политическое волеизъявление граждан не контролируется.

Право граждан на политическую индифферентность подтверждается при любых обстоятельствах.

Статья 20.

Приоритетами личной свободы признаются:

- а) свобода выбора места жительства;
- б) свобода выбора гражданства;
- в) свобода выбора образования;
- г) свобода выбора религии или отказа от нее;
- д) свобода передвижения внутри страны и за ее пределами;
- е) свобода выбора сексуального партнера;
- ж) право на вооруженную защиту себя, своей семьи и собственности;
- з) право на получение информации о себе;
- и) право судебного обжалования нарушений собственных прав;
- й) право выбора национальной принадлежности;
- к) право на свободное общение с другими по своему выбору при невмешательстве в него государства и частных лиц.

Статья 21.

Свобода слова и иного интеллектуального самовыражения не может быть ограничена ни Законом, ни персонифицированной властью.

Статья 22.

Граждане равны в своем достоинстве и конституционных правах, за исключением права на оружие.

Попытка отмены любого из конституционных прав является недействительной с самого начала.

Судебный иск с целью защиты конституционных прав и свобод непосредственно на основе Конституции гарантируется.

Статья 23.

Поскольку признается право граждан на вооруженную защиту, свободное приобретение оружия гарантируется. Ограничение этого права возможно только на основе персонального статуса, предусмотренного в Законе.

Статья 24.

Поскольку признается возможность выдающихся способностей людей, право индивида на неконформное поведение гарантируется.

Статья 25.

Никто не может быть принужден к участию в забастовке или к неучастию в ней.

Забастовка в условиях, когда работодателем является государство, может быть запрещена только должностным лицам, но не более, чем под угрозой локаута.

Забастовка в условиях, когда работодателем выступает не государство, а кто-либо иной, гарантируется в любых обстоятельствах, кроме условий чрезвычайного или военного положения.

На Прокуратуру, Службу безопасности, Вооруженные Силы и Полицию действие этой статьи не распространяется.

Статья 26.

Никто не может быть принужден ко вступлению в профессиональный союз, творческий союз, партию, движение, союз предпринимателей или иную ассоциацию, основанную на коллективном интересе.

Статья 27.

Право на альтернативную по отношению к воинской службе или работу гарантируется.

Статья 28.

Законы и Указы всегда публикуются и должны быть общедоступными.

Акты самоуправления всегда публикуются и должны быть общедоступными.

Никто не может быть привлечен к ответственности на основании акта, который не был открыто опубликован.

Статья 29.

Законы и иные нормативные акты государства, которые ухудшают положение гражданина или юридического лица, обратной силы не имеют.

Статья 30.

Презумпция невиновности гарантируется вплоть до вступления приговора в законную силу.

Статья 31.

Никто не может быть принужден свидетельствовать против себя или своей семьи.

Статья 32.

Оправдательный приговор суда, если он удовлетворяет подсудимого, не может быть отменен в любом случае.

Статья 33.

Каждый, кто подозревается в совершении преступления или правонарушения, имеет право на юридическую помощь с момента, когда такое подозрение высказано ему должностным лицом.

Статья 34.

Арест и обыск в ночное время у граждан, находящихся в своем жилище, запрещены.

Статья 35.

Арест без санкции судьи является основанием полной реабилитации арестованного независимо от доказательств его вины.

Статья 36.

Любое необоснованное привлечение к уголовной ответственности является преступлением, ущерб от которого подлежит обязательному возмещению.

Статья 37.

Каждый, кого лишили свободы, имеет право на безотлагательную встречу с судьей для обжалования решения о лишении свободы.

Статья 38.

Каждый, кого лишили свободы, имеет право на безотлагательное извещение родственников или близких ему людей о своем положении.

Статья 39.

Каждый, чья свобода ограничивается на законном основании должностным лицом, обязан получить непосредственно в момент ограничения свободы "Карточку гарантий прав лица, чья свобода ограничивается."

Пренебрежение этим правилом со стороны должностного лица является правонарушением, которое влечет реабилитацию лица, чья свобода была ограничена, независимо от доказательств его вины.

Статья 40.

Никто не может подвергаться пыткам или жестокому обращению со стороны должностных лиц в условиях ограниченной свободы.

Режим пребывания граждан и иных лиц в местах лишения свободы не может иметь целью унижение их достоинства. Состояние несвободы является достаточным наказанием.

Статья 41.

Граждане, находящиеся в социально ослабленном состоянии не по своей вине, имеют право на социальную защиту и материальную помощь за счет государства.

Статья 42.

Гражданам и иным лицам гарантируется право быть субъектами и объектами благотворительной деятельности.

Статья 43.

Обязанность общаться на определенном языке может возлагаться исключительно на должностных лиц.

Статья 44.

Поскольку национальная принадлежность граждан является вопросом личного выбора, развитие национальной культуры гарантируется режимом невмешательства.

Статья 45.

Перечисление указанных гарантий свободы не может считаться исчерпывающим, свобода граждан и иных лиц не ограничивается указанными гарантиями.

ГЛАВА III. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Статья 46.

Гражданское общество - самоуправляющаяся, структурированная негосударственная часть народа.

Гражданское общество является доминирующим фактором общественного прогресса, оно имеет принципиальное верховенство над государством.

Деятельность государственных учреждений и должностных лиц должна контролироваться общественностью. С этой целью могут создаваться любые ассоциации граждан.

Статья 47.

Свобода партий и ассоциаций гарантируется. Их деятельность не контролируется государством, за исключением соблюдения ими требований Закона.

Свобода 48.

Монополия государства на определенный вид деятельности может иметь место исключительно в рамках осуществления прямых функций государства, проистекающих из его приоритетов.

Монополия государственной собственности на объекты природного (органического) происхождения не признается в любом случае.

Государственная собственность не может превосходить собственность гражданского общества.

Статья 49.

Должностные лица не могут быть арбитрами в области идей.

Любая государственная экспертиза интеллектуальных проектов не может быть окончательной.

Статья 50.

Расширение пределов правового регулирования допустимо только в том случае, когда оно способствует расширению свободы индивидов.

Статья 51.

Вмешательство государства в качестве арбитра в сферу науки, культуры или искусства недопустимо.

Государственная сертификация частных учреждений образования недопустима.

Размеры государственных вознаграждений не ограничиваются, но они не могут быть формой пожизненного содержания.

Статья 52.

Сохранение государственной тайны является прерогативой должностных лиц. Частные лица не могут нести ответственность за разглашение государственной тайны в любом случае.

Получение и распространение информации является свободным, следовательно, цензура запрещается.

Обнародование достоверной информации, которая компрометирует государство, его должностных лиц в глазах общественности, не является основанием для привлечения к ответственности в любом случае.

Статья 53.

Государственная монополия на средство массовой информации недопустима в любом случае.

Статья 54.

Режим информации, которая составляет тайну, но не охватывается понятием государственной тайны, определяется Законом.

Содержание этого Закона не может быть предметом тайны в любом случае.

Статья 55.

Информация о личности гражданина, претендующего на выборную должность, не может быть предметом тайны. Она всегда может быть предана огласке.

Статья 56.

Режим секретности на любой вид информации не может распространяться на срок, превышающий 30 лет.

Статья 57.

Право петиций, собраний, митингов и демонстраций гарантируется. Устанавливаемые по отношению к ним ограничения могут иметь исключительно процедурный характер.

Статья 58.

Религиозные предпочтения не могут быть предметом поощрений или ограничений со стороны государства. Все вероисповедания и конфессии равны перед Законом.

ГЛАВА IV. ГРАЖДАНСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ

Статья 59.

Обязанности граждан и иных лиц по отношению к государству могут определяться исключительно Законом и только в пределах, установленных Конституцией как гарантии свободы.

Каждый человек обязан уважать права и свободы других лиц, по отношению к которым его собственные права и свободы не могут признаваться приоритетными.

Статья 60.

Исполнение обязанностей по свободно и без принуждения заключенному договору предусматривает поддержку Закона.

Статья 61.

Собственность способствует независимому самовыражению личности и благоприятствует моральной позиции. Благотворительные действия собственника предусматривают поддержку со стороны государства.

ГЛАВА V. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Статья 62.

Экологические стандарты утверждаются Законом.

Ни одна крупномасштабная хозяйственная инициатива не должна воплощаться в жизнь без предварительного позитивного заключения экологической экспертизы.

Статья 63.

В экологической экспертизе не может быть отказано, если сторона, которая настаивает на ее проведении, имеет собственные источники ее финансирования.

Статья 64.

Любая информация о состоянии экологической угрозы населению не может быть предметом государственной или иной охраняемой Законом тайны.

Статья 65.

Экологическая экспертиза государственных объектов в случае, когда она засвидетельствовала состояние недопустимого загрязнения, оплачивается государством.

Экологическая экспертиза негосударственных объектов в аналогичном случае оплачивается собственником этих объектов.

Статья 66.

Право на судебный иск с целью возмещения экологических убытков гарантируется.

ГЛАВА VI. РЕФЕРЕНДУМ

Статья 67.

Референдумом может быть принят или отменен любой Закон, кроме того, которым вносятся изменения и дополнения в Конституцию.

Статья 68.

Референдум проводится по инициативе граждан, Национального Собрания, Президента.

Референдум по инициативе граждан производится за счет одноразового добровольного самообложения граждан.

Референдум по инициативе Национального Собрания или Президента проводится за счет средств государственного бюджета.

Статья 69.

Процедура референдума регламентируется Законом.

Законы, принятые референдумом, не могут быть отменены Национальным Собранием на протяжении не менее 4 лет после их принятия референдумом.

Статья 70.

Признается референдум Республики Крым.

ГЛАВА VII. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Статья 71.

Национальное Собрание является органом народного представительства, воплощающим законодательную власть в Украине.

Национальное Собрание действует в рамках компетенции, очерченной в Конституции.

Статья 72.

Национальное Собрание состоит из двух палат: Палаты земельных представителей и Палаты депутатов.

Палата земельных представителей (верхняя палата) состоит из 51 земельного представителя, которые делегируются в палату представительными органами земель в количестве 2 представителей от каждой земли и 3 представителей от Республики Крым сроком на 6 лет.

Палата депутатов (нижняя палата) избирается населением в количестве 200 человек на основе равного, прямого, всеобщего избирательного права при тайном голосовании от избирательных округов с примерно равной численностью населения сроком на 2 года.

Каждые 2 года 1/3 часть состава Палаты земельных представителей переизбирается. Председатель (спикер) Палаты и 2 его заместителя ротации не подлежат, поэтому количество земельных представителей, которые переизбираются каждые 2 года, равно 16.

Из первого состава Палаты земельных представителей 1/3 часть ее состава прекращает свои полномочия по жребию досрочно. Следующая треть еще через 2 года в том же порядке. Далее следует регулярный порядок замещения освободившихся мест.

В случае досрочного переизбрания Национального Собрания снова начинает действовать предусмотренная в данной статье процедура.

Статья 73.

Императивный мандат земельных представителей и депутатов не признается.

Статья 74.

В палатах Национального Собрания избираются Председатели (спикеры) Палат и их заместители.

До выборов Председателей Палат и их заместителей заседания Палат ведут старейшие по возрасту земельный представитель и депутат.

Статья 75.

Национальное Собрание работает на профессиональной основе, поэтому иная работа, которая бы препятствовала земельным представителям и депутатам присутствовать на сессиях не допускается.

Статья 76.

Во время сессий земельные представители и депутаты пользуются иммунитетом (неприкосновенностью).

Статья 77.

Национальное Собрание работает сессионно. Первая сессия начинается в первый вторник февраля и заканчивается в последнюю субботу мая. Вторая сессия начинается в первый вторник сентября и заканчивается в предпоследнюю субботу декабря.

Статья 78.

Национальное Собрание принимает Законы и постановления.

Статья 79.

Все вопросы компетенции Национального Собрания решаются на отдельных либо совместных заседаниях Палат, однако голосование по проектам Законов всегда проводится отдельно по Палатам.

Вопросы замещения правительственных и иных должностей, кандидатуры для которых представляются Национальному Собранию Президентом, решаются Палатой земельных представителей. В аналогичном порядке решаются вопросы досрочного освобождения этих лиц от занимаемых ими должностей, за исключением процедуры, предусмотренной в ст. 107 Конституции.

Утверждение государственного бюджета и отчета о его исполнении является прерогативой Палаты депутатов.

Статья 80.

В компетенцию Национального Собрания входит:

- а) законодательство;
- б) процедуры по международным договорам, которые нуждаются в ратификации или денонсации;
- в) утверждение государственного бюджета и отчета о его исполнении;
- г) парламентский контроль.

Национальное Собрание также:

- а) принимает присягу Президента;
- б) утверждает (Палатой земельных представителей) кандидатуры, представленные Президентом на должности: Административного премьер-министра, членов Правительства, Генерального прокурора, Председателя и членов Верховного Суда, Председателя и членов Конституционного Суда, Председателя Высшего Хозяйственного Суда;

- в) утверждает состояние чрезвычайного или военного положения;
- г) объявляет состояние войны или всеобщей мобилизации;
- д) по представлению Председателя Палаты депутатов избирает Уполномоченного Национального Собрании по вопросам защиты прав человека;
- е) ведет расследования или слушания по любым вопросам, представляющим общегосударственный интерес;
- ж) назначает референдум;
- з) объявляет амнистию.

Статья 81.

Совместные заседания Палат Национального Собрании ведут поочередно Председатели Палат или их заместители.

Статья 82.

Из состава земельных представителей и депутатов в Палатах избираются председатели постоянных комиссий Палат и их заместители.

Количество постоянных комиссий не ограничивается, однако большинство комиссий создаются по признаку их соответствия основным направлениям деятельности исполнительной власти.

Статья 83.

Постоянные комиссии Палат Национального Собрании являются органами парламентского контроля за исполнением Законов, соблюдением требований Регламента Национального Собрании.

Постоянные комиссии принимают участие в законотворческом процессе.

Заключения и рекомендации постоянных комиссий должны рассматриваться теми, кому они адресованы, в указанные сроки. Если заключения или рекомендации постоянных комиссий направлены Национальному Собрании (Палатам) или Президенту, то они подлежат рассмотрению на протяжении текущей или первой декады следующей очередной сессии Национального Собрании.

Статья 84.

Национальное Собрание может быть распущено Президентом в случае:

- а) если на референдуме будет принят Закон, относительно которого Палаты Национального Собрании не смогли достигнуть согласия на протяжении двух сессий;
- б) если Национальным Собранием будет принято постановление о самороспуске.

Статья 85.

Национальное Собрание назначает референдум, если Палаты Национального Собрания не смогли достичь согласия относительно принятия Закона, особо важного для общественного прогресса, на протяжении двух сессий.

Прерогатива определения Закона как особо важного для общественного прогресса принадлежит Президенту, а в части обеспечения прав и свобод человека - Уполномоченному Национального Собрания по вопросам защиты прав человека.

Статья 86.

Право законодательной инициативы в Национальном Собрании принадлежит:

- а) Президенту;
- б) высшему представительному органу Республики Крым;
- в) депутатам;
- г) земельным представителям;
- д) Уполномоченному Национального Собрания по вопросам защиты прав человека.

Статья 87.

Депутатам Национального Собрания и земельным представителям гарантируется достойное их роли вознаграждение, включая возмещение профессиональных расходов.

ГЛАВА VIII. ПРЕЗИДЕНТ

Статья 88.

Президент является главой государства, высшим должностным лицом, возглавляющим исполнительную власть.

Президент является также Главнокомандующим Вооруженными Силами Украины.

Статья 89.

Президент избирается совершеннолетними гражданами Украины на основе равного, прямого, всеобщего избирательного права тайным голосованием сроком на 4 года.

Статья 90.

Президентом может быть избран гражданин Украины, который родился в Украине, либо был натурализован в украинское гражданство до достижения совершеннолетия - 18 лет, и прожил в Украине не менее 15 лет.

Статья 91.

Пост Президента несовместим с любыми иными.

Статья 92.

Если Президент не был отстранен от должности в порядке импичмента, его звание сохраняется за ним пожизненно.

Статья 93.

Одно лицо не может быть избрано Президентом более чем на два срока полномочий.

Статья 94.

Выборы Президента на безальтернативной основе всегда несостоятельны.

Статья 95.

Президент обладает следующими полномочиями:

- а) быть гарантом государственного суверенитета Украины;
- б) быть гарантом соблюдения Конституции;
- в) представлять Украинское государство во внешних сношениях;
- г) руководить Правительством;
- д) представлять для утверждения Национальным Собранием (Палатой земельных представителей) кандидатов на посты: Административного премьер-министра, членов Правительства, Генерального прокурора, Председателя и членов Верховного Суда, Председателя и членов Конституционного Суда, Председателя Высшего Хозяйственного Суда;
- е) назначать на должности и увольнять в запас высшее командование Вооруженных Сил;
- ж) присваивать высшие воинские звания, дипломатические ранги, иные специальные звания;
- з) вести переговоры с иностранными государствами, подписывать международные договоры от имени Украины, принимать верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств;
- и) объявлять чрезвычайное или военное положение;
- й) вводить частичную военную мобилизацию;
- к) решать вопросы приема в гражданство и предоставления убежища;
- л) награждать государственными наградами, присваивать почетные звания;
- м) отменять в случае необходимости акты непосредственно подчиненных ему лиц;
- н) распускать Национальное Собрание по основаниям ст. 84 Конституции;
- о) осуществлять помилование осужденных.

Статья 96.

Президент издает Указы и распоряжения, которые имеют силу на всей территории Украины и для всех ее граждан, за исключением случаев, указанных в ст. 161 Конституции.

Статья 97.

Президент имеет право отлагательного вето на Законы, принятые Национальным Собранием. Вето президента может быть преодолено повторным голосованием 2/3 голосов "за," поданных отдельно земельными представителями и депутатами.

Статья 98.

Президент может быть отстранен от своей должности (смещен с поста) в порядке импичмента Палатой земельных представителей.

Импичмент может иметь место, если по представлению Генерального прокурора Верховный Суд возбудит уголовное дело против Президента.

Статья 99.

Отставка Президента вследствие импичмента не освобождает его от уголовной ответственности, однако такое освобождение может иметь место по постановлению Палаты земельных представителей, если Президент добровольно согласится оставить свой пост под угрозой импичмента.

Статья 100.

Президент может назначить референдум для принятия или отмены Закона.

Статья 101.

В случае смерти Президента или иных, указанных в Законе, обстоятельств, препятствующих исполнению президентских полномочий, Президента временно замещает Председатель палаты земельных представителей, а если подобные обстоятельства наступят и в отношении него, тогда полномочия Президента временно переходят к Председателю Палаты депутатов до избрания нового Президента.

Статья 102.

Досрочные выборы Президента проводятся не позднее чем через полгода после возникновения такой необходимости.

Статья 103.

Президент сохраняет пожизненное право на персональную охрану и некоторые иные специальные полномочия.

ГЛАВА IX. КАБИНЕТ МИНИСТРОВ (ПРАВИТЕЛЬСТВО)

Статья 104.

Правительство возглавляет исполнительную власть в Украине.

Состав Правительства формируется Президентом и утверждается Национальным Собранием (Палатой земельных представителей).

Оперативное руководство работой Правительства осуществляется Административным премьер-министром.

Статья 105.

Номенклатура должностных лиц в составе Правительства не ограничивается, однако расходы на его содержание не могут быть изменены после утверждения государственного бюджета.

Статья 106.

По требованию Палаты земельных представителей Правительство должно быть досрочно распущено Президентом, однако против такого требования Президент может употребить право вето, которое может быть преодолено повторным голосованием "за" 2/3 голосов общего состава Палаты земельных представителей.

Статья 107.

Единоличные замены Министров и иных должностных лиц Правительства возможны также по воле исключительно Президента, если общее число таких замен не превысит 1/4 состава Министров и иных приравненных к ним членов Правительства в течение всего срока полномочий Президента.

Статья 108.

В компетенцию Правительства входит:

- а) исполнение Законов, Указов Президента;
- б) обеспечение экономических, политических и военных гарантий государственного суверенитета Украины;
- в) управление государственным сектором экономики;
- г) выдача заявок на научные исследования и разработки в русле государственной стратегии развития Украины;
- д) государственная финансовая, кредитная и налоговая политика;
- е) таможенное дело;
- ж) охрана собственности, общественного порядка;
- з) разработка и внедрение программ борьбы с преступностью;
- и) защита прав и свобод человека и гражданина в Украине;

к) обеспечение стабильности и безопасности;

л) иные полномочия, предусмотренные Законом о Кабинете Министров (Правительстве).

Статья 109.

Правительство издает Постановления и Распоряжения.

Статья 110.

В случае невозможности осуществления полномочий Административным премьер-министром на протяжении более месяца, его полномочия переходят к Министру, возглавляющему первое в списке Правительства Министерство.

Статья 111.

Министры и иные приравненные к ним члены Правительства могут занимать только свою должность.

Статья 112.

Министрам и иным приравненным к ним членам Правительства гарантируется достойное их роли вознаграждение.

ГЛАВА X. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Статья 113.

Судебная власть независима и обособлена от других властей в государстве.

Правосудие осуществляется исключительно судами. Создание особых судов запрещено.

Статья 114.

Судьи, занимающие свою должность после благополучного окончания испытательного срока, несменяемы.

Статья 115.

Суды финансируются централизованно из государственного бюджета. Бюджетные расходы на содержание судов должны соответствовать высокой роли суда.

Статья 116.

Судебный контроль осуществляется в рамках судебной системы. Судебная система определяется Законом.

Статья 117.

Судьи в своем профессиональном качестве независимы и подчинены только Конституции и Законам.

Судьи Конституционного Суда в своем профессиональном качестве подчинены только Конституции.

Статья 118.

Судьи осуществляют свои полномочия с презумпцией политической индифферентности, что подтверждается их присягой.

Статья 119.

Рассмотрение дел во всех судах открытое. Закрытое судебное слушание дела может иметь место только на основании Закона, однако обвинение, вердикт присяжных заседателей, приговор или судебное решение оглашаются исключительно в открытом заседании.

Статья 120.

Существенное нарушение судебной процедуры является основанием для отмены приговора или судебного решения.

Содержание существенного нарушения судебной процедуры определяется Законом.

Статья 121.

Ущерб, причиненный лицу вследствие нарушения судом правил надлежащего судопроизводства должен быть компенсирован в полном объеме, а в случае морального ущерба - на основе Закона.

Статья 122.

Приговор суда или судебное решение, за исключением вынесенных непосредственно высшими судебными инстанциями, всегда могут быть обжалованы в вышестоящие судебные инстанции.

Статья 123.

Право обратиться с просьбой о помиловании гарантируется каждому.

Статья 124.

Судьи, избранные на свои должности, не имеют обязательств перед избирателями.

Судьи, назначенные на свои должности, не имеют обязательств перед теми, кто их назначил.

Статья 125.

Право на отвод судьи гарантируется в каждом случае, но не более одного раза, если мотивы отвода не оглашаются.

Статья 126.

Использование подсудимым родного для него языка гарантируется, равно как и предоставление ему услуг переводчика.

Статья 127.

Суд присяжных гарантируется каждому, кто не признал своей вины.

Оправдательный вердикт присяжных не обжалуется.

Оправдательный приговор не может быть отменен, пересмотрен, не принят во внимание по любому ходатайству, кроме ходатайства подсудимого.

Статья 128.

Конституционный Суд предназначен для правовой защиты свободы народа как главного приоритета Конституции.

Конституционный Суд состоит из 9 судей, которые представляются к утверждению на свои должности Президентом.

Статья 129.

Конституционный Суд принимает решения о соответствии или несоответствии Конституции Законов и Указов, действующих в Украине.

Конституционный Суд решает также вопросы о соответствии Конституции Украины отдельных положений Конституции Республики Крым. Для решения этих вопросов в заседании Конституционного Суда Украины должны принимать участие с правом решающего голоса 3 судей Конституционного Суда Республики Крым.

Статья 130.

Конституционный Суд уполномочен рассматривать дела по представлению:

- а) Президента;
- б) Председателя Конституционного Суда;
- в) Председателя Верховного Суда;
- г) Председателя Высшего Хозяйственного Суда;
- д) Председателей (спикеров) Палат Национального Собрания;
- е) Уполномоченного Национального Собрания по вопросам защиты прав человека;
- ж) Генерального прокурора.

Статья 131.

Решения Конституционного Суда являются окончательными и пересмотру не подлежат.

Статья 132.

Судьям Конституционного Суда гарантируется достойное их высокой роли вознаграждение.

Статья 133.

Судопроизводство ведется от имени Закона.

ГЛАВА XI. ПРОКУРАТУРА, СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ, ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, ПОЛИЦИЯ

Статья 134.

Прокуратура, Служба безопасности, Вооруженные Силы и Полиция осуществляют свои функции на основе статуса, определенного Законом.

Статья 135.

Главным назначением Прокуратуры является надзор за соблюдением требований Законов, Указов и иных государственных нормативных актов.

Статья 136.

Главным назначением Службы безопасности является защита национальных интересов Украины, противодействие враждебным посягательствам на ее государственный суверенитет.

Статья 137.

Вооруженные Силы служат гарантом мирной жизни в Украине, они не могут использоваться государством против населения или с целью внешней агрессии.

Отдельные подразделения Вооруженных Сил могут участвовать в составе контингентов ООН.

Статья 138.

Полиция служит целям охраны гражданских прав и свобод, обеспечению стабильности, общественного порядка и защищенности.

Статья 139.

Все действия, предусмотренные компетенцией Службы безопасности, Вооруженных Сил и Полиции, подконтрольны Прокуратуре без каких-либо изъятий.

Статья 140.

Компетенция Прокуратуры, Службы безопасности, Вооруженных Сил, Полиции определяется исключительно Законом. Дискреционные полномочия должностным лицам этих органов не предоставляются.

Приказы и иные распоряжения должностных лиц этих органов, если они явно нарушают Закон или выходят за пределы официально установленных полномочий, исполнению не подлежат.

Статья 141.

Прокуроры несут ответственность перед вышестоящими прокурорами. Их действия в любом случае могут быть обжалованы в суд.

Статья 142.

Деятельность Прокуратуры, Службы безопасности, Вооруженных Сил и Полиции постоянно подконтрольна Национальному Собранию.

Если процедура такого контроля официально инициирована, любые ссылки должностных лиц этих органов на служебную тайну несостоятельны.

Статья 143.

Уполномоченный Национального Собрания по вопросам защиты прав человека может приостановить действие или акт любого должностного лица Прокуратуры, Службы безопасности, Полиции, а также, в мирное время, Вооруженных Сил (кроме Главнокомандующего) сроком на 3 дня.

ГЛАВА XII. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Статья 144.

Систему государственного устройства Украины составляют Республика Крым, земли, города, районы, поселки и села.

Статья 145.

Республика Крым имеет статус политической автономии.

Республика Крым самостоятельно решает все вопросы своей жизни, кроме тех, которые отнесены к компетенции государственных органов Украины.

Статья 146.

Отношения Украины с Республикой Крым строятся на следующих принципах:

- а) внешняя граница Республики Крым находится в режиме внешней границы Украины;
- б) в Украине существуют единые Вооруженные Силы и Служба безопасности;
- в) гражданство Республики Крым неотделимо от гражданства Украины;
- г) уровень конституционных гарантий свободы народа в Республике Крым может быть выше, но не ниже уровня конституционных стандартов Украины;
- д) в Украине и Республике Крым обращается одна национальная денежная единица.

Статья 147.

Республика Крым имеет Постоянное представительство при Кабинете Министров (Правительстве) Украины.

В Правительстве Украины один из постов предоставляется Министру по делам взаимных интересов Республики Крым и Украины.

Статья 148.

Конституция Республики Крым утверждению не подлежит, однако ее отдельные статьи и положения могут быть отменены Конституционным Судом Украины в случае нарушений ею требований Конституции Украины, на основании процедуры, предусмотренной в ст. 129 Конституции Украины.

Статья 149.

Земли - административные автономные единицы, их права и интересы признаются и гарантируются.

Земли имеют собственные органы самоуправления и исполнительной власти, а также суды.

Статья 150.

Земельное самоуправление осуществляется на основе Закона в формах, которые земли признают целесообразными, в границах расходов земельных бюджетов.

Статья 151.

В случае коллизии между актом земельного самоуправления и Законом или Указом, последние имеют юридический приоритет.

В случае коллизии между актом земельного самоуправления и иными нормативными актами Украины, вопрос о приоритете решает Верховный Суд.

Статья 152.

Выборы в землях проводятся на основе равного, прямого, всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

Статья 153.

Отдельные интересы земель могут быть гарантированы на основе двусторонних соглашений между землями и Правительством Украины.

Статья 154.

Административно-территориальное устройство земель определяется Законом.

Статья 155.

Самоуправление в городах возлагается на мэрии и муниципалитеты, избираемые населением городов.

Статья 156.

Город Киев составляет отдельный столичный округ.

ГЛАВА XIII. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Статья 157.

Чрезвычайное положение может быть введено на срок, не превышающий трех месяцев, и может быть продлено на срок не более одного месяца.

Чрезвычайное положение объявляется Президентом, однако без утверждения его Национальным Собранием оно сохраняется не более, чем в течение двух суток.

Статья 158.

Чрезвычайное положение не приостанавливает деятельность Национального Собрания, однако во время его действия внесение изменений и дополнений в Конституцию, а также в Закон о режиме чрезвычайного положения, не допускается.

Статья 159.

Чрезвычайное положение не является основанием для предоставления кому-либо дискреционных полномочий.

Полномочия должностных лиц в условиях чрезвычайного положения определяются Законом, а в исключительных случаях - Указом.

Режим чрезвычайного положения не служит основанием для ограничения свободы слова и информации.

Статья 160.

Объявление чрезвычайного положения обязывает немедленно известить население о требованиях режима, который при этом вводится.

Статья 161.

Режим чрезвычайного положения не распространяется на граждан Украины, которые пребывают за границей.

ГЛАВА XIV. ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Статья 162.

Военное положение объявляется Президентом в случае реальной угрозы войны или вооруженного нападения на Украину.

Военное положение подлежит утверждению Национальным Собранием на протяжении двух суток с момента его объявления, а в случае вооруженного нападения на Украину - в течение одного месяца с момента его объявления.

Статья 163.

Неутверждение военного положения Национальным Собранием означает его автоматическое прекращение.

Статья 164.

В случае неожиданного вооруженного нападения на Украину Президент в течение суток может использовать любые меры как Главнокомандующий Вооруженными Силами без объявления военного положения.

Принятие таких мер вне обстоятельств вооруженного нападения на Украину является основанием для импичмента.

Статья 165.

В случае невозможности для Президента исполнять обязанности Главнокомандующего Вооруженными Силами во время военного положения, и если иное лицо не было предварительно назначено Национальным Собранием на этот пост, его обязанности временно исполняет Министр обороны.

ГЛАВА XV. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ

Статья 166.

Государственными символами Украины являются герб, флаг и гимн.

Государственным гербом Украины служит Трезубец золотистого цвета на голубом поле.

Государственным флагом Украины служит желто-голубое из равновеликих полос полотнище прямоугольной формы с соотношением сторон 2 к 3. Голубая полоса размещена сверху.

Государственным гимном Украины служит национальный гимн "Ще не вмерла України і слава, і воля".

ГЛАВА XVI. ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К КОНСТИТУЦИИ

Статья 167.

Конституция принимается Конституционным Собранием, созываемым по тем же правилам, что и первый состав Национального Собрания.

После принятия Конституции Конституционное Собрание автоматически распускается.

Статья 168.

Изменения и дополнения к Конституции вносятся на основании решений Национального Собрания, принятых квалифицированным (в 2/3) большинством голосов состава каждой из палат.

Эти изменения и дополнения подлежат утверждению простым большинством голосов состава Палаты депутатов, которая будет избрана на следующий срок, после того, как предыдущий состав Палаты депутатов, утвердивший изменения и дополнения к Конституции, утратит свои полномочия.

-
- [1] Bergson H. Freedom and Obligation // Freedom and Its Meaning. - London: George Allen, 1942. - P. 39-41.
- [2] Франк С. Сочинения. - М.: Правда, 1990. - С. 40.
- [3] Rawls J. The Theory of Justice. - N.-Y.: Oxford University Press, 1973. - P. 3.
- [4] Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. - Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. - P. 124.
- [5] Сахаров А. Воспоминания. - N.-Y.: Изд-во им. Чехова, 1990. - С. 213.
- [6] Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. - Киев: Air Land, 1994. - С. 144.
- [7] Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. - Edinburgh: Duncan-Forbes, 1966. - P. 172.
- [8] Sartori G. Democratic Theory. - Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 188.
- [9] Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг К. Человек и его символы. - М.: Университетская книга, 1997. - С. 236.
- [10] Talmon J. Political Messianism. - London: Secker and Warburg, 1960. - P. 506.
- [11] Лосский Н. Избранное. - М.: Правда, 1991. - С. 533.
- [12] Хома О. Паскаль про справедливість у суспільстві: машини, право, сили // Дух і літера, Т. 1-2. - Київ: 1997. - С. 286.
- [13] Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 323-324.
- [14] Seligman A.Q. The Idea of Civil Society. - N.-Y.: Free Press, 1992. - P. 17.
- [15] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 209.
- [16] Gotfried P. The Conservative Movement. - N.-Y.: Twayne Publishers, 1993. - P. 213.
- [17] Бейнс Д. Наука о любви. - М.: Политехника, 1994. - С. 317.
- [18] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: Изд-во НКЮ СССР, 1939. - С. 185.
- [19] Almond G. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture Revisited. - USA: Sage Publications, 1989. - P. 5.
- [20] Caygill H., Scott A. The Basic Law Versus the Basic Norm? Crucifix Order // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 512.
- [21] История первобытного общества. Эпоха классовообразования. - М.: Наука, 1988. - С. 449.
- [22] Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг К. Человек и его символы. - М.: Университетская книга, 1997. - С. 246.
- [23] Easton D. A System Analysis of Political Life. Chicago: University of Chicago Press, 1965. - P. 200-201.
- [24] Давид Р. Основные правовые системы современности. - М.: Прогресс, 1988. - С. 39.
- [25] Toffler A. The Third Wave. - N.-Y.: Bantam Books, 1994. - P. 46.
- [26] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 145.
- [27] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 163.
- [28] Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. - М.-К.: REFL-book, 1994. - С. 77.

- [29] Pogany I. Constitution Making or Constitutional Transformation in Post-Communist Societies // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. - P. 571.
- [30] Восленский М. Номенклатура. - М.: Советская Россия, 1991. - С. 582.
- [31] Липа Ю. Призначення України. - Н.-Ү.: Говерля, 1953. - С. 106.
- [32] Бакунин М. Философия, социология, политика. - М.: Правда, 1989. - С. 69-70.
- [33] Шаповал М. Стара і нова Україна. Листи в Америку. - Н.-Ү.: Вид-во Української громади, 1925. - С. 8.
- [34] Борн М. Моя жизнь и мои взгляды. - М.: Прогресс, 1973. - С. 45.
- [35] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 217.
- [36] Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. - М.: Мысль, 1965. - С. 411.
- [37] Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М.: Наука, 1992. - С. 14.
- [38] Хейзинга Й. Осень средневековья. - М.: Наука, 1988. - С. 116.
- [39] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 288.
- [40] Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, - С. 367.
- [41] Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. - М.: Мысль, 1965. - С. 268-269, 269.
- [42] Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. - М.: Наука, 1912. - С. 66.
- [43] Редер Г. Теория политической системы Д.Истона - попытка стабилизации власти в условиях государственно-монополистического капитализма // Критика новейших буржуазных учений о государстве. - М.: Прогресс, 1982. - С. 77-78.
- [44] Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. - М.: Прогресс, 1989. - С. 184.
- [45] Ferrajoli L. Democracy and the Constitution in Italy // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. - P. 472/
- [46] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 58.
- [47] Кьонінг Ф. Духовні основи Європи. - Ї, 1995, № 1. - С. 13.
- [48] Krygier M. Virtuous Circles: Antipodal Reflection on Power, Institutions and Civil Society. - *Collegium Budapest Discussion Paper*, 1995/1996, № 25. - P. 14-15.
- [49] Оуэн Р. Избранные сочинения. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 247.
- [50] Джилас М., Урбан Д. Между революцией и контрреволюцией. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 23-24. - С. 99.
- [51] Spencer H. The Man Versus the State. - USA: Indianapolis, 1981. - P. 359.
- [52] Цимбалістий Б. Тавро бездержавності. Політична культура українців. - К.: 1994. - С. 40.
- [53] Hayek F. Constitution of Liberty. - Chicago: Chicago University Press, 1960. - P. 78.
- [54] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 238, 257-258.
- [55] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1979. - P. 130.
- [56] Лосский Н. Избранное. - М.: Правда, 1991. - С. 453.
- [57] Улыбышев А. Сон // Русская литературная утопия. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - С. 91.
- [58] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собрание сочинений. Т. 2. - М.: 1900. - С. 23.
- [59] Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - С. 64.
- [60] Walzer M. Spheres of Justice. - USA: Basic Books, 1983. - P. XY.
- [61] Hall J. In Search of Civil Society // *Civil Society*. - Cambridge: Polity Press, 1995. - P. 15.
- [62] Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. - London: Macmillan, 1921. - P. 110.
- [63] Talmon J. Political Messianism. - London: Secker and Warburg, 1960. - P. 63.
- [64] Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. - London: IEA Unit, 1991. - P. 79.
- [65] Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. - Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. - P. 62.
- [66] Dewey J. Freedom and Culture. - N.-Y.: Capricorn Books, 1963. - P. 22.
- [67] Dewey J. Individualism Old and New. - London: George Allen, 1931. - P. 48.
- [68] Dworkin R. A Matter of Principle. - USA: Harvard University Press, 1985. - P. 11.
- [69] Sokolewicz W. The Revelance of Western Models for Constitution-Building in Poland //

- Constitutional Policy and Change in Europe. - N.-Y.: Oxford University Press, 1995. - P. 263.
- [70] Буш Д. Глядя в будущее. Автобиография. - М.: Прогресс, 1989. - С. 260.
- [71] Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. - London: Yale University Press, 1982. - P. 160.
- [72] Милль С. Утилитаризм. О свободе. - СПб.: 1900. - С. 176.
- [73] Франк С. Сочинения. - М.: Правда, 1990. - С. 101.
- [74] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA: University of Oklahoma Press, 1991. - P. 49.
- [75] Уайльд О. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. - М.: Республика, 1993. - С. 349.
- [76] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. XYIII.
- [77] Шарден Т. де Феномен человека. - М.: Наука, 1987. - С. 184.
- [78] Уинстенли Д. Избранные памфлеты. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 98-99.
- [79] Steinbeck J. Journal of a Novel. - London: Pan, 1972. - P. 27.
- [80] Steinbeck J. The Portable Steinbeck. - USA: Penguin Books, 1976. - P. 426.
- [81] Рейган Р. Откровенно говоря. - М.: Новости, 1990. - С. 385.
- [82] Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. - М.: Политиздат, 1991. - С. 43.
- [83] Tocqueville A. Democracy in America. - USA: A Mentor Book, 1984. - P. 304.
- [84] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 121.
- [85] См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 111.
- [86] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 159.
- [87] Adorno T. The Authoritarian Personality. - N.-Y.: Harper and Brothers, 1950. - P. 976.
- [88] Уайтхед А. Избранные работы по философии. - М.: Прогресс, 1990. - С. 435.
- [89] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 195.
- [90] Эрхард Л. Благополучие для всех. - USA: Посев, 1990. - С. 231.
- [91] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 155.
- [92] Бродель Ф. Время мира. - М.: Прогресс, 1992. - С. 204-205.
- [93] Мэмфорд К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 років і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 17.
- [94] Стахів М. Україна в добі Директорії і УНР. - Scranton: Ukrainian Free University, 1964. - С. 208-209.
- [95] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М.: Прогресс, 1986. - С. 249-250.
- [96] Там же. - С. 386.
- [97] Вернадский В. Философские мысли натуралиста. - М.: Наука, 1988. - С. 23, 24.
- [98] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: Прогресс, 1992. - С. 111.
- [99] Мунье Э. Что такое персонализм. - М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. - С. 45.
- [100] Berlin I. Four Essays on Liberty. - N.-Y.: Oxford University Press, 1986. - P. LY.
- [101] Соловьев В. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. - М.: Правда, 1989. - С. 165.
- [102] Яковлев А. Конституционный строй: социальный и правовой аспект. - Вопросы философии, 1995, № 10. - С. 8.
- [103] Новгородцев П. Об общественном идеале. - М.: Правда, 1993. - С. 94.
- [104] Murray E. The Symbolic Uses of Politics. - Chicago: University of Illinois Press, 1985. - P. 43.
- [105] Шахназаров Г. Восток - Запад. - Коммунист, 1989, № 3. - С. 68.
- [106] Американська демократія. - USA: Сучасність, 1990.
- [107] Что такое демократия. - USA: Изд-во Информационного агентства США, 1991. - С. 8.
- [108] Havel V. Open Letters. - N.-Y.: Vintage Books, 1992. - P. 122.
- [109] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. - N.-Y.: A Harper Book, 1973. - P. 298.
- [110] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 316-317.
- [111] Мабли Г. Избранные произведения. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 264-265.

- [112] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 28-29.
- [113] Фукуяма Ф. Конец истории? - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 27-28. - С. 92.
- [114] Мойнихен Д. Еще об эссе Фукуямы. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 27-28. - С. 124.
- [115] Фридман М. Капитализм и свобода. - N.-Y.: Chalidze Publications, 1982. - С. 44.
- [116] Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. - М.-К.: REFL-book, 1994. - С. 83.
- [117] Spencer H. The Man Versus the State. - USA: Indianapolis, 1981. - P. 123.
- [118] Там же. - С. 161, 164.
- [119] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1973. - P. 102.
- [120] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 51, 52.
- [121] Drucker P. Post-Capitalist Society. - USA: Harper Business, 1993. - P. 121,122.
- [122] Каньгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. - Киев: 1993. - С. 107.
- [123] Berlin I. Four Essays on Liberty. - N.-Y.: Oxford University Press, 1986. - P. LXII.
- [124] Dewey D. The Essential Writings. - N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. - P. 227.
- [125] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1979. - P. 24.
- [126] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1973. - P. 100.
- [127] Spencer H. The Man Versus the State. - USA: Indianapolis, 1981. - P. 187.
- [128] Toffler A. The Third Wave. - N.-Y.: Bantam Books, 1994. - P. 441.
- [129] Russell B. Authority and the Individual. N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. - P. 10.
- [130] Hayek F. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 20.
- [131] Линц Х. Крушение демократических режимов. - Проблемы Восточной Европы, 1993, № 39-40. - С. 69.
- [132] Юридическая наука и практика в условиях перестройки. - Коммунист, 1987, № 14. - С. 50.
- [133] Бурлацкий Ф. О советском парламентаризме. - Литературная газета, 1988, 15 июля. - С. 2.
- [134] Лебедев А. Возвращение политики. - Новое время, 1989, № 6. - С. 10.
- [135] Нерсесянц В. Перестройка и правовое мышление. - Советское государство и право, 1987, № 9. - С. 42.
- [136] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. - М.: Мысль, 1985. - С. 406.
- [137] Dworkin R. A Matter of Principle. - USA: Harvard University Press, 1985. - P. 54.
- [138] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 179, 181.
- [139] Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. - Boston: Beacon Press, 1950. - P. XLYI.
- [140] Preuss U. Patterns of Constitutional Evolution and Change in Eastern Europe // Constitutional Policy and Change in Europe. - N.-Y.: Oxford University Press, 1995. - P. 95.
- [141] Troeltsch E. The Ideas of Natural Law and Humanity in World Politics // Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. - Boston: Beacon Press, 1950. - P. 208.
- [142] Sartori G. Democratic Theory. - Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 291.
- [143] Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1963. - С. 116.
- [144] Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. - N.-Y.: Arlington House. - P. 62, 107.
- [145] Солженицын А. Как нам обустроить Россию. - Литературная газета, 1990, 18 сентября. - С. 6.
- [146] Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. - USA: Free Press, 1992. - P. 296.
- [147] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 444.
- [148] История первобытного общества. Эпоха классовообразования. - М.: Наука, 1988. - С.

451, 452.

- [149] Залыгин С. К вопросу о бессмертии. - Новый мир, 1989, № 1. - С. 24.
- [150] Благош Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах. - М.: Юридическая литература, 1985. - С. 17.
- [151] Степанов И. Политические законы социализма и Конституция. - Советское государство и право, 1984, № 1. - С. 9.
- [152] Степанов И. Конституция и политика. - М.: Наука, 1982. - С. 33.
- [153] Марченко М. Рецензия на работу: Политическая система развитого социалистического общества. - М.: Наука, 1984. - Правоведение, 1985, № 4. - С. 94.
- [154] Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988. - С. 197-198.
- [155] Rawls J. A Theory of Justice. - N.-Y.: Oxford University Press, 1973. - P. 140.
- [156] Там же. - С. 135.
- [157] Там же. - С. 365.
- [158] Вернадский В. Философские мысли натуралиста. - М.: Наука, 1988. - С. 102.
- [159] Давид Р. Основные правовые системы современности. - М.: Прогресс, 1988. - С. 243.
- [160] Сапаргалиев Г. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике. - Советское государство и право, 1987, № 10. - С. 44.
- [161] Туманов В. Идеология и право: некоторые аспекты взаимодействия. - Советское государство и право, 1984, № 4. - С. 23.
- [162] Тихомиров Ю. Проблемы активизации политических институтов. - Советское государство и право, 1986, № 6. - С. 17.
- [163] Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике. - Советское государство и право, 1987, № 10. - С. 52.
- [164] Дьяконов И. История эмоций? - Знание-сила, 1988, № 5. - С. 40.
- [165] Лившиц Р. Право и закон в социалистическом правовом государстве. - Советское государство и право, 1989, № 3. - С. 16.
- [166] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1939. - С. 189.
- [167] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. - С. 162.
- [168] Явич Л. Сущность права. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - С. 118.
- [169] Там же. - С. 85.
- [170] Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. - N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. - P. 181.
- [171] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 469.
- [172] Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. - С. 488.
- [173] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 62.
- [174] Олкер Х. Диалектическая логика "Мелосского диалога" Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - С. 303.
- [175] Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виржиния. - М.: Наука, 1990. - С. 171.
- [176] Лем С. Что будет через 10-20 лет? Я знаю, что этого никто не знает. - Литературная газета, 1990, 14 ноября. - С. 15.
- [177] Конституционный статус общественных организаций в СССР. - М.: Наука, 1983. - С. 20.
- [178] Манов Г. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы. - Советское государство и право, 1989, № 6. - С. 9.
- [179] Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. - USA: Bedminster Press, 1968. - P. 81.
- [180] Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. - С. 463.
- [181] Sartori G. Democratic Theory. - Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 312.
- [182] Toffler A. The Third Wave. - N.-Y.: Bantam Books, 1994. - P. 421.
- [183] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA:

- University of Oklahoma Press, 1991. - P. 366.
- [184] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 23.
- [185] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 374.
- [186] Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. - N.-Y.: Arlington House. - P. 38.
- [187] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 107.
- [188] Tocqueville A. Democracy in America. - USA: A Mentor Book, 1984. - P. 209.
- [189] Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. - London: Yale University Press, 1982. - P. 32.
- [190] Drucker P. Post-Capitalist Society. - USA: Harper Business, 1993. - P. 105.
- [191] Spencer H. The Man Versus the State. - USA: Indianapolis, 1981. - P. 252.
- [192] Феофанов Ю. Граждане и власти. - Известия, 1989, 1 ноября. - С. 5.
- [193] Соловьёв Э. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. - М.: Политиздат, 1990. - С. 223.
- [194] Моруа А. Надежды и воспоминания. - М.: Прогресс, 1983. - С. 28-29.
- [195] Dworkin R. A Matter of Principle. - USA: Harvard University Press, 1985. - P. 385.
- [196] Друкер П. Каким должно быть правительство. - Америка, 1971, июль. - С. 34.
- [197] Fitzpatrick K. The Experience of the American Human Rights Movement // Problems of Eastern Europe. - Washington, 1992, № 35-36. - С. 208.
- [198] Винер Н. Кибернетика и общество. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. - С. 117.
- [199] Феофанов Ю. По воле подавляющего большинства. - Известия, 1990, 7 сентября. - С. 1.
- [200] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. - М.: Наука, 1969. - С. 348.
- [201] Степанов И. Конституция развитого социализма. Социальная ценность и основные функции. - Советское государство и право, 1978, № 12. - С. 9.
- [202] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 380.
- [203] Олкер Х. Диалектическая логика "Мелосского диалога" Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - С. 301.
- [204] Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. - М.: Политиздат, 1991. - С. 297.
- [205] Murray E. The Symbolic Uses of Politics. - Chicago: University of Illinois Press, 1985. - P. 18.
- [206] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1979. - P. 37.
- [207] Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. - London: Macmillan, 1921. - P. 10.
- [208] Дезами Т. Кодекс общности. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - С. 83.
- [209] Ferrajoli L. Democracy and the Constitution in Italy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 460.
- [210] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 355.
- [211] National Standards for Civics and Government. - USA: Center for Civic Education, 1994. - P. 53.
- [212] Там же. С. 48.
- [213] Rawls J. Political Liberalism. - N.-Y.: Columbia University Press, 1993. - P. 337.
- [214] Там же. - С. 232.
- [215] Там же. - С. 166.
- [216] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1979. - P. 3.
- [217] Кавелин К. Наш умственный строй. - М.: Правда, 1989. - С. 152.
- [218] Bellamy R., Castiglione D. Introduction: Constitution and Politics // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 414.
- [219] Что такое демократия. - USA: Изд-во Информационного агентства США, 1991. - С. 14.

- [220] Коммаджер Г. Моральное наследие пилигримов. - Америка, 1980, № 288, ноябрь. - С. 31.
- [221] Данный тезис имел, по-видимому, свое первоначальное обоснование в идее Б.Констана об ограниченном правлении закона, вытекающем из идеи ограничения государственного суверенитета. То, против чего закон не может выступать, есть индивидуальные гражданские права, которыми индивиды располагают независимо от всякой социальной или политической власти. Б.Констан определял эти права, как личную и религиозную свободу, свободу мнений, гарантии против произвола и право пользоваться собственностью. Собственность у него является исключительным гарантом осуществления политических прав (см.: Jennings J. From "Imperial State" to "l'Etat de Droit": Benjamin Constant, Blandine Kriegel and the Reform of the French Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 497.
- [222] Еллинек Г. Общее учение о государстве. - СП б.: 1907. - С. 371.
- [223] Общие начала теории социалистической конституции. - М.: Наука, 1986. - С. 30,31.
- [224] Ferrajoli L. Democracy and Constitution in Italy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 461.
- [225] Возняк М. Українська державність. - Відень: 1918. - С. 5.
- [226] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 9.
- [227] Конституция Российской империи. - СП б.: 1905.
- [228] Мережковский Д. Больная Россия. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 141.
- [229] См.: Куприц Н. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. - М.: Изд-во МГУ, 1980.
- [230] Калягин В. "Конституция" Г.Р.Державина. - Советское государство и право, 1987, № 8. - С. 124. По вопросам дореволюционного российского понимания конституционализма см. также: Гессен В. Основы конституционного права. - Петроград: 1918; Дунаев В., Никитинский А. Очерки науки о государстве. - М.: 1909; Дурденевский В. Иностранное конституционное право в избранных образцах. - Л.: Государственное изд-во, 1925; Ковалевский М. Конституционное право. - СП б.: 1909; Коркунов Н. Русское государственное право. - СП б.: 1909; Максимейко И. Лекции по истории русского государственного права. - Екатеринбург: 1917; Савальский В. Государственное право общее и русское. - Варшава: 1912 и др.
- [231] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. - С. 40.
- [232] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. - С. 252; Т. 16. - С. 14; Т. 17. - С. 345; Т. 22. - С. 372;
- [233] Оболенский А. Социально-психологический аспект участия граждан в политике и управлении. - Советское государство и право, 1989, № 9. - С. 24.
- [234] Тенненбаум В. Категория "политика" и "власть" в науке конституционного права // Проблемы конституционного права. Вып. 1(2). - Саратов: 1974. - С. 53.
- [235] Общая теория социалистической конституции. - М.: Наука, 1986. - С. 3.
- [236] Кутафин О. Конституционные основы общественного строя и политики СССР. - М.: Изд-во МГУ, 1985. - С. 209.
- [237] См.: Мартыненко П. К вопросу о применении некоторых философских категорий при изучении конституции // Методологические проблемы советской юридической науки. - Киев: Наукова думка, 1965. - С. 107-116; Радько Т. Конституция СССР и идеологическая функция советского права. - Советское государство и право, 1978, № 6; Степанов И. Политические законы социализма и конституция, 1984, № 1.
- [238] Лучин В. Функциональные аспекты действия Конституции. - Советское государство и право, 1983, № 11. - С. 13.
- [239] Там же. - С. 16.
- [240] Юридическая наука и практика в условиях перестройки. - Коммунист, 1987, № 14. - С. 45-46.

- [241] Шеремет К. Программа КПСС и Советская Конституция. - Советское государство и право, 1986, № 5.
- [242] Пертцик В. Рецензия на работу: Степанов И. Конституция и политика. - М.: Наука, 1984. - Правоведение, 1986, № 3. - С. 120-121.
- [243] О способности конституции программировать действительность в советской правовой литературе: Кириенко В. Особенности программных положений Советской Конституции. - Вестник ЛГУ, 1979, № 23, вып. 4; Матузов Н. Активная жизненная позиция и право. - Советское государство и право, 1984, № 3; Общие начала теории социалистической конституции. - М.: Наука, 1986. - С. 65; Основин В., Глебов А. Преамбула Конституции СССР (природа и особенности). - Правоведение, 1980, № 2; Ронин С. Программные идеи советского конституционного строительства. - Советское государство и право, 1978, № 11; Свердлов Я. Об общих положениях Конституции (выступление на заседании 19 апреля 1918 г.) // Избранные произведения. Т. 2. - М.: Госполитиздат, 1959. - С. 171-173. Сторонники программного понимания Советской Конституции исходили из известного тезиса А.Луначарского: "Наша конституция - это обет, это цель, программа". Впоследствии эксперты писали о теологическом и квазирелигиозном характере конституционного права в СССР (Крылов Б. Американские юристы-советологи о советском конституционном праве. - Советское государство и право, 1987, № 3).
- [244] Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823-1826 гг. - М.: Наука, 1987. - С. 106.
- [245] См.: Анисимова Т. От конституции государства диктатуры пролетариата к конституции общенародного государства // Вопросы политической организации советского общества в период развитого строительства коммунизма. - М.: Изд-во ВППШ при АОН, 1962. - С. 333-358; Гайдуков Д. Развитие Советской конституции. - Советское государство и право, 1957, № 11; Кравчук С. Первая Советская Конституция (к 60-летию со дня принятия). - Советское государство и право, 1978, № 7; Купчишин Основоположні принципи Конституції УРСР 1919 р. - Радянське право, 1979, № 3; Портнов В., Славин М. Этапы развития Советской Конституции // Актуальные проблемы государствоведения. - М.: 1979; Ронин С. К истории Конституции СССР 1924 г. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949; Ронин С. Историческое значение Советской Конституции. - Советское государство и право, 1948, № 7; Ронин С. Конституция СССР 1936 года. - М.: Госюриздат, 1957; Чугуев Д. Первая Конституция Советского государства (1918 г.). - М.: Изд-во АОН при ЦК ВКПб, 1949; Чхиквадзе В. Новая Конституция СССР - творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. - М.: 1979.
- [246] См.: Лучин В. Функциональные аспекты действия Конституции. - Советское государство и право, 1983, № 11. - С. 12. О понимании природы и предназначения конституции в советской правовой доктрине см.: Барабашев Г., Шеремет К. Новая Советская Конституция и наука советского строительства. - Советское государство и право, 1979, № 2; Васильев А. Конституция СССР и правовая основа развитого социализма. - Советское государство и право, 1977, № 10; Вильданов Р. Международное значение Советской Конституции. - Советское государство и право, 1982, № 10; Керимов Д. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. - М.: Мысль, 1979; Козлова Е. Конституция СССР и теоретические основы системы советского государственного права // Сборник научных трудов ВЮЗИ. - М.: 1981. - С. 3-27; Конституция СССР 1977 г. - важная веха в развитии науки о социалистическом государстве. - Советское государство и право, 1977, № 12; Конституция СССР и дальнейшее развитие государствоведения и теории права. - М.: Изд-во АН СССР, 1979; Кривенко Л. Конституция СССР и задачи советского государствоведения. - Советское государство и право, 1978, № 5; Кудрявцев В. Конституция общенародного государства. - Советское государство и право, 1977, № 11; Кутафин О. Конституция развитого социализма. - Вестник МГУ, 1982, № 5; Мартыненко

- П. Социалистическая конституция - непосредственно действующее право. - Проблемы правоведения, 1979, № 39; Михалева Н. Понятие и система принципов социалистической конституции. - Правоведение, 1977, № 6 и др.
- [247] Яковлев А. Конституционный строй: социальный и правовой аспект. - Вопросы философии, 1995, № 10. - С. 6.
- [248] Речицкий В. Социализм и авторитаризм. - Философская и социологическая мысль, 1990, № 10. - С. 3-14.
- [249] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М.: Прогресс, 1986. - С. 69.
- [250] Каленский В. Билль о правах в конституционной истории США. - М.: Наука, 1983. - С. 41.
- [251] Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - С. 318.
- [252] Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения // История зарубежной психологии (30-60 г. XX в.) Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - С. 101.
- [253] Юридическая наука и практика в условиях перестройки. - Коммунист, 1987, № 14. - С. 45-46.
- [254] Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. - N.-Y.: Arlington House. - P. 237.
- [255] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. - N.-Y.: A Harvest Book, 1973. - P. 244.
- [256] Черниловский З. Правовое государство: исторический опыт. - Советское государство и право, 1989, № 4. - С. 52.
- [257] См., например, материалы международного симпозиума и его обзор: Конституція незалежної України. Київ: Вид-во УПФ, 1992; Речицкий В. Конституція у футлярі. - Рада, № 28-29, 1992.
- [258] Pogany I. Constitution Making or Constitutional Transformation in Post-Communist Societies // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 589.
- [259] Яковлев А. Конституционный строй: социальный и правовой аспект. - Вопросы философии, 1995, № 10. - С. 4.
- [260] Для них конституция - это совокупность "институтов, процедур и практик", структурирующих общество и наделяющих ограниченными властными полномочиями общественных функционеров. В конституционную область эти авторы включают социальные нормы, конвенции и другие неформальные нормы (см.: Brennan G., Hamlin A. Economical Constitutions // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 606.
- [261] Hayek F. Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 68.
- [262] Castiglione D. The Political Theory of the Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 434.
- [263] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 22,23.
- [264] Bellamy R. The Political Form of the Constitution: the Separation of Powers, Rights and Representative Democracy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 453.
- [265] Easton D. A System Analysis of Political Life. - Chicago: University of Chicago, 1965. - P. 104.
- [266] Батлер Э. Предисловие к книге: Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 16.
- [267] Алексеева Т., Кравченко И. Политическая философия: к формированию концепции. - Вопросы философии, 1994, № 3. - С. 7.
- [268] Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. - London: Yale University Press, 1982. - P. 16.
- [269] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1979. - P. 111.
- [270] Речицкий В. Громадянські права як юридичний засіб проти ваги державної влади. - Українське право, 1995, № 1(2). - С. 78-87.
- [271] Bellamy R., Castiglione D. Introduction: Constitution and Politics // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 413.
- [272] Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. - С. 48.

- [273] Липсет С. Третьего не дано. - Проблемы Восточной Европы, 1991, № 33-34. - С. 65.
- [274] Castiglione D. The Political Theory of the Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 422.
- [275] Havel V. Open Letters. - N.-Y.: Vintage Books, 1992. - P. 267.
- [276] Гумилев Л. О людях, на нас непохожих. - Советская культура, 1988, 15 сентября. - С. 6.
- [277] Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1974. - С. 71.
- [278] Писарев Д. Исторические эскизы. - М.: Правда, 1989. - С. 420.
- [279] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 13- 15.
- [280] Гаврилишин Б. Дороговкази в майбутнє. - К.: Основи, 1993. - С. 207.
- [281] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 67.
- [282] Там же. - С. 253.
- [283] Там же. - С. 228.
- [284] Там же. - С. 385.
- [285] Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. - М.: Мысль, 1964. - С. 351-352.
- [286] Швейцер А. Благоговение перед жизнью. - М.: Прогресс, 1992. - С. 90.
- [287] Соловьев Э. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. - М.: Политиздат, 1990. - С. 213.
- [288] Мальцев Г. Право и власть: к реформе политико-правовой сферы советского общества. - Правоведение, 1988, № 6. - С. 17.
- [289] Васильев А. Право и перестройка. - Советское государство и право, 1987, № 9. - С. 21.
- [290] Явич Л. Сущность права. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - С. 72.
- [291] Кистяковский Б. В защиту права // Вехи. - М.: Новое время, 1990. - С. 137.
- [292] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: The University of Chicago Press, 1979. - P. 151.
- [293] Кондрашев С. Момент истины. - Известия, 1992, 7 мая. - С. 2.
- [294] Пилон Р. Маркс уничтожил независимость. - Поиск, 1990, № 38.
- [295] Дюамель Ж. Хроника семьи Паскье. - М.: Художественная литература, 1974. - С. 279.
- [296] Прокошин В. Обсуждение философских аспектов права. Обзор доклада (и прений) Р.Халфиной // Информационные материалы. - М.: Изд-во АН СССР (Философское общество СССР), 1986, № 4 (55). - С. 28-29.
- [297] Конституция СССР и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. - Киев: Наукова думка, 1983. - С. 27.
- [298] Теоретические схемы конституционного воздействия в доперестроечный период в СССР представлены в следующих работах: Вильданов Р. Конституции в политической системе буржуазного общества. - М.: Международные отношения, 1968; Гавриленко В. Вопросы теории новой Конституции СССР. - Правоведение, 1978, № 3; Зивс С. Конституция СССР в системе советского законодательства. - Советское государство и право, 1978, № 6; Иванищева Н. Основные черты конституций зарубежных социалистических стран. - Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973; Конституция СССР - Основной Закон общенародного социалистического государства. - Советское государство и право, 1978, № 1; Михалева Н. Ленинское учение о конституции: методологические аспекты. - Советское государство и право, 1977, № 10; Русинов Р. Конституция СССР и гуманизация правового регулирования // Конституция СССР и проблемы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1980; Рянжин В. Конституция как особый правовой акт Советского государства // Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967; Советское конституционное право. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1975; Степанов И. Конституция развитого социализма - социальная ценность

- и основные функции. - Советское государство и право, 1978, № 12; Теоретические основы Советской Конституции. - М.: Наука, 1981; Тихоморов Ю. Проблемы теории социалистической конституции. - Советское государство и право, 1978, № 2; Фарбер И., Ржевский В. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. - Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967 и др.
- [299] Конституционный статус общественных организаций в СССР. - М.: Наука, 1983. - С. 9-10.
- [300] Там же. - С. 16.
- [301] Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления. - Советское государство и право, 1986, № 2. - С. 11.
- [302] Манов Г. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы. - Советское государство и право, 1989, № 6. - С. 9.
- [303] Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна. - Вопросы философии, 1994, № 4. - С. 34.
- [304] Нерсесянц В. Право: многообразие определений и единство понятия. - Советское государство и право, 1989, № 10. - С. 30.
- [305] Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. - С. 478.
- [306] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М.: Прогресс, 1988. - С. 376.
- [307] Морозова Л. Конституционное регулирование в СССР. - М.: Юридическая литература, 1985. - С. 100.
- [308] Правовая система социализма: проблемы функционирования и развития. - Советское государство и право, 1986, № 8. - С. 5.
- [309] Котенко В. Особенности формирования политической культуры молодежи. - Советское государство и право, 1990, № 4. - С. 91.
- [310] Советское правовое государство и юридическая наука. Круглый стол. - Советское государство и право, 1989, № 3. - С. 57.
- [311] Покровский И. Перуново заклътье. - Новое время, 1991, № 12. - С. 41.
- [312] Уайтхед А. Избранные работы по философии. - М.: Прогресс, 1990. - С. 70.
- [313] Варламова Н. Некоторые аспекты политического участия при социализме. - Советское государство и право, 1990, № 2. - С. 130.
- [314] Squires J. Liberal Constitutionalism. Identity and Difference // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 632.
- [315] Goodin R. Designing Constitutions: the Political Constitution of Mixed Commonwealth // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 640.
- [316] Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. - N.-Y.: Arlington House. - P. 54.
- [317] Troelsch E. The Ideas of Natural Law and Humanity in World Politics // Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. - Boston: Beacon Press, 1950. - P. 203.
- [318] Castiglione D. The Political Theory of the Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 418.
- [319] О процедурных аспектах реализации Советской Конституции см.: Венгеров А. О применении конституционных норм судебными органами СССР. - Советское государство и право, 1969, № 10; Губенко Р. Советский народ - субъект конституционных правоотношений. - Советское государство и право, 1980, № 10; Ильинский И., Щетинин Б. Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах. - Советское государство и право, 1969, № 9; Ким А., Основин В. Государственно-правовые процессуальные нормы и их особенности. - Правоведение, 1967, № 4; Лучин В. Процессуальные нормы в советском государственном праве. - М.: Юридическая литература, 1976; Кабышев В. О механизме реализации Конституции СССР // Конституция СССР и проблемы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1980; Миронов О. Методы конституционного регулирования. - Правоведение, 1980, № 2; Пертцк В., Шмайлова Л. Реализация конституционных норм. - Советское государство и право, 1979, № 5;

- Судницын Ю., Скуратов Ю. Конституционное обеспечение суверенитета народа в Советском государстве. - Советское государство и право, 1981, № 1; Тархов В. Конституционные отношения. - Правоведение, 1981, № 2; Шафир М. Механизм и основные сферы действия Советской конституции. - Советское государство и право, 1979, № 10; Фарбер И. Конституционное регулирование в социалистическом обществе // Проблемы конституционного права. Вып. 1(2). - Саратов: 1974 и др.
- [320] Деев Н., Шарафетдинов Н. Социалистический плюрализм в политике. - Советское государство и право, 1990, № 4. - С. 4.
- [321] Краснов М. О досрочном прекращении полномочий народного депутата СССР. - Советское государство и право, 1989, № 11. - С. 85.
- [322] Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. - М.: Терра, 1992. - С. 60.
- [323] Блок М. Апология истории. - М.: Наука, 1987. - С. 110.
- [324] Дюги Л. Конституционное право. - М.: 1908. - С. 66.
- [325] Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. - М.: Наука, 1978. - С. 50.
- [326] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA: University of Oklahoma Press, 1991. - P. 13.
- [327] Новгородцев П. Об общественном идеале. - М.: Правда, 1991. - С. 53, 54.
- [328] Русский перевод см.: Кентавр. - М.: Феникс, 1992, июль-август. - С. 40-51.
- [329] Фромм Э. Иметь или быть? - М.: Прогресс, 1986. - С. 218.
- [330] Шеварднадзе Э. Порядок в каком мире? - За рубежом, 1991, № 21. - С. 8.
- [331] Лотман Ю. Культура и взрыв. - М.: Прогресс, 1993. - С. 265.
- [332] Потульницький В. Історія української політології. - Київ: Либідь, 1992.
- [333] См.: Костомаров Н. Исторические произведения. Автобиография. - Киев: Изд-во при КГУ, 1989.
- [334] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 29.
- [335] Там же. - С. 82.
- [336] См.: Драгоманов М. Вибране.- Київ: Либідь 1991.
- [337] См.: Драгоманов М. Вибрані твори. - Прага: 1937. - С. 70. В "Автобиографии" М. Драгоманов писал, что Украина до ХУІІІ в. была тесно связана с Западной Европой и двигаясь вслед за ней по пути прогресса.
- [338] Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. - Київ: Либідь, 1993. - С. 85.
- [339] Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. - Київ: Знання, 1991. - С. 147.
- [340] Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. - Київ: Знання, 1991. - С. 150.
- [341] Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. - Київ: Знання, 1991. - С. 154.
- [342] Там же. - С. 158-159.
- [343] Там же. - С. 130.
- [344] Там же. - С. 117.
- [345] Там же. - С. 215.
- [346] Там же. - С. 51.
- [347] Там же. - С. 9.
- [348] См.: Планета Вячеслава Липинського. - Голос України, 1992, 17 квітня. - С. 8; Незалежна Україна. - Рада, 1992, № 26; Дві концепції української політичної думки. Вячеслав Липинський - Дмитро Донцов. - USA: Вид-во УККА, 1990. - С. 35-120.
- [349] Липинський В. Листи до братів-хліборобів. - Відень: 1926. - С. ХХУ.
- [350] Шлемкевич М. Загублена українська людина. - N.-Y.: 1954. - С. 28.
- [351] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 95.
- [352] Томашівський С. Історія України. - Мюнхен: Український вільний університет, 1948. - С. 11.
- [353] Там же. - С. 84.
- [354] См.: Перший український державник. - Рада, 1992, № 13-16.
- [355] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 183.

- [356] Возняк М. Українська державність. - Відень: 1918. - С. 116-117.
- [357] Мірчук П. Українська державність 1917-1920. - Філядельфія: 1967. - С. 50.
- [358] Бачинський Ю. Україна irredenta. - Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 29, 30, 33.
- [359] Мартинець В. Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. - Вінніпег: Новий шлях, 1954. - С. 10.
- [360] Мірчук П. Українська державність 1917-1920. - Філядельфія: 1967. - С. 17.
- [361] Міхновський М. Самостійна Україна. - Український патріот, 1948. - С. 25.
- [362] Мартинець В. Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. - Вінніпег: Новий шлях, 1954. - С. 20.
- [363] См.: Потульницький В. Історія української політології. - Київ: Либідь, 1992. - С. 170-180.
- [364] Там же. - С. 180-190.
- [365] Бочковський О. До проблеми української нації. - Визволення, 1923, ч. 3. - С. 17-24.
- [366] Цимбалістий Б. Тавро бездержавності. Політична культура українців. - Київ: 1994. - С. 36.
- [367] Липа Ю. Призначення України. - N.-Y.: Говерля, 1953. - С. 25, 26.
- [368] Там же. - С. 277.
- [369] Там же. - С. 176.
- [370] Там же. - С. 177.
- [371] История Русовъ или Малой Россіи. - М.: Университетская Типография, 1846; см. оценок этого источника в кн. : Возняк М. Українська державність. - Відень: 1918. - С. 67-68.
- [372] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. - 79.
- [373] Липа Ю. Призначення України. - N.-Y.: Говерля, 1953. - С. 262.
- [374] Там же. - С. 189.
- [375] Myshula L. Ukraine and American Democracy. - N.-Y.: United Ukrainian Organisation of the United States, 1939. - P. 11.
- [376] Chamberlin W. The Ukraine. A Submerged Nation. - N.-Y.: The Macmillan Company, 1944. - P. 6,7.
- [377] Там же. - С. 6.
- [378] Там же. - С. 23.
- [379] Шульгін О. Державність чи гайдамащина. - Париж: Меч, 1931. - С. 6.
- [380] Там же. - С. 15.
- [381] Скоропадський Д. Державність і патріотизм. - Kiel: Rucks and Co. Вид-во Українських скитальців, 1947. - С. 11, 15.
- [382] Шаповал М. Стара і нова Україна. - N.-Y.: Вид-во Української громади, 1925. - С. 10.
- [383] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 415.
- [384] Там же. - С. 174-175.
- [385] Там же. - С. 19.
- [386] Цимбалістий Б. Тавро бездержавності. Політична культура українців. - Київ: 1994. - С. 11.
- [387] Маринович М. Україна: дорога через пустелю. - Харків: Фоліо, 1993. - С. 12.
- [388] Шаповал М. Стара і нова Україна. Листи в Америку. - N.-Y.: Вид-во Української громади, 1925. - С. 4-5.
- [389] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 71.
- [390] См.: Перша Конституція України гетьмана Пилипа Орлика. 1710 р. - Київ: Веселка, 1994; Заповіт гетьмана. - Голос України, 1991, 29 листопада; Угода та Конституція Пилипа Орлика. - Літературна Україна, 1990, 12 липня.
- [391] Возняк М. Українська державність. - Відень: 1918 р. - С. 47.

- [392] Подолинський С. Вибрані твори. - Canada: Univesite' du Que'bec a Montre'al, 1990. - С. 145-146.
- [393] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 9.
- [394] Там же. - С. 15, 16.
- [395] Там же. - С. 18.
- [396] Програмові засади братства тарасівців // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 20.
- [397] Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. - Київ: Либідь, 1993 - С. 14-15.
- [398] Мартинець В. Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. - Вінніпег: Новий шлях, 1954. - С. 11.
- [399] Франко І. З кінцем року // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 38.
- [400] Там же. - С. 41.
- [401] Відкритий лист Революційної Української Партії до міністра внутрішніх справ Сіпягіна // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 74.
- [402] Українська суспільно-політична думка ХХ століття. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 53, 55.
- [403] Там же. - С. 58.
- [404] Мірчук П. Українська державність 1917-1920. - Філядельфія: 1967. - С. 51.
- [405] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 89-90.
- [406] Там же. - С. 104.
- [407] Там же. - С. 113.
- [408] Коллард Ю. Передмова до: Міхновський М. Самостійна Україна. - Вид-во Український патріот, 1948. - С. 9.
- [409] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 116-117, 120.
- [410] Там же. - С. 122.
- [411] Там же. - С. 139-140.
- [412] Там же. - С. 142.
- [413] Там же. - С. 149, 150.
- [414] Там же. - С. 154.
- [415] Там же. - С. 161, 162.
- [416] Там же. - С. 192, 196.
- [417] Шкільник М. Україна в боротьбі за державність в 1917-1921 р. - Toronto: Basian Press, 1971. - С. 45.
- [418] Донцов Д. Сучасне політичне становище нації і наші завдання // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 188.
- [419] Хвильовий М. Україна чи Малоросія? - Київ: Смолоскип, 1993. - С. 247.
- [420] Донцов Д. Клич доби. - Лондон: Вид-во Союзу українців у Великобританії, 1968. - С. 32-33.
- [421] Донцов Д. Росія чи Європа? - Лондон: Вид-во Союзу українців у Великобританії, 1954. - С. 25.
- [422] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 217.
- [423] Там же. - С. 228.
- [424] Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. - Київ: Либідь, 1993. - С. 75.
- [425] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 28.
- [426] Грушевський М. Вільна Україна // Українська суспільно-політична думка в 20

- столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983.
- [427] Яковлів А. Основи Конституції У.Н.Р. - N.-Y.: Говерля, 1964. - С. 8-9.
- [428] Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. - Київ: Знання, 1991. - С. 22, 24.
- [429] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 299, 300.
- [430] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 51.
- [431] Как писал М.Грушевский, "Статут" был проголосован Малой Радой единогласно и с большим энтузиазмом, при этом некоторые ораторы называли его "первой конституцией Украины" (См.: Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. - Київ: Знання, 1991. - С. 34; Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 58, 59.).
- [432] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 311.
- [433] Стахів М. Україна в добі Директорії УНР. - USA: Scranton, Ukrainian Free University, 1964. - С. 35.
- [434] Шкільник М. Україна в боротьбі за державність в 1917-1921 роках. - Toronto: Basilian Press, 1971. - С. 63.
- [435] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 67-68.
- [436] Яковлів А. Основи Конституції У.Н.Р. - N.-Y.: Говерля, 1964. - С. 15.
- [437] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 346-347, 359, 363.
- [438] Там же. - С. 368.
- [439] Там же. - С. 394.
- [440] Там же. - С. 399.
- [441] См.: Шкільник М. Україна в боротьбі за державність в 1917-1921 роках. - Toronto: Basilian Press, 1971. - С. 77.
- [442] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т.1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 400.
- [443] Стахів М. Україна в добі Директорії УНР. - Scranton: Ukrainian Free University, 1964. - С. 151.
- [444] Шкільник М. Україна в боротьбі за незалежність в 1917-1921 р. - Toronto: Basilian Press, 1971. - С. 79.
- [445] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 89.
- [446] Яковлів А. Основи Конституції У.Н.Р. - N.-Y.: Говерля, 1964. - С. 17.
- [447] Возняк М. Українська державність. - Відень: 1918. - С. 147.
- [448] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 19.
- [449] Там же. - С. 176.
- [450] Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. - Київ: Либідь, 1993. - С. 140.
- [451] Там же. - С. 140.
- [452] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 177.
- [453] См.: Костів К. Конституційні акти відновленої української держави 1917-1919 р. і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 122, 128; Мірчук П. Українська державність 1917-1920. - Філядельфія: 1967. - С. 388, 389; Шкільник М. Україна в боротьбі за державність в 1917-1921 р. - Toronto: Basilian Press, 1971. - С. 206, 207, 313.
- [454] Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. - Київ: Либідь, 1993. - С. 145.
- [455] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 409.

- [456] Яковлів А. Основи Конституції У.Н.Р. - N.-Y.: Говерля, 1964. - С. 28, 29.
- [457] Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави і їхня політично-державна якість. - Торонто: 1964. - С. 181.
- [458] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 404.
- [459] Та же. - С. 406, 407.
- [460] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 424.
- [461] Шлемкевич М. Загублена українська людина. - N.-Y.: 1954. - С. 29.
- [462] Мазепа І. Огнева доба. - Прага: Колос, 1941. - С. 55, 56, 78.
- [463] Степовик Г., Подоляк М. Листи від українських хліборобів до української інтелігенції. - Відень: 1921. - С. 59, 69.
- [464] Там же. - С. 41.
- [465] Там же. - С. 9.
- [466] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 8, 13, 14.
- [467] Там же. - С. 105.
- [468] Там же. - С. 145.
- [469] Там же. - С. 173.
- [470] Там же. - С. 227.
- [471] Там же. - С. 329.
- [472] Там же. - С. 387, 388.
- [473] Там же. - С. 402.
- [474] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 14.
- [475] Там же. - С. 67, 68.
- [476] Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. - Київ: Либідь, 1993. - С. 242.
- [477] Там же. - С. 274.
- [478] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 98-99.
- [479] Там же. - С. 102.
- [480] Там же. - С. 105.
- [481] Полтава П. Збірник підпільних писань. - Мюнхен: Український самостійник, 1959. - С. 150.
- [482] Там же. - С. 119.
- [483] Мартинець В. Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. - Вінніпег: Новий шлях, 1954. - С. 110.
- [484] Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. - Нью Йорк: Сучасність, 1983. - С. 251.
- [485] Там же. - С. 293.
- [486] Там же. - С. 309.
- [487] Там же. - С. 323.
- [488] Там же. - С. 365.
- [489] Маркс К., Енгельс Ф. Соч. Т. 1. - С. 399.
- [490] Маркс К., Енгельс Ф. Соч. Т. 20. - С. 295.
- [491] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. - С. 71.
- [492] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. - С. 44.
- [493] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. - С. 140.
- [494] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. - С. 202.
- [495] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. - С. 147; Т. 34. - С. 315.
- [496] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. - С. 313.
- [497] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. - С. 170.

- [498] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. - С. 142-143.
- [499] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. - С. 275.
- [500] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. - С. 132.
- [501] СУ 1917, № 1. - Ст. 1.
- [502] СУ 1917, № 1. - Ст. 1.
- [503] СУ 1917, № 1. - Ст. 2.
- [504] СУ 1917, № 1. - Ст. 5.
- [505] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. - С. 65-67.
- [506] СУ 1917, № 3. - Ст.35.
- [507] СУ 1917, № 3. - Ст. 49.
- [508] СУ 1917, № 12. - Ст. 179.
- [509] СУ 1917, № 12. - Ст. 180.
- [510] СУ УССР, 1919, № 19. - Ст. 204.
- [511] Купчишин О. Основоположні принципи Конституції УСРР 1919 р. - Радянське право, 1979, № 3. - С. 12-14.
- [512] СЗ СССР, 1926, № 66. - Ст. 501.
- [513] СЗ СССР, 1934, № 33. - Ст. 257.
- [514] СЗ СССР, 1934, № 50. - Ст. 395.
- [515] СЗ СССР, 1936, № 22. - Ст. 198.
- [516] СУ РСФСР, 1928, № 22. - Ст. 157.
- [517] СУ УССР, 1933, № 11. - Ст. 123.
- [518] Конституции Союза ССР и Союзных Республик. - М.: Изд-во Власть Советов при Президиуме ВЦИК, 1937. - С. 45-65.
- [519] Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. - М.: 1985. - С. 99- 144.
- [520] См.: Речицкий В. Конституційні гарантії участі мас в управлінні державними і громадськими справами. - Радянське право, 1983, № 3 . - С. 49-51; Речицкий В. Конституционные гарантии обеспечения участия граждан СССР в управлении государственными и общественными делами. - Правоведение, 1984, № 1. - С. 37-41.
- [521] Перевод с украинского. Впервые эссе под названием "Фатум поміркованости" опубликовано в журнале "Сучасність", 1996, № 7-8.
- [522] Впервые модельный проект Конституции Украины был опубликован в журнале "Права людини в Україні", № 5, 1994 г. на украинском, русском и английском языках. Предлагаемый вариант модельного проекта является исправленной и дополненной версией русского варианта модельного проекта, впервые увидевшего свет в 1994 г.